

В.Л.КОМАРОВИЧ
КИТЕЖСКАЯ
ЛЕГЕНДА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

В. Л. КОМАРОВИЧ

КИТЕЖСКАЯ ЛЕГЕНДА

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНЫХ ЛЕГЕНД

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *Н. Горбунов*

Ответственный редактор А. С. Орлов.
Технический редактор Д. Бабкин.

*

Рисунки переплета, супер-обложки и инициалов худ. Г. Д. Епифанова.

Сдано в набор 9 февраля 1936 г. Подписано к печати 20 мая 1936 г. Формат бумаги 62 × 94 см. Печ. л. 11 3/4 + карта. Уч.-авт. л. 10, 98. Тип. зн. в печ. л. 37 000. Тираж 3200 экз. Ленгорлит № 13469. АНИ № 1149. Заказ № 592.

*

Типография Академии Наук, В. О., 9 линия, 12.

естная легенда (légende locale, Ortssage) — это та разновидность устных легенд вообще, которая у нас наименее пока-что изучена.

В противоположность обычно подразумеваемым под устной легендой народным пересказам библейско-христианских апокрифов, — произведений книжных и в этом смысле ничем не отличающихся и в устной передаче от других жанров средневековой литературы, — местная легенда имеет то разительное отличие, что, по образному выражению Ключевского, „цепляется“ за урочище, т. е. своим сюжетом непременно всегда связана с тем или иным, почему-нибудь примечательным местом или предметом: городищем, руиной, могильником, патрональным храмом, пещерой, ключом, горой, деревом, камнем, бродом, колодезем и т. п. И на вопрос: что притянуло к урочищу легендарный сюжет, — ответ не всегда может быть найден легко и просто, по крайней мере, адептами сравнительно-исторической школы. В самом деле, что из того, что в местной псковской легенде о горе Судоме обнаружен (еще Буслаевым), в качестве ее сюжета, тот же апокриф („суды Соломона“), что и в одном из эпизодов Сервантесова „Дон-Кихота“: повод к местному его приурочению лежит совсем в другой плоскости, чем постулируемая сравнительно-исторической школой простая смена заимствований перехожего сюжета. Повод этот надо искать или, как в указанном случае, в так наз. „народной этимологии“ соответствующего местного названья, т. е. в фактах языка и, особенно, топонимики с скрывающимися за ними этнолого-социологическими реалиями; или, — когда урочищем служит памятник материальной культуры, — в данных археологии. Существование галло-римского кладбища, с приуроченными к нему многочисленными легендами, в окрестностях Arle (на юге Франции) объясняет, напр., почему содержанием этих легенд и связанной

с ними поэмы („Aliscans", из цикла Вильгельма Оранского) служит гибель от сарацин и погребение паладинов. Неизбежна, следовательно, при изучении местных легенд ориентация на топонимику и археологию или, верней, на опознаваемые при их помощи внелитературные факторы изучаемого жанра. Факторы эти — этнолого-социологические. И какие неожиданные перспективы могут вдруг развернуться перед взором исследователя при таком подходе к местной легенде — пусть даже внесенной давным давно в летопись и в этом смысле общеизвестной — показало блестящее наблюдение Н. Я. Марра над киевской местной легендой (о трех братьях — строителях) и сходной армянской (о строителях Куара). К сожалению, это — лишь экскурс в почти непочатую еще у нас область.

Правда, интерес к местным легендам проявлен уж был Буслаевым, что стояло в связи с более общим его интересом к областным литературам вообще. Буслаев и отметил впервые несколько таких агиографических памятников, в основу которых легли местные легенды: новгородские — в житии Антония Римлянина, ростовские — в сказании о Петре, царевиче Ордынском, смоленские — в повести о Меркурии, муромские — в сказаньях о Петре и Февронии и об унженском кресте. Аналогичная роль местных легенд в образовании других литературно-поэтических жанров — летописных сказаний, былин, украинских дум — отмечалась и позже. Но именно лишь отмечалась. Специальных же об этом исследований у нас почти нет, как нет и ни одного сборника этих легенд: они спорадически лишь мелькают, — среди инородных по существу апокрифов, — в сборниках Афанасьева, Драгоманова, Садовникова; чаще же всего их можно встретить в никому неведомых провинциальных „Губернских ведомостях" и им подобных изданиях.

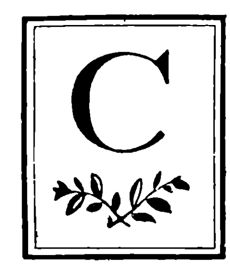
Иначе обстоит дело с изучением местных легенд на Западе.

В одной только Франции их давно уже (с 1886 г.) систематически публикует „Revue des traditions populaires" (с 1920 года слившийся с „Revue d'Ethnographie" и выходивший до последнего времени под общим с ним названием: „Revue d'Ethnographie et des traditions populaires"). Местным легендам, с другой стороны, наука обязана там одной из видных теорий возникновения старофранцузского эпоса. Имеем в виду труд J. Bédier „Les légendes épiques", где как-раз широко применен метод топонимических и археологических справок. В этом, как равно и в самой

попытке путем исследования местных легенд подойти к отысканию первоисточника одного из сложнейших жанров средневековой поэзии и литературы, труд Bédier для истории древнерусской литературы, остается, кажется, по сие время без применения. Заполнить этот пробел нижеследующее исследование отнюдь, разумеется, не претендует, — просто уж потому, что охватывает слишком ограниченный круг явлений. Оно посвящено циклу легенд, местное приурочение которых связано с названием „Китеж“, в его различных формациях, почему предмет исследования и назван китежскою легендой. От других местных легенд она выгодно отличается, помимо чисто исторического интереса скрывающихся за ней фактов, тем, что, кроме устных версий, знает также и письменную, чем не только облегчается изучение, но и оправдывается самый выбор, с точки зрения более общего вопроса о взаимоотношении фольклора и письменности.

Географические названия, встречающиеся ниже, почти все отыскиваются на приложенной в конце карте.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ветлоярское урочище со своими обрядами и легендой (в б. Макарьевском у. б. Нижегородской губ.), много раз описанное этнографами-беллетристами, послужившее материалом для различных композиций в живописи (Васнецова, Рериха, Плотникова) и в музыке (Василенки, Римского-Корсакова), отозвавшееся в лирике (у Ап. Майкова, С. Городецкого, Н. Клюева, М. Волошина) и в современной художественной прозе (М. Горького, Мережковского, К. Федина[1]) — урочище это, как ни странно, меньше всего удостаивалось пока внимания со стороны науки. А материал, требующий тут себе изучения, собран уже большой. От времен Погодина (впервые опубликовавшего в 1843 г. местную запись светлоярских преданий) и до экскурсионных заметок Короленки и Пришвина накопилось не мало данных о бытовании китежской легенды среди ежегодных посетителей Светлояра и прибрежных его холмов, так наз. „гор".[2] Данные эти нуждаются теперь в систематизации и научном их освещении

[1] Ср. в „Городах и годах", в главе „Без черного и белого": „В этот час затоплял переулки колокольный звон, и безмолвие домов углублялось им до тишины подводного яра... И багровые от заката церкви чудились утонувшим царством... Кремлевские башни... выплывали... каким-то надгробием исчезнувшего под землей города" (изд. 12-ое, 1935 г., стр. 271).

[2] Библиография литературы о светлоярской легенде дана (не без пробелов) в указателе Н. Л. Бродского, Н. А. Гусева и Н. Сидорова „Русская устная словесность. Историко-литературный семинарий". Центр. бюро краев. при Росс. Ак. Наук, изд. „Колос", Лгр., 1924 г., стр. 95—96. В дополнение к ней укажем еще: Е. Л. в „Несколько слов о раскольниках нижегородской епархии", Правосл. собеседник, 1866 г., ч. III, стр. 263—294; П. С. Усов. Среди скитниц, Истор. вестн., 1887 г., т. XXVII; И. Ф. Тюменев. От Ярославля до Нижнего. Истор. вестн., 1906 г., № 10; Р. Баскин: Сказанье о невидимом граде Китеже. (Прил. к „Ниве"), 1908 г., т. II, май — август; Н. Пиксанов. „Горький и фольклор". 1935 г., стр. 15. Мои собственные записи светлоярской легенды везде дальше отмечаются только годом, когда запись сделана.

путем сопоставления друг с другом и с сходными явлениями в международном фольклоре.

Начнем с календарного приурочения самого сборища.

„На горы“ к Светлояру принято собираться в ночь под 23 июня (по старому стилю).[1] На этот день приходится храмовой праздник в соседнем к Светлояру селе Владимирском, что и служит поводом к сборищу. Повод этот, с точки зрения давности, не внушает, однако, к себе доверия: празднуемое 23 июня церковное событие к светлоярской легенде прямого отношения не имеет, да и связанный с этим днем местный храмовой праздник — явление тут новое: еще в начале прошлого века нынешнее село Владимирское церкви своей не имело и называлось по имени протекающей рядом речки, просто деревней Люндой.

Но если нынешний повод для паломничества на светлоярские „горы“ и нов, то приурочение самого паломничества к соответствующему календарному сроку не ново.

„А давно уж народ на Владимирскую к озеру сходится?“ — спрашивал в 1876 г. А. Гациский у настоятельницы одного старообрядческого скита близ Семенова. — „Сисстари сходится“, — был ответ,[2] подтверждением которому может служить дата в одной из литературных обработок светлоярской легенды; „Послание к отцу от сына из оного сокровенного монастыря“[3] датировано: „июня в 20 день“. Конец июня, независимо от новейшего местного храмового праздника, был искони, следовательно, урочным временем для светлоярских сборищ. Исконный же повод для них найти уж легко.

Не забудем, что 23 июня — канун Иванова дня, „купалище“, „купалия“ или „купальница“, согласно общепринятому в старину наименованию. И вот, как оказывается, довольно прочная традиция светлоярской легенды один из трех китежских храмов называет как-раз „Ивановским“. В 1925 г. старуха (староверка), показывая пальцем на каждый из трех светлоярских прибрежных

---

[1] Здесь как и дальше при описании светлоярской обрядности настоящее время (praesens) употреблено условно, отнюдь не с целью указать на ее сохранность или устойчивость: в бытовых условиях современной деревни об этом не может, разумеется, быть и речи.

[2] См. А. Гациский, „У невидимого града Китежа“, “Древняя и новая Россия“, 1877 г., т. III, стр. 271.

[3] См. о нем в следующей главе.

холмов, объясняла: „Вот под этой горой — церковь Ивановская, под этой вон — Успенский собор, а под той — Благовещенье. И все те церкви господь землей укрыл". К кануну Иванова дня, на „Купальницу" и собирались, следовательно, сюда прежде. Этот вывод сразу же приоткрывает исконно-языческое происхождение ежегодного сборища, тем более что в его обрядовых традициях и в некоторых мотивах самой легенды можно и сейчас еще отыскать характерные пережитки языческой летней и весенней (купальской и радуничной) обрядности.[1]

С этой точки зрения прежде всего обращают на себя тут внимание „запреты" на купанье и на рубку прибережных деревьев. В 1925 г. старик на берегу Светлояра рассказывал обступившим его старухам: „Летось баба тут елошину подрубила. — Что, говорит, за запрет такой! Срублю, и все тут! — Как подрубила, дерево ее до смерти и ушибло". С „запретом" на купанье столкнулся Короленко: рыбак, следивший за купающимся писателем „глазами полными захватывающего, жадного любопытства", „испуганным взглядом", говорит ему в заключенье: „Ну, брат, насыпь ты мне вот эту лодью золота, — чтобы я мырнул в нашем озере ... Ни за что не мырнул бы".[2] Эти и другие подобные им запреты[3] могут иметь двоякое происхождение: в них можно видеть или средство искоренения пережитков язычества или же самые эти пережитки. Не забудем, что купанье и растительные (древесные) украшения — неизменные атрибуты купальской обрядности, где бы мы с ней ни встре-

---

[1] Вывод об исконно-языческом назначении Светлоярского урочища подтверждается местным преданием. А. П. Поливанов, интересовавшийся этим урочищем в 80—90-х годах, в своем докладе Нижегород. губ. уч. архивн. ком., сообщал между прочим: «Рассказывают также, что когда-то на этом месте происходили какие-то „бесовские игрища"» (см. „Действия Нижегород. губ." уч. архивн. ком.", Журнал XXXV заседания). Эти рассказы несомненно известны были и Мельникову-Печерскому: « ... На холмах Светлого яра ... великие сходбища народа бывали ... Собирались сюда русские люди старые свои праздники праздновать, чествовать светлого бога Ярилу. В „Навий день", на Радуницу, справляли здесь „оклички" покойников ... ; здесь справлялись зеленые святки и с торжеством зажигались купальские костры ...» („В лесах", ч. IV, гл. I).

[2] См. Собр. соч. В. Г. Короленко, (изд. „Нива"), т. V, кн. 14, стр. 253.

[3] В 1925 г. в Семенове от столетней старухи („Бурдихи") пришлось, напр., услышать еще об одном, старинном уже „запрете": „Прежде по озеру ездили только на лодках долбленых. Выдолбят как колоду, из цельного дерева, по две свяжут и едут — они не кувыркаются. А ботник — не подымала вода-то".

тились.[1] На Украине Марена или Купала — не что иное как именно срубленное дерево, в венке и лентах, которое на рассвете, после купальских игр, непременно бросают в воду, чему соответствуют и традиционные песенные мотивы.[2] Сходны и „похороны Костромы“ в окрестностях Мурома,[3] или „проводы русалок“ в Белоруссии.[4] Сюда же следует отнести обряд обливания водой на Иванов день в некоторых великорусских губерниях и сходные свадебные обряды у угро-руссов.[5] Погружение в воду (или купанье) и древесные украшенья, как характерные признаки купальской обрядности, отмечают и направленные против язычества памятники древнерусской письменности, — Стоглав, Густынская летопись, рассужденье книжника XVI в., объяснившего по-своему „чего ради наречеся Ивань вечер купальницею“, челобитная старца Григория (1651 г.), обличающая тех, кто в Иванову ночь „скачет“ „веники зажегши“ и др.[6] „Запреты“ на купанье и на рубку деревьев на Светлояре могли, следовательно, возникнуть в процессе искоренения церковью существовавшей здесь прежде купальской обрядности, подобно тому, как в Ярославской губ. существует, напр., специальный запрет на купанье в Иванов день.[7] Не исключена, однако, возможность и иного происхождения светлоярских „запретов“, особенно запрета на рубку деревьев: он может непосредственно восходить к исконно-языческой табуации священной рощи, обычной, напр., у мордвы или мари.[8] Так или иначе связь светло-

---

1 См. А. Веселовский, „Гетеризм, побратимство и кумовство в купальской обрядности“, ЖМНП, 1894 г., кн. 2, стр. 287—318.

2 См. Афанасьев, „Поэтические воззрения славян на природу“ III, 721; А. Потебня „О купальских огнях и сродных с ними представлениях“, Древности, Археол. В., т. I, 1868 г., 27—186.

3 См. Перелецкий, „О старинной (народной) картинке — Похороны Костромы“, Вестн. арх. и ист., 1911 г., XX.

4 Веселовский, op. cit , стр. 314.

5 См. Максимов, „Нечистая, неведомая и крестная сила“, стр. 475; А. В. Балов, „Купальские обряды и игрища“ (Русск. архив, 1911 г., кн. 9).

6 См. Карский, „Белоруссы“, т. III, 178—179; Живая старина, 1890 г., вып. I, стр. 130.

7 См. Максимов, op. cit., 475.

8 В 1534 г. Новгородский архиеп. Макарий доносил в Москву об искоренении им в его епископии „прелести кумирской“: посланный Макарием инок „нача ... лесы сечи и огню предавати“, а „мужи и жены ... не смеяше ни един на разорение скверных мольбищ коснутися“ ... потому что „аще кто их преже сего касашеся, и диявол их ... смерти предавал“. См. П. с. р. л., т. V, стр. 74.

ярских „запретов“ с языческими „игрищами“ ясна, тем более, что даже теперь и деревья и погружение в воду обрядовой своей роли на светлоярском празднике, несмотря на запреты, до конца не утратили, а лишь получили новое осмысление. Украшение дерева лентами и уподобление его Купале или Марене нельзя не поставить в связь со светлоярским обычаем при богомолье „на горах“ непременно увешивать деревья нарочно для этого привезенными образами, так что, кланяясь земными поклонами на образа, кланяются вместе с тем дереву. Короленко слышал особую даже „молитву“ светлоярской березе: „Ой, березка матушка! На церковной главе выросла. Помилуй нас!“ Молитву „перед березой“ наблюдал там и Пришвин.[1] Тоже и в воду (купаться в которой, правда, запрещено) все же бросают, правда, не древесное изображение Купалы и не соломенное чучело Костромы, а щепочки с прилепленными к ним зажженными свечками, — „к образам невидимых храмов“.[2] Но такое осмысление видоизменившегося обряда явилось, конечно, позже, а обряд, хоть и видоизменившийся, сохранился от языческой старины.[3] Сохранился тут и купальский обычай собирания целебных трав, — непременно при этом на берегу Светлояра, — и купальские костры, и наконец, пережитки купальского гетеризма.

О травах в 1925 г. рассказывала одна уроженка Семенова: „На Китеж богу молиться ходят с тех пор, как ушел он под озеро. Хворала я, так вот и ходила туда. От болезни и травы там рвала, пила настой; помогало“. Подобный же рассказ записан Гациским.[4] За светлоярской — якобы целебной — осокой, как помнят старожилы в с. Владимирском, нарочно приходили прежде даже из Городца.

Что касается костров, их зажигают теперь на Светлоярских „горах“ в ночь с 22 на 23 июня съезжающиеся сюда бого-

---

1 См. Собр. соч. Короленко, изд. „Нива“, т. V, кн. 14, стр. 252; М. Пришвин, „У стен града невидимого“, 1913 г., стр. 131.

2 Пришвин, стр. 133. С. Дурылин. „Церковь невидимого града“, стр. 63.

3 Очень сходное перерождение языческого обряда потопленья Купалы (или Купайлы) отметил в Кременце Волынской губ. А. В. Балов: „Сделав венок, каждая девушка прикрепляет к нему восковую свечку, и затеплив огонек, пускает венок на реку“ (Op. cit., 15).

4 См. „Древняя и новая Россия“, 1877 г., т. III, стр. 271. О связи лекарственных трав с купальской обрядностью см. А. Потебня „О купальских огнях...“ и т. д.; Балов, op. cit., 9; Живая старина, 1890 г., кн. II, стр. 137—138.

мольцы, — без всяких конечно „игр“. Характерно, однако, что ночевать у разведенных костров собирается сюда в эту ночь, кроме стариков богомольцев, также и молодежь. Днем она веселится за ярмарочными столами, с сбитнем и пряниками, как-раз у подошвы того холма, который называют „Ивановским“; пьют и едят чаще всего попарно; эта же „парность“ обращает на себя внимание и во время ночного гулянья по „горам“ между костров, приводя на память соответствующие обличения „Стоглава“ или челобитной Григория. Светлоярская ярмарка с ее столами и угощением едва ли не выродилась из купальских пиров: перерожденье ритуального пира в ярмарку — явление обычное.[1]

В наших сопоставлениях мы умышленно ограничивались пока обрядом вне его связи с купальским мифом. Но, как известно, купальская обрядность, приуроченная к летнему солнцестоянию, скрывает за собой натуралистический миф об умирающем и воскресающем боге.[2] И если наши обрядовые аналогии верны, пережитков мифа и связанного с ним действа надо искать в легенде.

Китежская легенда в устной передаче на Светлояре имеет три почти совершенно, как увидим, обособленных друг от друга версии. На одну из них, — наименее, кстати сказать, известную, — сейчас и следует обратить внимание.

„Город, милые, скрылся от Девки-Турки. Прискакала сюда на коне Девка-Турка, где ни прыгнет — ямы стоят как погребы. Набежала на святой город, а он у ней под копытами и провалился; и стало над ним Светлое озеро“.[3] Как сразу видно, эта версия замечательна тем, что вместо насильника (исторического Батыя) выводит насильницу, какую-то „девку“, в чем и можно усматривать архаический признак: миф, скрывающийся за купальской обрядностью, требует ведь именно женского образа, который к тому же очень часто двоится, вместо привлекательных черт Адонисовой любовницы Афродиты принимая мрачный

---

[1] См. Д. К. Зеленин, „Очерки русской мифологии“, стр. 101, 104—105.

[2] См. Дж. Фрэзер, „Золотая ветвь“, вып. III; Умирающие и воскресающие боги растительности, М., 1928; см. также Н. С. Арсеньев „Плач по умирающем боге“, Этногр. обозр., 1912 г., № 1—2.

[3] Записано на Светлояре в 1926 г. Намек на ту же версию есть еще только у Пришвина: „Турка скакал, скакал по версте шаг. Господь и пожалел город из-за праведников, скрыл от турки“, op. cit., стр. 95.

облик подземной Персефоны.[1] Именно к типу Персефоны приближается, напр., украинская „Марена“.[2] А в Саратовском уезде, в обряде потопления Костромы, второй персонаж так прямо и назван: „Смерть“.[3] Кострома же (в муромском обряде) — чучело в мужском платье. Эта „Смерть“ занимает, следовательно, место как-раз женского персонажа. В один ряд с Персефоной — Мареной — „Смертью“ становится, очевидно, и Светлоярская „Девка-Турка“. Самый же образ этой „девки“-насильницы, верхом на коне, напрашивается на сопоставление с тою версией обряда „провожанья русалок“, которая носит название „ряженого коня“ и засвидетельствована как-раз в северной части Заволжья: в Нерехте (Костромской губ.) так наз. „русальское“ заговенье (на Петров пост) носит особое название „конюковки“.[4] Что касается собственного имени „Турка“, то оно может восходить вовсе не к названию народности, а к слову т у р: в старину тур (как и конь) заменял козу в известном святочном обряде обхода с козой, где коза „представляется подательницей плодородья“ и, значит, могла принадлежать, как и заменявший ее прежде тур, не к колядному только, но и купальскому циклу обрядов. „Турилкина“ борода (вм. козлиной) упоминается в близких к купальским дожиночных песнях.[5]

В международном фольклоре есть, наконец, указания и на такие пережитки купальских верований, где, с известной закомерностью, выступает мотив „провалища“ — мотив, кстати сказать, только одной этой версией (с „Девкой-Туркой“) и представленный в светлоярской легенде сколько-нибудь отчетливо.

Обычай брататься или „кумиться“ на Иванов день Веселовский возводит к купальскому гетеризму, в качестве позденейшей замены последнего, рассчитанной на его искоренение, достигавшееся тем, что гетеризм как нарушение кумовства, приравнивался, после такой замены, к библейской содомии, откуда непо-

---

1 См. Веселовский, op. cit., 290.

2 Самое слово „Марена“ объясняется (Потебней) из скр. „маранам“ — смерть, с чем (вопреки Веселовскому) соглашается и Аничков, привлекая в подтверждение западнославянские данные. См. „Весенняя обрядовая песня“, ч. I, стр. 275.

3 См. Зеленин, op. cit.. 256—257.

4 См. Зеленин, op. cit., 249. „Проводы русалок“, вообще очень близкие к купальской обрядности, иногда и хронологически совпадают с последней.

5 См. А. А. Потебня, „Объяснения малорусских и сродных народных песень“. II. „Колядки и щедривки“, В., 1887 г., стр. 173—178.

средственно уже вытекала угроза всем участникам „игрищ" подвергнуться той же участи, что Содом. Об этой угрозе помнит, напр., невеста Марка Кралевича:

Под нам ће се земља провалити
Кад ће се кум куму миловати.

Исполнением той же угрозы, т. е. провалищем под ногами согрешивших кумы и кума, легенда в Монферрате (Италия) объясняет возникновение озера у Castrogiovanni.[1] Ею же опять-таки заканчивает и игумен Панфил известное свое послание „О Ивановской ночи Предтечеве" (1505 г.): „Яко же древле согрешиша людие, не восхотеша закона хранити, седоша ясти и пити и востав начаша играти и прогневати беззаконием своим; сих же пожре земля живых во един день 20 и 3 тысящи".[2] Подобно легенде об озере у Castrogiovanni в Италии, пережитки купальской обрядности и на Светлояре могли отлиться в легенду о провалившейся в озеро „Девке-Турке". „Святой город" явился на ее место позже.

Но были тут, кроме культовых, и этнические еще поводы к возникновению подобной легенды. Водораздел между Керженцем и Ветлугой, где находится Светлояр, до появления там русских занят был так наз. „луговой черемисой" (мари). А в семейном быту марийцев даже в ближайшее уж к нам время этнографы отмечают и полиандрию и левират, и снохачество,[3] всё такие черты, которые русскому средневековому колонисту должны были казаться не чем иным как „лютым падением" библейских содомлян „со дщерями", по словам митрополита Макария в одном его послании к Ивану Грозному.[4] Тем более, если в смешение с марийцами вступали сами же русские. А что такое смешение имело там место, доказывает топонимика края, не только изобилующая марийскими в основе своей названиями,[5]

---

[1] См. Веселовский, op. cit., стр. 296—297.

[2] См. Дополнение к Акт. истор., I, стр. 18—19, а также ЧИОИДР, 1846 г., № 4, смесь, стр. 59.

[3] См. И. Н. Смирнов, „Черемисы". Историко-этнографический очерк, Казань, 1889 г., стр. 97, 98, 102.

[4] См. Акты исторические, I, стр. 293.

См. Труды VII археол. съезда в Ярославле, т. II, М., 1891 г., стр. 235, 239 (этимологию слова „Керженец"). В Сотной грамоте 1560 г. (о ней см. ниже) в перечне озер дважды встречается название: „Черемисское".

но отличающаяся еще одной в высшей степени характерной чертой. В „Списке населенных мест“ Нижегородской губернии (по сведениям 1859 г.), на Заволжскую ее часть (т. е. на уезды Семеновский, часть Макарьевского и часть Балахнинского) приходится семь одноименных селений с названием Содомово (или Содомиха).[1] По дороге в Семенов из Городца, самого западного и древнейшего тут центра русской оседлости,[2] „Содомово“ попадается дважды (№№ 1460, 1657); три других селения с тем же названием (№№ 3595, 3990, 4260) расположены далее на восток, между Семеновым и Нижним-Новгородом (нынешним Горьким); наконец, еще два селения с этим названием (№№ 3363, 3372) уводят на восток еще далее, на левый уж берег Ветлуги, где марийцы удержались до наших дней. При этом из двух последних селений одно называется не только „Содомиха“, но еще „Поломерское“. Указывая на полурусское, полумарийское когда-то население этой деревни, название „Поломерское“ наглядно, таким образом, объясняет, к какой этнической среде приложимы были первоначально осудительные эти библейские названия.

Кольцом из таких „Содомовых“ и окружен Светлояр. И сопоставления с Содомом Китежа среди хранителей светлоярской традиции даже сейчас весьма там обычны, — правда, всегда только уж по контрасту: „Вот ведь в древние времена покарал господь Содом и Гоморру. Так ведь на том месте море-то Мертвое, — так и прозывается, — а не экая светлость“ (1925 г.); или, если китежская легенда излагается в одной из тех версий, где вместо озера чудесное событие приурочено к „горам“: „Так ведь Содомское-то море — провалище; а у нас тут не провалище, мой батюшка, не провалище! И в Городце не провалище. Оба Китежа господь землею укрыл“ (1926 г.). Наконец, светлоярский сборник, — специально предназначенный для чтения „на горах“ и хранящийся тут же, в страннoприимной избе, — наряду с „Китежским летописцем“ содержит не случайно, должно быть, статью „О содомском море“ из Хождения Трифона Коробейникова.[3]

---

[1] См. „Нижегородская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Издание Центр. стат. ком. Мин. вн. дел“. СПб., 1863 г., №№ 1460, 1657, 3363, 3372, 3595, 3990, 4260.

[2] Ныне — села, в двадцати километрах от г. Балахны, Горьковского края.

[3] О самом сборнике см. ниже.

Мотив „провалища“ в рассмотренной выше версии светлоярской легенды возник, очевидно, на основе тех же бытовых наблюдений и книжно-нравоучительных ассоциаций, что и окрестные названия „Содомово“, т. е. в результате христианизации купальской обрядности при смешанном (полурусском, полумарийском) составе ее приверженцев. Так же возник, конечно, мотив провалища в легенде, приуроченной к другому озеру, в 30 верстах к югу от Светлояра, по имени Нестияры или Местияры.[1] Черемисов-язычников по соседству с ним застал в начале XV в. св. Макарий Желтоводский: основанный Макарием в 1435 г. на Волге монастырь (где он крестил черемисов),[2] от озера Нестияры отстоит на каких-нибудь 50 верст.[3] Сходный этнический субстрат можно предполагать и для сказки, записанной В. Н. Перетцом в 1893 г., в деревне Малая Будогоща, Тихвинского уезда (Новг. губ.);[4] об исконно финском населении Тихвинского уезда говорят раскопки имеющихся там курганов.[5]

Прежде чем перейти к двум другим версиям светлоярской легенды, отметим в связанных с ними обрядах тоже пережитки языческих представлений, на этот раз — радуничных.

Версии эти, вместо провалища на дно озера, обе одинаково говорят о чудесных „скрытниках“ внутри „гор“,[6] в чем и можно

[1] Может быть из Мерстияры, от слова Мерский, в том же смысле, что Галич Мерский.

[2] Согласно житию. — См. „Русские святые“, соч. Ф. А. Ч., Чернигов, 1864 г., месяц июль, стр. 148—149.

[3] Нестиярская легенда, кроме Мельникова-Печерского („В лесах“, часть III, гл. 17) записана еще Д. Н. Садовниковым (см. его „Сказки и предания Самарского края“, СПб., 1884 г., стр. 378—379).

[4] См. статью „Несколько данных к объяснению сказаний о провалившихся городах“, „Изборник Киевский (в честь Т. Д. Флоринского)“, Киев, 1904 г., стр. 80—81.

[5] См. А. Колмогоров, „Тихвинские курганы“, в „Трудах XV Археол. съезда в Новгороде“, т. I, М., 1914 г., стр. 426—428. Вообще встречей язычества с христианством в лице этнически разнородных носителей того и другого (напр., южных славян и греков, балтийских славян и германцев, бретонских кельтов и франков, литовцев и поляков) можно, кажется, объяснить и многие другие сходные предания о провалившихся и затонувших городах, из числа хотя бы собранных в статье Н. Сумцова „Сказания о провалившихся городах“ (Харьковский сборник истор.-фил. общ. 1895 г.) и в статье Хр. М. Лопарева „К легенде о затонувших городах“, Труды XV Археол. съезда, т. I, 1914 г., стр. 346—356.

[6] Подобно „Кирриловым горам“ в Городце, к которым тоже приурочена легенда о „старцах-скрытниках“ пересказанная Мельниковым-Печерским (в повести „Гриша“). См. Собр. соч. (Изд. „Нивы“) т. I, стр. 275—276.

видеть пережиток языческого культа умерших предков. В самом деле: непрекращающаяся жизнь под „горами“ заживо погребенных, укрытых чудесным земляным покровом старцев „скрытников“ во главе с старейшим из них, Георгием Седоволодовичем,[1] непрекращающееся общение с ними посредством земных поклонов перед „горами“, посредством особой молитвы[2] или видений,[3] а для избранных — посредством прямого посещения подземного их жилища;[4] наконец, обычай подавать этим „скрытникам“ (в дупла деревьев, которыми обросли „горы“, или в расщелины и в ямы под корнями этих деревьев) милостыню в виде свечей, крашеных яиц или холста[5] — всё это только и может восходить к радуничным обрядам „окликания“ покойников, связанным с народным культом Егория и языческим культом земли.[6]

С этой точки зрения Светлоярские „горы“ следует, кажется, признать местом какого-то древнего погребения, в пользу чего говорят и результаты произведенной там в 70-х годах прошлого века местным любителем-археологом (А. П. Поливановым) археологической разведки: Поливанову удалось „на возвышен-

---

1 „Седоводолодович“ (1925 г.), вм. Всеволодович, предполагает, очевидно, „Седоволосович“, как в былине о Василии Окульевиче и царе Соломоне (Марков, № 83) — „Пустоволодович“ = „Пустоволосович“.

2 „Святые угодники, земные скрытники, молите бога о нас!“ (1926 г.) или: „Святые святители, зе́мные сокрытели“ и т. д. Молитву эту на „горах“ произносят, наклоняясь к самой земле.

3 „Бывало, в овине летом кто-нито заночует, ночью-то выйдет, оборотится к Горам — ан Горы — ти и сияют. И видно: кресты, церковные маковки“ (1926 г.). Ср. ряд аналогичных рассказов у Меледина, Гациского, Короленки, Пришвина.

4 „Мово отца мать праведной жизни была. Ни одну ночь в постельке-то не спала. Как всех уложит, так и пойдет к богородице. И молится и молится. И ходила она каждый год на Светлое озеро. И открывались ей горы. И видела она, что ходят там в серебре, и сияние у них. Раз вышел к ней старичок и зовет с собой в город. Да не пошла она к ним. Говорит старичку-то: „Зять у меня дочь что-то не любит, так жалко мне ее“. — „Ну, жалко, говорит, милая, так не ходи. Так и простились“. (1926 г.). Сходные рассказы см. у Гациского и др.

5 Ср. Пришвин, op cit., 132; Дурылин, op. cit., 64.

6 См. Кирпичников, „Св. Георгий и Егорий храбрый“, стр. 139, 140; А. Веселовский „Разыскания“ вып. 2, стр. 62—64, 97—100, 147—149; Е. Аничков, „Весенняя обрядовая песня“ ч. I, стр. 275—287. В приведенной выше молитве „скрытникам“ надо, кажется, признать простую переделку языческой „оклички“.

ностях близ Светлоярского озера“ найти „диоритовые молотки“, доклад о которых был им сделан на IV Археологическом съезде в Казани.[1] О могильнике говорит и самое название „Горы“: в окрестностях Владимира с ним неоднократно встречался А. С. Уваров как-раз в применении к курганам-могильникам.[2] В том же применении оно засвидетельствовано и в окрестностях Овруча.[3] Превращение же окрестностей доисторического могильника на берегу живописного озера в марийскую кереметь или мольбище тоже более чем вероятно:[4] несмотря на то, что линия марийских поселений от Светлояра отступила теперь на несколько десятков километров на восток (за Ветлугу), все-таки среди светлоярских паломников всегда можно встретить две-три одетых в шарпан марийки, без всяких при этом признаков обрусения. Связь их с урочищем поддерживается, следовательно, какой-то собственной черемисской традицией, которую знает и легенда: черемисам она приписывает доставку „скрытникам“ хлеба.[5] Да и выбор местом купальских „игрищ“ кургана-могильника весьма типичен: одно из обличений в челобитной 1651 г. так даже и формулировано: „за город на курганя ходят“;[6] а один из знаменитых черниговских курганов с языческим погребением IX—X вв. носил даже название „Гульбище“, — как обычное место народных гуляний.[7]

На основе языческих поминальных обрядов и связанных с ними мифологических представлений и могла возникнуть вторая версия светлоярской легенды, где упомянутые выше „скрыт-

---

[1] См. „О каменных орудиях, найденных в Варнавинском уезде Костромской губернии“, Труды IV Археол. съезда в Казани, т. I, 1884 г., отд. „Первобытные древности“, 34—36. — Мысль о систематических раскопках на Светлояре Поливанова не покидала и позже, оставшись, однако, без осуществления.— См. „Действия Нижегород. губ. Уч. Архивн. ком.“, 1889 г., вып. VI, стр. 243—245; Древности т. XIII, вып. II, М., 1890 г., Протоколы, стр. 4, 41—42, 43, 51.

[2] См. А. С. Уваров, „Меряне и их быт по курганным раскопкам“, стр. 676.

[3] См. Труды III Археол. съезда в России, т. I, Киев, 1878 г., стр. 167. Об овручских местных легендах см. статью Н. И. Коробки в „Известиях отд. русск. яз. и сл. имп. Акад. Наук“, 1908 г., т. XIII, кн. 1.

[4] Этим не исключается и кратковременное существование тут позже укрепленного „городка“ (о чем см. ниже).

[5] См. „Древняя и новая Россия“, 1877 г., т. III, стр. 269—270.

[6] См. „Живая старина“ 1890 г., вып. 1, стр. 130.

[7] См. „Труды III Археол. съезда в России“, Киев, 1878 г., т. I, стр. 190—191; см. также Самоквасов „Могилы русской земли“ М., 1908, стр. 195—196.

ники“ представлены „старцами“ чудесно спасенного от Батыя, безыменного монастыря (вм. „града Китежа“). Версия эта, среди обычных посетителей Светлояра, — преобладающая; при этом от неграмотных услышишь обязательно лишь ее (а никак не версию с „градом Китежем“ и поездкой Георгия Всеволодовича). Впрочем, не редки случаи, когда эта вторая версия контаминирована с третьей. Именно к такому разряду пересказов относится нижеследующая запись 1925 г.:

«Был царь нечестивый. Имя ему забыла, а прозвище — Пятерим. В свою веру народ склонял. — „Веруй по-моему“! — „Нет, верую в распятого“. Ну, сейчас ему ногу прочь, потом другу, потом обе руки, пяту голову. Оттого и прозвали Пятерим, что людей пятерил. И был князь Василий, в святом крещении Владимир [sic!]. Был у него монастырь. Князь Владимир сам монах был, — послушник, — а Егорий Всеволодович был игуменом. Егорий Всеволодович стар был; старший был и в монастыре. Шестьдесят лестовок правил. Были с князьями в монастыре и монахи, сорок человек. А Пятерим тот монастырь разорил. И разбежались монахи по лесу: Никандр, Софонтий, Арсений и на Смоляных много. Могилки и теперь видать. Князь Владимир с Егорием Всеволодовичем тоже побегли. Переехали Керженец и устроили другой монастырь. Царь Пятерим узнал, да и послал силу опять их разорить. А господь-то их спас, укрыл монастырь землей. И встали над монастырем горы... Еще маленькая была — слышала, при мне летописи читали. Он же ведь (Пятерим) и соловецких чудотворцев разорил. Стих есть. А после соловецких уж этих разорил».

Эта запись собственно светлоярскую легенду почти растворяет, как видим, в легендарных реминисценсиях о событиях и лицах конца XVII и начала XVIII вв. „Пятерим“, — это известный в истории раскола нижегородский епископ Питирим (1719—1725 гг.), действительно разоривший в 1713 г., неподалеку от Светлояра (на реке Кезе) заподозренный в расколе старинный Спасораевский монастырь.[1] Никандр, Софонтий и Арсений — это основоположники заволжских скитов, явившиеся на Керженец, как гласит предание, из Соловецкого

[1] См. „История Нижегородской иерархии“ архим. Макария, СПб., 1857 г., стр. 45, 49.

монастыря после известной осады 1667—1674 гг.[1] Смоляные — „это урочище, на котором находился главнейший в старину раскольнический скит, уничтоженный Питиримом...“ и где осталось „обширное старое кладбище“, с 12 могилами „мнимых святых“.[2] К светлоярской легенде приросли таким образом отголоски местных событий, связанных с именами популярных расколоучителей XVII в. и епископа Питирима. Но ими и объяснять самое возникновение легенды все же нельзя: ту же вторую ее версию (с спасенным от разорения монастырем) находим и в „Послании отцу от сына“, в памятнике, который датирован 1702-м годом, т. е. возник десятью годами раньше появления в Заволжье Питирима. Возникновение легенды надо, следовательно, относить за счет каких-то других, более древних местных событий, тем более, что предание о разорении от Батыя (или „Батыйки“) Светлояром в Заволжье не ограничивается, а распространяется и на окрестности, — на „всю ту страну Заузольскую“, как сказано в заключительной части „Китежского летописца“, с характерной при этом ссылкой на устное предание „прежде бывших отец...по сте летех после нечестивого и безбожного царя батыя“; „разори бо всю ту страну заузольскую и села и деревни огнем пожже и лесом поросте вся та страна заузольская“.[3]

Для ответа на вопрос: что такое „страна Заузольская“ и кто и когда ее разорил, мы располагаем статистическими данными не только новейшими,[4] но и более или менее древними: Сотной грамотой 7068 (1560 г.) и выписями из писцовых книг более поздних.[5] Заузолье — это волость к западу от Светлояра, между Керженцем и Узолою, рекой, впадающей в Волгу близ

---

[1] См. „Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губ.“ Мельникова-Печерского, Сборник Нижегород. уч. архивн. ком. в память П. И. Мельникова, Н.-Новгород, 1910 г., стр. 185—188.

[2] Ibid., 187—188.

[3] См. Приложение „Тексты“ I, л., 98—98 об.

[4] См. А. Гацискнй, „Красная Рамень в луговой стороне Нижегородского Поволжья“, Сборник в память первого русского статист. съезда 1870 года, вып. II, Н.-Новгород, 1875 г., стр. 515—516 (примеч.); П. С. Усов „Среди скитниц“, Истор. вестн. 1887 г., том XXVII, стр. 585.

[5] См. А. И. Звездин, „Материалы по истории заселения Нижегородского края“, „Действия Нижегород. губ. уч. архивн. ком.“, Сборник, т. VII, стр. 151 — 161; Материалы для истории церквей Нижегородской епархии, вып. II, М., 1903 г., стр. 2, 28, 32—35 и др.

Городца. Русское население тут уже было, как выясняется, не только в XVII, но и в XVI еще веке. Мало того, Сотная грамота 1560 г. рисует в Заузолье картину поселений отнюдь уж не новых: ряд деревень сопровождается в ней пометкою „пуста“, или характерною оговоркой: „селища, что были деревни“ или еще: „где была прежде сего старая плотина“; столь же обычна фраза: „луга лесом поросли“. Такому далеко не цветущему состоянию края сама же Сотная 1560 г. и дает объяснение: „В Узольской волости“, читаем в ней, „пустоши и селища, что были деревни и починки, а запустели и лесом поросли от Казанские войны“. Формула: „запустели и лесом поросли от Казанские войны“ повторяется несколько раз.

Итак, „страна Заузольская“, действительно, успела уж запустеть и поросто лесом к середине XVI еще века; местное предание „прежде бывших отец“ находит себе, таким образом, документальное подтверждение в эпоху, от Питирима довольно-таки удаленную. Преданию же о Батые соответствует при этом „казанская война“. Было бы, однако, ошибкой под словами „казанская война“, в Сотной 1560 г., подразумевать казанский поход 1552 г.: за восемь лет 400 с лишним десятин брошенной пашни порости лесом (как указано в той же сотной), разумеется, не могли. Под „казанской войной“ надо тут, следовательно, подразумевать всю совокупность татарских набегов на Верхнее Поволжье в первой половине XVI и в XV вв.

Но какой из них в частности мог отозваться в заузольском предании и светлоярской легенде? Не забудем, в них он связан с Батыем, а помнить о Батые из окрестностей Заузолья мог только Городец, да и древнейшее русское население Заузолья, согласно самому уж названию области, пришло сюда из-за Узолы т. е. из того же все Городца, — в XIV, надо полагать, веке. Стольный город самостоятельного тогда удела суздальско-нижегородских князей, Городец в XIV в., в лице деятельного князя Бориса Константиновича, проявлял вообще склонность к колонизаторской деятельности: „села княжи Борисовы“ по Суре и им же выстроенный там город Курмыш в летописях и договорах XIV в. выступают не раз.[1] Если у городецкого князя хватало сил на колонизацию далекого от Городца „За-

---

[1] См. П. с. р. л., т. XVIII (Симеоновская), стр. 106, 112; Акты, собр. Археогр. экспедицией, т. I, стр. 7.

сурья", трудно допустить, чтоб его „топор и коса" не проникали и в соседнее с Городцом Заузолье, без которого, кстати сказать, и весь-то Городецкий удел суздальско-нижегородских Константиновичей оказался бы территориально неуловимым.[1] Татарское разорение, под именем Батыева отразившееся в Заузольском предании и в светлоярской легенде, только и могло быть общим для Заузолья и Городца; хронологически же не должно быть старше XIV в. Обоим этим условиям и отвечает вполне то, что известно из летописей о нашествии на Городец в 1408 г. одного из отрядов Эдигея: „... пойдоша к Городку и город взяша, огнем пожгоша весь, монастыри вси и святыа церкви огневи предаша, а люди побегоша кто куда; они же окаяннии всеми путми гонишася в след их, секуще люди акы траву". Направившись затем „в верх по Вьлзе" на Кострому, но повернув с полпути вспять, татары еще раз „пойдоша взад к Городцу и Новугороду воюючи и секучи остатка людей".[2] Что в этот раз волна татарского разоренья захватила широкую прибережную полосу далеко вглубь от разоренных приволжских городов, видно из дальнейшего рассказа о Нижнем: „Тако пойдоша обапол и по лесом ищучи людей, и многа люди по лесом иссекоша"; тем легче было, значит, проникнуть татарам в смежное с Городцом Заузолье, на что впрочем есть и прямое указание в приведенном рассказе: „люди побегоша кто куда; они же ... всеми путми гонишася в след их", т. е. не только берегом Волги, но и дорогами, проложенными внутрь страны, — в Заузолье.

Из этого же, наконец, рассказа видно и то, почему разорение при Эдигее Заузолья породило легенду именно о монастыре: Городецкие „монастыри вси", о которых вскользь упоминает приведенный рассказ Тверской летописи и которые

---

[1] Его пределы восстанавливаются из княжеских договоров 1405-го, 1410-го и 1451-го гг. См. С. г. г. и д., т. I, №№ 38, 40, 80. В первом перечислены прямо: „а волости городецьские: Белогородие, Юрьевец, Корякова слобода и Чернякова и „Унженская тамга"; во втором, в числе „станов на оной стороне Волги, повыше Городца", опять упомянуты слободы Корякова и Чернякова; наконец, в третьем говорится о Городце лишь общо: „с волостьми и с пошлинами, что к нему потягло по старине". Но что сюда мог уж входить к 1451 г. и бассейн Керженца, видно из более раннего упоминания о нем во 2-ой и 3-ей духовных в. кн. Василия Дмитриевича 1423—1424 гг.: „да Керженець со всем княгине же моей". См. С. г. г. и д., т. I, №№ 41 — 42.

[2] См. П. с. р. л., т. XV (Тверская), стр. 484.

в XIV в. известны также из других летописных известий,[1] конечно, не составляли там тогда исключения, но подобно другим северно-русским монастырям XIV столетия широко раскидывали свои владения в смежных с ними, никем еще незанятых лесных областях, высылая туда свои „починки", „заимки" и „пустыньки". „Пустыни" Городецких монастырей, — особенно старейшего из них, до-тла сожженного при Эдигее, Федоровского, — и должны были покрывать собою тогда соседнее с Городцом Заузолье, разделив в 1408 г. одинаковую с Городцом участь. По крайней мере, позже там есть явные следы былого, пришедшего с годами в упадок монастырского землевладенья: в Сотной 1560 г., в числе „селищ что были деревни", упоминается, напр., какое-то „селище пречистенского (монастыря?) на речке на Салде"; упоминаются „деревня Старцево на речке на Голубитинке", „деревня Никольская на речке на Городиславле" и еще несколько деревень, т. е. поселков без церквей, носящих, однако, церковные названия: Филипково, „Избища" на Филипповом Враге, Ильинская на речке на Ильинке и др. В писцовых книгах XVII в. — еще более выразительная картина нарастающего упадка и разорения; вот, напр., известие, относящееся к 1683 г.: „что была преж сего Глушицкая пустыня, из тое пустыни старцы и послушники переведены в иные монастыри, а церковь учинена приходскою"; или, напр., по сведениям 1675 г. „как в Чистопольской пустыне были монахи, и быв от скудости разошлись по разным монастырям и ныне никого нет..." Наши источники не позволяют, к сожалению, судить, как далеко на восток простирались первоначально (т. е. до 1408 г.) эти пришедшие позже в упадок монастырские поселенья. Впрочем, к 1619 г. относится известие о „Богоявленском селище" в верховьях Керженца — на месте, должно быть, нынешнего села „Богоявление", километрах в 30 от Светлояра.[2] Еще далее на восток, в селе Троицком на Ветлуге,

---

[1] Ср. под 1367 г. в Симеон. и в Рогожском летописце. П. с. р. л., т. XVIII, стр. 106; т. XV (1922 г.), стр. 85.

[2] В этом же известии 1619 г. упоминается „по реке по Кержанцу в Великовском ухожее озеро Юрьево"; из контекста при этом видно, что под „Великовским ухожеем" подразумевается течение речки Великой (Великуши?), впадающей в Керженец, а истоками своими отстоящей от Светлояра менее чем на 20 верст. Под „озером Юрьевым" и подразумевался тут м. б. Светлояр. — См. „Список с нижегородских с приходных с окладных книг ... против окладные росписи

тоже когда-то был монастырь.[1] Что именно монастырские поселения окружали некогда собой Светлояр, видно из сохранившегося доныне названия соседнего к нему околотка в несколько деревень, так наз. „монастырщины".[2] Эта самая „монастырщина", т. е. крестьяне бывших монастырских вотчин, в своем колонизационном продвижении на восток, и принесли с собой из Заузолья в XV—XVII вв. память о его разорении при Эдигее, а возникшую на основе этих воспоминаний легенду (о спасенном от разорения монастыре) приурочили к светлоярским „горам" и обрядовым (языческим) их традициям.[3]

Перейдем, наконец, к третьей версии светлоярской легенды. Вместо безыменного монастыря она повествует о городе Китеже Большем, сопоставляя его с Малым Китежем (Городцом), а разоренью одного и чудесному спасению другого предпосылает особый эпизод о поездке из Городца по Заузолью на Светлояр князя Георгия Всеволодовича. Версия эта общеизвестна. Но в изустной передаче на Светлояре она почти лишена теперь самостоятельности по сравнению с так наз. „Китежским летописцем", памятником, имеющим там широкое распространение. Да и услыхать эту версию на Светлояре чаще всего можно от грамотных. Ее лучше поэтому рассмотреть вместе с соответствующей письменной версией в „Китежском летописце", к литературной истории которого нам и надо теперь перейти.

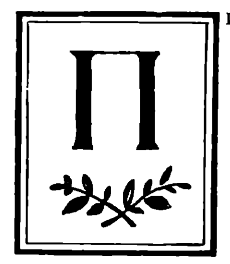
127 г." в „Действиях Нижегород. губ. уч. архивн. ком", Сборник, т. VI, Н.-Новгород, 1905 г., стр. 104.

1 См. op. cit., вып. 14, 1899 г., Приложение II, стр. 139.

2 См. „Сборник в память первого русского статистического съезда 1870 года", Н.-Новгород, 1875 г., стр. 516 (примеч.).

3 Встречей „монастырщины" с более ранними полурусскими полумарийскими поселеньями объясняются, конечно, и названия „Содомово". Русская колонизация Заузолья могла, разумеется, начаться и ранее монастырской колонизации XIV в., поскольку в летописях Городец известен уже с 1172 г. Да и с Ветлуги, где рано стали оседать новгородцы-ушкуйники, двигалась навстречу другая колонизационная волна: под 1374 г. летописи уже отмечают „много сел по Ветлузе". См. П. с. р. л., т. XVIII, стр. 114; т. XXIII, стр. 118; т. XV (изд. 1922 г.) стр. 106. В деревне „Шалдеж", причисляемой жителями к „монастырщине", в 18 верстах от Светлояра, старики до сих пор помнят, что в старину в их деревне избегали вступать в брак с жителями соседних деревень не из „монастырщины".

ГЛАВА ВТОРАЯ

исьменная версия Китежской легенды была представлена до сих пор в науке двумя лишь памятниками. Это, во-первых, „Книга глаголемая летописец“,[1] полностью опубликованная впервые П. А. Бессоновым по рукописи Меледина (в „Приложениях“ к IV выпуску „Песен, собранных П. В. Киреевским“ по рукоп. „позднейшего полуустава“) и, во-вторых, „Послание к отцу от сына из оного сокровенного монастыря, дабы о нем сокрушения не имели и в мертвы не вменяли скрывавшегося из мира. В лето 7209 (1702) июня в 20 день“. Извлеченное, по словам издателя, „из раскольничьего рукописного сборника второй половины 18-го века“, „Послание“ это опубликовано Мельниковым-Печерским в его „Очерках поповщины“.[2] Гораздо меньшее объемом нежели „Книга глаголемая летописец“, „Послание“ в ней отразилось в виде заимствования, так что в „Книге глаголемой летописец“, а не в „Послании“, предание о Китеже и нашло себе последнюю, наиболее полную народно-литературную обработку. Но, с другой стороны, первооснова этого памятника, как увидим, гораздо старше чем „Послание“ (датированное 1702 годом), и таким образом к „Книге глаголемой летописец“ и надлежит обратиться в первую очередь для того чтобы, начав с конца, попытаться восстановить с самого начала всю последовательность литературных обработок легенды.

Кроме списка Меледина, в печати известен в выдержках и другой, несколько отличный от него, список А. С. Гациского.[3]

---

1 Обычно и называемая, — совершенно произвольно, — „Китежским летописцем“.

2 См. Полн. собр. соч. П. И. Мельникова, изд. Маркса, т. VII, стр. 26—27.

3 См. „Нижегородский Летописец“, работа А. С. Гациского, Н.-Новгород, 1886 г., стр. 8—9 (примеч.); кроме того, в статье Гациского „У невидимого града Китежа“ (Древняя и Новая Россия, 1877 г., т. III).

Да и вообще редкий из посещавших и описывавших Светлояр не коснулся, хотя бы вскользь, интересующего нас памятника.[1] Только случайные эти сообщения или слишком отрывочны, или недостаточно точны. Ценны они, впрочем, тем, что единогласно свидетельствуют о широком распространении в окрестностях Светлояра многочисленных списков „Книги глаголемой летописец". Неудивительно, что и наши поиски безрезультатными не остались.

Десять новых списков этого памятника (кроме двух известных уже в печати) и помогут выяснению его литературной истории.

Из десяти назовем пока только те семь, которые лишь с незначительными отступлениями повторяют редакцию, представленную списком Меледина, исправляя местами его неточности и ошибки:

1. Список Публичной библиотеки в Ленинграде, из сборника Q. 1, № 1385, in 4^0, полууставом „конца XVIII — начала XIX века", как гласит краткое описание сборника, лл. 79 об. — 100.[2]

---

[1] Цитаты из него или его пересказ (не отделенный обычно от соответствующих устных преданий) находим у Н. С. Толстого, Л. Н. Трефолева, Мельникова-Печерского, Короленко, З. Гиппиус, Пришвина, Дурылина, Оглоблина, — в трудах, отмеченных в библиографическом указателе Н. Л. Бродского, Н. А. Гусева и Н. П. Сидорова („Русская устная словесность", Л., 1924 г., стр. 95—96).

[2] См. „Отчет имп. Публичной библиотеки за 1903 г.", СПб., 1910, стр. 90—93. — Тут же — перечень всего содержания сборника. Сборник, конечно, — старообрядческий, а судя по первой статье (о св. Феодосии астраханском, уроженце города Ярославля) составлен в Ярославле. О времени его составления можно судить по бумажным водяным знакам. Это — голова медведя (герб Ярославля) с топором на плече, под большой короной, в круглой узорчатой рамке, и цифры: „17" (лл. 1, 2, 11, 12, 19, 24, 33, 93, 96, 98 и др.); на других листах — нижняя часть той же филиграни: ноги медведя, нижняя часть рамки и цифры: „97" (лл. 7, 8, 13, 14, 17, 81, 89, 92 и др.); наконец, на некоторых лл. имеются буквы: „Я. М. В. С. Я." Все это прямо указывает, что бумага нашего сборника (на всем его протяжении одинаковая, голубовато-серого цвета) — выделки 1797 г. с Ярославской мануфактуры наследника Саввы Яковлева, очень близко напоминающая бумагу той же мануфактуры выделки 1781 г.; — см. Н. П. Лихачев „Палеографическое значение бумажных водяных знаков", ч. I, стр. XIX, ч. II, стр. 281, ч. III, таблица № 3579. — Между производством бумаги и ее использованием едва ли надо предполагать сколько-нибудь значительный промежуток времени, раз сборник составлен там же, где выделана бумага. В основу нашего издания „Книги глаголемой летописец" и положен список этого Ярославского сборника конца XVIII в., как самый старший и наиболее полный из всех нам доступных.

2. Список Гос. Ист. музея в Москве, из сборника в собрании Вострякова № 153, in 8^0; полууставом конца XVIII в.; лл. 94—117 об., недостает конца и начала.[1]

3. Список Публ. библ. в Ленинграде, из сборника в собрании Титова № 2000, in 8^0, полууставом начала XIX в.; лл. 1—25 об.[2]

4. Список б. Бодянского, из собрания Титова (в Публ. библ.) № 2053, in 4^0, полууставом XVIII—XIX вв., лл. 1—20.

5. Список, приобретенный в 1926 г. в г. Семенове; in 8^0, новейшим полууставом; лл. 1—34.

6. Список из собр. В. Г. Дружинина, in 4^0, полууставом, конца XVIII в.

7. Список в сборнике из окрестностей Светлояра, in 4^0, полууставом, где кроме „Книги глаголемой летописец" (с припиской в заглавии: „Беседы") — только еще „Хождение Трифона Коробейникова".[3]

Эти семь списков, отличающиеся друг от друга (и от списков Меледина и Гациского) только частностями, ценны своей совокупностью, как показатель определенной более или менее устойчивой редакции памятника, не говоря уже о тех указаниях хронологических, которые можно из них извлечь.

Итак, письменная версия китежской легенды в этой своей редакции, которую можно назвать пространной, начинается

---

[1] Бумага — выделки 1798 г., той же (судя по филиграни) Ярославской мануфактуры, что и бумага предыдущего списка; совпадает почти целиком и содержание обоих сборников: в Востряковском недостает только первой статьи (о Феодосии Астраханском); остальные же (перед „Книгой глаголемой летописец") все налицо, в той же как в первом сборнике последовательности (в начале добавлено впрочем еще новых четыре статьи). Не удивительно, что и самый текст „Книги глаголемой летописец" в обоих сборниках совпадает до ошибок включительно. За указание на список Вострякова приношу благодарность М. О. Скрипилю.

[2] Бумага (голубовато-серая), выделки 1807 г., с филигранью „pro patria". Кроме „Книги глаголемой летописец", текст которой и здесь почти тождественен с двумя предыдущими списками, в сборнике имеется еще отрывок (без начала) какой то проложной повести (лл. 26—28 об.) и несколько мелких статей поучительного содержания. Сборник Титова тоже, должно быть как и два предыдущие, ярославский: за это говорит происхождение (из Ростова) титовского собрания вообще.

[3] С двумя последними списками нам удалось познакомиться лишь самым поверхностным образом. При издании памятника они поэтому в расчет не приняты.

генеалогией „святого благоверного и великого князя Георгия Всеволодовича". Суздальский князь Юрий II (1189—1237 гг.), герой злополучной битвы на реке Сити, внук Юрия Долгорукого, ведет здесь свое происхождение от Псковского князя Всеволода Мстиславича, которому в свою очередь, присвоены несоответствующие исторической действительности черты: обращение из язычества в христианство. Вообще, наш памятник изобилует самыми неожиданными анахронизмами. Вслед за легендарным родословием Георгия Всеволодовича, которое оканчивается 6671 (1163) годом, рассказывается о его прибытии из Пскова к „благоверному и великому князю Михаилу Черниговскому" и о любовной их встрече. Георгий Всеволодович испрашивает у князя Михаила „грамоту в Русии нашей по градом церкви божии строити, тако же и грады". Князь Михаил соглашается и предрекает князю Георгию, „за сие доброе изволение", „мзду в день пришествия христова". Затем, „повеле грамоту написати", едет сам провожать гостя и при расставании, „на пути", „вда ему грамоту". „Благоверный же князь Георгий поклонися ему... И еха в путь свой по градом". Указан при этом 6672 (1164) год. Он ездит „по градом" и строит церкви, — Успенские соборы, — в Новгороде, в Пскове, в Москве, в Переяславле-Залесском, в Ростове. Из „града Ростова" князь Георгий „приеха во град Ярославль, что на брегу Волги реки стоит, и седе в струг и поеха на низ по Волге, и приеха и приста к брегу в Малый Китеж, что на брегу Волги стоит, иострой его". „По прошению всех людей града того" он пытается внести в новый город „образ чюдотворной иконы пресвятые богородицы Феодоровския", но образ „не пойде с места, ни мало не поступи", и князь Георгий приказывает заложить монастырь там, „где сама изволи место себе". Он едет затем „с места того сухим путем, а не по воде", переезжает, одну за другой, четыре реки, — Узолу, Санду, Санахту, Керженец, — и приезжает к „езеру именем Светлояру". Увидав, что „место то вельми прекрасно", закладывает „на брегу езера того Светлояра град именем Больший Китеж": копают рвы, строят три церкви, дважды обмеривают будущий город в длину и ширину и наконец „начаша град той каменны строить и строиша град той три лета". Выстроив его, князь Георгий возвращается в Малый Китеж; приказывает измерять расстояние между Большим Китежем и Китежем Малым и „намеряша

сто верст"; „слышав сия", князь Георгий „воздаде славу богови и пресвятей богородице" и повелел написать „книгу летописец". Он опять садится „в струг свой" и отъезжает „в прежереченный свой град Псков"; „людие же целовавша его", провожают „с великою честию". Возвратившись в Псков, князь Георгий „многи дни" пребывает „в молитве в пощении и бдении", раздает „много милостыни нищим и вдовицам и сиротам. По строении же градов тех поживе лет 75". Далее следует прямо: „Бысть же в лета 6747 (1239) попущением божиим. грех ради наших, прииде на Русь воевать нечестивый и безбожный царь Батый". После описания ужасов нашествия сообщается, что князь Георгий, „сия слышав, плакаше горьким плачем, собра вои своя" и сошелся с Батыем; „бысть сеча велия"; князь Георгий, у которого „бысть мало вой", „побеже" от Батыя „вниз по Волге, в Малый свой Китеж" и, затворившись в нем, „много брався" с Батыем, „не пущаяй его во град свой". Но ночью князь Георгий „изыде тайно из града того в Больший свой град Китеж". „На утрие же" Малый Китеж был взят. Не найдя в городе князя, „нечестивый царь" стал пытать „человека", и тот, „немогий мук терпети, поведа ему путь". По указанию предателя, Батый подступает к Большему Китежу, „и взя той град Больший Китеж... и уби благоверного князя Георгия месяца февраля в 4 день". Историческая часть памятника здесь кончается.[1] Далее следует повествование о чуде над градом Китежем или, верней, апология чуда:[2] ссылками на жития „святых отец" доказывается, что „невидим будет больший Китеж даже до пришествия христова" и что „в последние дни и времена будет сие, что грады и монастыри сокровенные будут". Вслед за этой второй, апологетической, частью повествование снова ненадолго возвращается к событиям и лицам историческим:[3] говорится о „погребении честных мощей" Георгия Всеволодовича, об убиении Батыем князя Михаила Черниговского и боярина Феодора, затем Меркурия Смоленского. Этот третий отдел (назовем его малым историческим) оканчивается указанием, что „запустение Московского царства и того Большего Китежа" бысть в лето 6756 (1248). Наконец, последний, четвертый отдел, начинающийся: „Аще ли же

---

1 Л. 89 об. нашего основного текста. См. Приложение „Тексты", 1.

2 Лл. 89 об. — 92.

3 Л. 92—92 об.

который человек обещается истинно итти в него, а не ложно",[1] представляет собою совершенно самостоятельное, мало с предыдущим связанное рассуждение о пути подвижника в „сокровенный" Китеж. Речь идет о духовном искусе и злых искушениях, предшествующих вступлению в чудесный город или, как он чаще тут называется, монастырь. „Книга глаголемая летописец" кончается указанием года, в котором она составлена („собором") и передана „церкви на уверение всем православным христианом". Следует славословие богу, богородице и всем святым.

Что мы имеем тут дело с компиляцией, — увидал и отметил еще Бессонов, справедливо предполагавший в основе памятника отрывки какого-либо местного летописца. „Приводя из него отрывки как основу, — говорит Бессонов, — это позднейшее сочинение, повинуясь народным преданиям, проводит по ней своеобразные узоры и созидает целую поэму".[2] Составные части этой „поэмы" нам и предстоит теперь выделить и исследовать друг от друга отдельно.

Четыре намеченные выше отдела памятника уже заранее указывают границы составных частей этого свода. Новые списки, о которых сейчас будет речь, принуждают признать, что из четырех условно намеченных нами отделов „Книги глаголемой летописец" первый и четвертый отделы — вполне самостоятельные литературные произведения, а второй и третий отделы — работа компилятора, соединившего при помощи этих вставок два самостоятельных памятника в одно целое.

Дело в том, что первый, — исторический, — отдел „Книги глаголемой летописец" имеет и совершенно обособленную от остальных отделов редакцию, засвидетельствованную пока одним списком. Указание на этот список и на относительное его тождество с „Книгой глаголемой летописец" (по списку Меледина) находим в перечне старообрядческих сочинений В. Г. Дружинина,[3] со ссылкой на „Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова" архимандрита Леонида (М., 1893 г.). Тут, в отделе „Расколь-

[1] Л. 92 об.

[2] Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, Приложения, стр. CXXXII.

[3] См. В. Г. Дружинин, „Писания русских старообрядцев". Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. Изд. имп. Археогр. ком., СПб., 1913 г., стр. 413.

ничьих сочинений“ (под № 523/860), действительно, указан в сборнике „полууставом текущего века“, in 4⁰, „Летописец о убиении благоверного князя Георгия Всеволодовича“.[1] „Летописец о убиении“ (так будем для краткости называть этот памятник), в самом деле, почти дословно совпадает с нашим первым отделом „Книги глаголемой летописец“ (или, как будем ее называть дальше, „Книги“) и обрывается там, где начинается ее второй отдел (апологетический). Но и в этих пределах есть характерные отличия редакционные: „Летописец о убиении“ гораздо лаконичнее, гораздо более скуп на эпитеты и стилистические прикрасы, чем „Книга“. Объяснение этому — только в том, что составитель свода (т. е. „Книги“) дополнял и распространял краткий рассказ своего источника („Летописца о убиении“). Обратное объяснение — краткой редакции из распространенной — абсолютно не допустимо, в чем убеждает любое из разночтений „Летописца“ и „Книги“. Впрочем, интерполяций более или менее пространных в „Книге“ по сравнению с „Летописцем“ не так уж много; вставка со слов: „И егда бысть оба князи“ (ср. „Тексты“ I, л. 83—83 об. и II, л. 39) распространяет эпизод о вручении грамоты; вставка со слов: „и бысть первая мера“ (ср. „Тексты“ I, л. 85 об. — 87 и II, л. 42 об.) распространяет эпизод об измерении Большего Китежа; две последние вставки следует рассмотреть особо: одна из них характеризует самое отношение интерполятора к своему источнику; другая, в заключительной фразе „Летописца“, — композиционные его задания.

Построив город и измерив расстояние между ними, Георгий Всеволодович

Летописец („Тексты“, II, л. 43—43 об.)	Книга („Тексты“ I, л. 87 об.)
„воздаде славу богу и пресвятей богородице и повѣле службу и молебен пропети“.	„воздаде славу богу и пресвятей богородице. Повеле же и летописец книгу напи-

[1] См. op. cit., ч. I, отд. VIII, стр. 589. Примечание автора „Описания“ к „летописцу“: „В эту статью вставлена раскольничья легенда о малом и большем Китеже“. Тут же перечень всех статей сборника по порядку; л. 33 об. [ошибочно вм. 34 об.]: „летописец об убиении благоверного князя Георгия Всеволодовича, писано“. „Летописец“ этот печатается нами (в „Приложениях“) впервые, см. „Тексты“, II.

сати,[1] сам же благоверный и великий князь Георгий Всеволодович повеле всю службу отслужити и молебен пропев [вар. пропеть].

К чему, как не к собственному источнику, могла относиться эта вставка компилятора XVIII в. касательно происхождения Китежской летописи? Свой краткий источник, — „Летописец о убиении", — он оценивал, значит, как памятник очень древний, чуть ли не современный описанным в нем событиям, составленный „повелением" самого князя Георгия. Этим-то соображением и оправдывалась, конечно, в глазах составителя свода та апокрифическая дата, — 1251 год, — которой он свод этот закончил.[2] В той среде XVIII столетия, где возникла „Книга глаголемая летописец", основной источник этого свода, краткий „Летописец о убиении", оценивался как памятник XIII столетия. Факт, не лишенный некоторого значения... Полагая в основу своего труда этот древний, по его мнению, памятник, составитель „Книги глаголемой летописец" вынужден был, однако, подвергнуть его конец некоторым изменениям, мы увидим сейчас — почему, а сперва тоже сопоставим en regard заключительные слова „Летописца" и соответствующее место „Книги".

Летописец (Л. 46)	Книга (Л. 89 об. — 90)
„.. и уби благовернаго князя Георгия месяца февраля в д̃ день и выеха вон из град‹а› нечестивыи царь батыи, и после его взяша мощи благовернаго князя Георгия всеволодовича и погребоша честно."	„и оуби благовернаго князя Георгия, месяца февраля в д̃ день и поеха из града того нечестивый той царь Батый. И после его взяша мощи благовернаго князя Георгия всеволодовича. и после раззорения того, запустеша

[1] Разрядкой отмечаем интерполяцию.

[2] См. „Тексты" I, л. 98 об.; в списке Мелединa ошибочно 1151 год. О том, что соответствующее место текста принадлежит именно составителю свода, а не его источнику см. ниже.

грады те малый Китежь, что на брегу волги стоит, больший же что на брегу езера Светлояра, и не видим будет больший Китежь даже и до пришествия христова...“

Фраза, которою заканчивается „Летописец о убиении“, в „Книге“ не имеет, как видим, заключительных слов („и погребоша честно“), а на их месте находим то, что выше названо отделом апологетическим. Что в этой апологии мы имеем дело со вставкою все того же компилятора, — видно из следующих слов, которыми, вслед за этим вторым отделом, открывается наш отдел третий (малый исторический): „И по оубиению святаго и благовернаго и великого князя Георгия Всеволодовича и по погребению честных мощей его“ (л. 92). Они явно соответствуют заключительным словам „Летописца о убиении“: „и погребоша честно“, которые в „Книге“ отделены, таким образом, от начала фразы указанным рассуждением (о чуде над градом Китежем).

Нетрудно догадаться, чем вызвана эта вставка. Краткий „Летописец о убиении“ заканчивается разорением Большего Китежа, убиением князя Георгия и погребением его мощей, т. е. не только ничего не сообщает о чуде над Китежем, но и явно противоречит самой даже возможности говорить о „сокровенном граде“ и его „скрытниках“. Однако, в распоряжении компилятора, кроме этого памятника, был, как увидим сейчас, и еще один, где, вопреки „Летописцу“, при полном почти умолчании об исторических событиях легенды, говорилось именно о „сокровенных“ жителях чудесно спасенного от Батыя места, — монастыря. Это наш четвертый отдел „Книги“. Ради согласования с ним краткого „Летописца о убиении“ компилятору и пришлось сделать рассмотренную выше интерполяцию.

Исконная самостоятельность четвертого отдела „Книги глаголемой летописец“ изобличается и не одними только противоречиями между ним и первым отделом (восходящим к „Летописцу о убиении“); два неупоминавшихся до сих пор списка „Книги“ прямо свидетельствуют о том же: Гос. Истори-

ческого музея в Москве (из собрания Вострякова № 1254), in 8°, новейшим полууставом, и б. Нижегородской ученой архивной комиссии, in 8°, новейшим полууставом, только и содержащий наш четвертый отдел памятника (начало утеряно). От всех остальных, известных нам списков „Книги“ эти два разительно отличаются тем, что в них наш четвертый отдел (начиная со слов: „аще ли же который человек“) наделен самостоятельным особым заглавием: „Повесть и взыскание града сокрытого Китежа“.[1] Исконная самостоятельность этой „Повести“ едва ли может теперь внушать сомнения. Но как выглядела она до включения в свод и какие изменения внес в нее от себя компилятор (составитель „Книги глаголемой летописец“)? Чтобы ответить на эти вопросы, не имея под руками самостоятельных списков „Повести“,[2] надо проанализировать ее текст, руководясь хотя бы лишь тем, что уж известно (из сличения „Книги“ и „Летописца“) относительно приемов и заданий составителя „Книги“ вообще.

„Повесть“ начинается заверением: всякий кто „обещается истинно итти в него, а не ложно“, достигнет цели, т. е. спасется, хотя бы и умер „пред враты монастыря того“: подобно двум покаявшимся блудницам, он „по божественному писанию рассудится“ (л. 93 об.). Отсюда, во всех известных нам списках, начинается не связанное по смыслу с предыдущим место о „вавилонской блуднице“, со старообрядческими толкованиями 17-й главы Апокалипсиса (лл. 93 об. — 95),[3] — место, в котором интерполяцию усмотрел уже Бессонов. Заканчивается она там, где возобновляется прерванная ею последовательность в смысле; фраза: „Вся убо господь приемлет к нему приходящие с радостию“ (л. 95) явно поясняет собой не то, что предшествует ей, а что предшествует всей интерполяции в целом, т. е. слова: „... той человек, аще случится и умрети, по божественному писанию рассудится“. Со слов: „Вся убо“ и возобновляется, следовательно, прерванный вставкой основной текст. Вставка же, с применением пророчеств апокалипсиса к „патриархом, царем

---

[1] По музейному списку; в списке Нижегор. архивн. ком. заглавие средактировано несколько иначе. См. „Тексты“, I, л. 92 об., варианты. Заглавие это оставило по себе след и в списке В. Г. Дружинина: „аще ли же который“ и т. д. начинается в нем с заглавной буквы особой росписи, с красной строки.

[2] Таковые нам не известны.

[3] Продолженными в некоторых списках таким же толкованием главы 12-й.

и князем и воеводам и всяким властем и богатым" (л. 94) могла быть сделана тут только тем же, кто в заключительную фразу „Летописца о убиении" вставил, как мы видели, тоже довольно длинное рассуждение (отдел апологетический) с упоминанием, как и тут, об антихристе (л. 91 об.), т. е. составителем сводной редакции („Книги").

Следующая вставка обнаруживается из дважды повторяющейся (в ее начале и в конце) фразы: „радость бывает на небесех всем силам небесным и всѣм святым его" (л. 95 об.). Интерполяцию легко усмотреть и дальше, где сделана ссылка на „Послание к отцу от сына" („или извещение приидет" и т. д., л. 97) с характерной в конце ссылки фразой: „на первое слово возвращуся", всегда отмечающей, по наблюдениям А. А. Шахматова, конец вставок.[1] За вставку тут впрочем надо признать не самую ссылку на „Послание"; следы знакомства с ним видны и в тех местах „Повести", где ни о каких вставках не может быть речи (см. ниже), так что сослаться на „Послание" мог и не компилятор, а сам автор „Повести", до включения ее в компиляцию. Компилятору же в этой ссылке принадлежит лишь то, чего нельзя было извлечь из „Послания". Града Китежа „Послание" не знает, а говорит лишь о „сокровенном монастыре", описательно называя его еще „царством земным" или „местом оным", чему в разных местах основного текста „Повести" соответствуют названия: „место свято", „место то" и наконец даже, точь в точь как в „Послании", „место оно" (см. об этом ниже). Но вот, в рассматриваемой ссылке на „Послание" читаем: „или извещение приидет ему из града того или из монастыря того, иже сокровени бяху оба град же и монастырь есть бо и летописец книга о монастыре том на первое слово возвращуся". „Извещение", в согласии с „Посланием", могло прийти только из монастыря, следовательно, слова: „из града того" — вставка, как и дальнейшее, знакомое уже нам по интерполяциям в первом отделе „Книги" заверение о тожестве сокровенных града и монастыря (ср. „Тексты" I, лл. 90—91 об.) с не менее тоже знакомой ссылкой на „Летописец книгу". Цель этих вставок ясна: „Повесть", до включения в „Книгу" говорила, подобно „Посланию", только о „месте оном" или монастыре; чтоб слить ее воедино с „Летописцем о убиении", безыменный монастырь

[1] См. „Разыскания о древнейших русских летописных сводах", стр. 427.

и пришлось отожествить с Китежем Большим; отсюда — рассматриваемые вставки. В „Повести“, следовательно, первоначально читалось: „или извещение приидет ему из монастыря того“; компилятор (составитель „Книги“) вставил: „из <града того или из> монастыря того“, и затем, в дальнейшей приписке, пояснил: „иже сокровени бяху оба“ и т. д. (л. 97). Из сказанного вытекает, что и все дальнейшие упоминания в „Повести“ „града Большего Китежа“ (или просто „града“) надо отнести за счет компилятора. Впрочем, это видно само собой и в каждом отдельном случае.

Следующие два, за рассмотренной вставкой, упоминания „града“ приходятся на отрывок между повторяющимися перед ним и после него словами: „иже на конец века сего“ (л. 97 об.) что, как известно, тоже служит характерным признаком редакционной вставки (заканчивающейся обычно повторением тех слов, к которым присоединил ее переписчик-редактор). Третье упоминание — в фразе, заимствованной из „Послания“:

Книга („Тексты“ I, л. 98)	Послание (Собр. соч. Мельникова-Печерского т. VII, 27)
Покры господь той град дланию своею и невидим бысть по их молению и прошению иже достойне и праведне тому припадающих.	Покры их невидимо дланию своею иже достойне и праведне тому припадающим.

Из сличения видно, что и тут слово „град“ дополнило собой более краткую первоначально фразу, тем более что и непосредственно следующее за ней: „иже не оузрит скорби и печали от звѣря антихриста“ (л. 97), подобно всем предыдущим упоминаниям антихриста, надо приписать компилятору же. В следующей затем ссылке на предание „страны Заузольской“ о Батые (л. 98—98 об.) „град“ опять упомянут дважды; но, как можно думать, и сюда он внесен компилятором. Слова: „запустение же града того“ (л. 98) стоят в явной логической связи с сказанным выше (л. 97 вар.) о тех кто „мыслити начнет семо и овамо“: „таковому закрыет господь, но покажет ему лесом и пустым

местом". В пояснение, почему именно „лесом и пустым местом", дальше и говорится: „запустение же града того поведают отцы". Слово „града" заменило тут собой, как видно из контекста, требующееся по смыслу „места". А второй раз „град" тут упомянут в таком контексте, который не раз уж встречался выше как-раз в интерполяциях компилятора: „невидим бысть град той и монастырь". „Град" и в этом последнем случае вставлен, значит, все тем же составителем „Книги". Ему же должно принадлежать и непосредственно следующее затем упоминание „Летописца" („сию убо мы книгу летописец написали... не поругатися сему божественному писанию", л. 98 об.), как и все подобные упоминания выше. Наконец, последняя интерполяция сводчика (от слов: „тем же господь покры их" до слов: „в прежняя времена сего") выдает себя тем, что начинается с повторения двух первых слов рядом стоящей фразы („тем же"), содержа, кроме того, подобно некоторым из предыдущих интерполяций, пересказ Апокалипсиса (22-й главы) и точь-в-точь такую же ссылку на „прежде бывших святых жития" как и выделенный, нами выше, в качестве принадлежащего компилятору, отдел апологетический (л. 90). Дополнительные приписки сводчика есть еще, кроме того, в заглавии „Повести", которое, сохранившись только в двух списках „Книги", имеет однако даже и тут характерные разночтенья: если в списке Вострякова оно читается: „Повесть и взыскание града сокрытого Китежа", то в списке Нижегородской архивной комиссии этому соответствует: „Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже". Разночтение, как легко заметить, вызвано невозможностью согласовать оба подлежащие („Повесть" и „взыскание") с дополнением, которое в каждом из вариантов согласовано только с одним из двух подлежащих — то с словом „Повесть" („Повесть и взыскание о граде"), то с словом „взыскание" („Повесть и взыскание града"). Не значит ли это, что первоначально заглавие имело только одно подлежащее („Повесть"), а другое („взыскание") интерполировано позже, тем более, что самое выражение: „взыскание града" заимствовано сюда из того же послания апостола Павла к Евреям,[1] которым составитель „Книги" воспользовался уже выше;[2] да и все то, что в самой Повести соответ-

---

[1] Гл. 13, стих 14.

[2] Ср. цитату из него (гл. II, стихи 37—38) в отделе апологетическом, л. 91.

ствует этой мистической формуле — „взыскание града", — приходится опять таки на выделенные уже нами интерполяции.[1] Если, таким образом, в заглавии „Повести" слова: „взыскание града" интерполированы, на долю заглавия в первоначальном виде остаются слова: „Повесть о сокровенном", к которым добавляем: „монастыре" (вместо явной его тут замены: „Китеже"). Рядом с „Посланием из оного сокровенного монастыря" существовала, следовательно, до включения в „Книгу", самостоятельная „Повесть о сокровенном монастыре".

Переделав по-своему заглавие второго своего источника, составитель „Книги" точно также отнесся и к заглавию первого своего источника; слова: „Летописец о убиении благоверного князя Георгия Всеволодича" не только снабжены были типичной для компиляций XVII—XVIII вв. припиской: „Книга глаголемая",[2] но и лишились при этом слов: „о убиении", не соответствовавших больше основной теме (о „скрытниках" в „сокровенном граде") нового памятника („Книги").

Итак, к перечисленным выше вставкам сводчика в первый отдел „Книги" (соответствующий „Летописцу о убиении") можем теперь присоединить следующие его вставки и в заключительную ее часть. От слов: „бежа бо той подобен сему" до слов: „и ищет и не обрящет ли от него" (лл. 93 об. — 95); от слов: „а силы убо ангелы и архангелы" до слов: „и всем святым его" (л. 95 об.); от слов: „иже сокровени" до слов: „на первое слово возвращуся" (л. 97); от слов: „чюдо явися" до слов: „покровен рукою божиею" (л. 97 об.); от слов: „иже не оузрит" до слов: „скверныя и нечестивыя" (л. 98); от слов: „сию оубо мы книгу" до слов: „сему божественному писанию" (л. 98 об.); от слов: „тем же господь покры" до слов: „в прежняя времена сего" (л. 99 об.). Если еще прибавить сюда то, что выше названо отделами апологетическим и малым историческим (лл. 89 об.— 92 об., от слов: „и после разорения того" до слов: „в лето 6756"), то это все вместе и составит собственно авторский вклад составителя „Книги" в остальное, не принадлежащее ему ее содержание.

---

[1] Ср. л. 94 об.: „а иже хощет и ищет... спасения"; л. 95: „и ищет и не обрящет ли" и т. д.

[2] Ср. напр.: „Книга глаголемая Временник", „Книга глаголемая степенная", „книга глаголема новои летописец" и др., ЧИОИДР, 1904 г., кн. 208, стр. 1, 3.

Вклад этот поражает, прежде всего, относительным обилием реминисценций и даже цитат из новозаветных книг библии и агиографической литературы, что рассмотрено уже в статье А. Розенберга „Китежский летописец",[1] где впрочем истории текста памятника („Книги") внимания не уделено вовсе, а потому компилятивный его характер просто отнесен за счет литературной манеры одного какого-то автора, названнного весьма неопределенно старообрядцем-начетчиком XVII—XVIII вв. Но зная, что все старообрядческие места в „Книге" — интерполяции сводчика, работавшего над объединением двух разных памятников („Летописца о убиении" и „Повести") никак не раньше 1702 г. (года, которым датировано использованное в „Книге" „Послание к отцу от сына") и не позже 1790-х гг. (к которым относятся старшие списки „Книги"), мы можем на основании тех же книжных заимствований гораздо уже точнее определить теперь, какого „толка" старообрядцем был этот сводчик, и где и когда был свод этот составлен. Пересказ и цитаты отдельных мест Апокалипсиса, псевдо-Ипполита, Ефрема Сирина и Кирилловой книги об антихристе сопровождаются в выделенных нами интерполяциях такими толкованиями, которые в указанных хронологических пределах, из всех существовавших тогда подразделений старообрядчества, типичны только для одного. В самом деле, словам интерполяции: „яко же антихрист црствовати начнет в мире" (л. 91 об.) придан в одной из дальнейших интерполяций тот конкретный в применении к царской власти смысл, который в XVIII веке присущ был только учению бегунов; мало того: апокалиптическая „жена седя на звери" свою „чашу полну всякия скверны" подает тут не только „патриархом" (т. е. Никону) и не только „царем и князем и воеводам и всяким властем", но еще „и богатым" (л. 94). Осуждение же „богатых", или, другими словами, отказ от всякой собственности вплоть до денег включительно, опять-таки свойственен был тогда только одним бегунам (откуда особый среди них толк „безденежников").[2] Есть затем в выделенных интерполяциях и признаки основной для бегунов догмы

[1] См. „Научные записки научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры", II. История и литература. Гос. изд. Украины, 1927 г., стр. 85—94.

[2] См. И. К. Пятницкий, „Секта странников и ее значение в расколе", изд. 2-е, СПб., 1912 г., стр. 127—128.

о „бегстве". Так, первая уже вставка в „Повесть" (с пересказом 17-й главы Апокалипсиса) начинается словами: „бежа бо той подобен сему духовно бежа от блудницы вавилонския"; т. е. подобно всем известным до сих пор произведениям „бегунов", указанное место „Книги" использует 17-ю главу Апокалипсиса как апологию и прообраз введенного Евфимием (основателем секты) в практику секты „бегства" (бродяжничества). Догме о „бегстве" соответствуют в выделенных интерполяциях столь же типичные для бегунов перифразы тех мест Апокалипсиса и послания к Евреям, где встречается образ „святого града", „нового Иерусалима" и т. п. Образ этот служил, как известно, первым уже бегунам — современникам Пугачева — путеводной звездой и, если угодно, лозунгом в их своеобразной борьбе с крепостническим абсолютизмом Екатерины.[1] Образ этот, в наших интерполяциях впервые выступает в той еще части „Книги", которая соответствует „Летописцу о убиении": непритязательный первоначально рассказ об измерении Китежа Большего распространен вставкой (л. 86 об.— 87, см. выше), напоминающей аналогичный эпизод Апокалипсиса (в гл. 21-й), на что обратил уж внимание Розенберг.[2] Тот же образ подсказал затем, как мы видели, вставку и в заглавие „Повести" („взыскание града").

Но особенно выразительны те места „Книги", где ее составитель или, верней, составители, говорят прямо уж о себе. Таких мест два. В первом (л. 91) имеем опять традиционный у бегунов текст из упомянутого выше Послания к Евреям (гл. II, ст. 37—38); вот цитируя его, составители „Книги" и предуведомляют: „апостол Павел ... провидя сіе слово к нам глаголет"; соответственно чему и в самой цитате, вместо третьего лица мн. („проидоша") поставлено первое лицо: „проидохом" и т. д. Прямо к себе применив таким образом текст о скитающихся „в пустынях, в горах и в вертепах", составители „Книги" не оставляют уж сомнений в том, что они бегуны.

Второй раз авторское „я" составителей „Книги" выступает от лица какого-то „собора" с обращением ко „всем православным христианом" или просто „всем христианом" (л. 98 об.). Место это не раз уж вызывало у писавших о нашем памятнике

[1] См. Пятницкий, op. cit., 106—125. Сочинения А. П. Щапова, т. I („Земство и раскол", II), стр. 536—544, 547—549.

[2] См. op cit., стр. 91—92.

недоумение, которое, однако, разъясняется весьма просто, если вспомнить, что, во-первых, секта бегунов, подразделяясь иерархически на три „чина“, территориально же — на „пределы“ и „страны“, управлялась созываемыми время от времени „соборами“ и что, во-вторых, сами-то бегуны издавна называли себя не иначе как просто „христианами“, вкладывая в это название известный полемический (против других толков старообрядчества) смысл.[1] Один из таких „соборов“ и занят был, следовательно, составлением нашего памятника в 80-х — 90-х годах XVIII столетия.[2]

Где такой „собор“ мог иметь место?

Два старших списка „Книги“ происходят, как указано выше, из Ярославля, т. е. оттуда же, откуда ведет свое начало и самая секта. Деревня Сопелки, в 12 верстах от Ярославля, — эта, по выражению Пятницкого, „столица“ бегунов и обычное место их первых еще „соборов“,[3] — и была, как можно думать, тем местом, где составлена „Книга“.

Но Сопелки, населенные так наз. „пристанодержателями“, в многочисленных своих и хитроумных „тайниках“ приют собственно бегунам давали преимущественно зимой; а на лето бегуны удалялись оттуда в леса за Волгу; так, проникновение их в галицкие леса (Костромской губ.) совершилось еще при Евфимие:[4] тогда же, надо думать, освоили они себе Светлояр.

Что внутри Светлоярских „гор“ существовали на памяти не так давно умерших стариков землянки, где, в подражание легендарным „скрытникам“, укрывались от царских властей и какие-то вполне реальные уже „старцы“, известно из записей Меледина и Короленки.[5] А что „старцы“ эти только и могли быть бегуны — доказывает следственное дело 1851—1857 гг. (о сопелковских бегунах), откуда известно о целом ряде таких же лесных землянок в других районах обычного их летом скитания,[6] одним из которых несомненно было и Нижегород-

---

1 См. Пятницкий, op. cit., стр. 135—148, 92, 121.

2 Возникновение секты бегунов относится к началу восьмидесятых годов XVIII столетия. См. Сочинения А. П. Щапова, т. I, стр. 541—548.

3 См. Пятницкий, op. cit., passim. Щапов, op. cit., 556.

4 См. Щапов, op. cit., 544.

5 См. „Москвитянин“, 1843 г., кн. 12, стр. 507—511; Полн. собр. соч. Короленко (прил. к „Ниве“), т. V, кн. 14, стр. 248—249.

6 См. Пятницкий, op. cit., стр. 164—168.

ское Завслжье с прилегающим к нему Городцом.[1] И недаром хорошо знакомый с делом сопелковских бегунов ярославец Трефолев в своем очерке по истории секты уделил внимание и Светлояру.[2]

Есть прямое свидетельство (Мельникова), что обитатели светлоярских землянок — именно бегуны.[3] Обосновавшись на Светлояре в 80-х — 90-х годах XVIII столетия, сопелковские „бегуны", с присущим им интересом к „писанию", и оказались призванными завершить в духе своего учения весь процесс народно-литературных обработок китежской легенды. Авторством бегунов объясняются, наконец, в истории текста „Книги", некоторые отличия друг от друга отдельных ее списков. Их все в этом смысле можно подразделить на три группы: с сохранившимся особым заглавием для Повести; без него, но зато с упоминанием Георгия Всеволодовича в заглавии самой „Книги", и, наконец, также и без него. У сгрупированных по этим признакам списков есть и другие, роднящие их черты. Очевидно, „Книга" тоже дошла до нас не в первоначальном виде. Но замечательно, что каждый из указанных трех „изводов" представлен списками одного и того же места или района: списки без заглавия для „Повести" и без имени Георгия Всеволодовича в основном заглавии — все ярославские (из сборников Публ. библ., Вострякова и Титова); списки без заглавия для „Повести", но с именем Георгия Всеволодовича в основном заглавии — светлоярские, из нижегородского Заволжья (списки Меледина, Гациского, Семеновский, Светлоярского сборника);[4] наконец, списки с особым заглавием для „Повести" — видимо, из Городца (Музейный и Нижегородской архивной комиссии): только тут, по крайней мере, название „невидимого", кроме Китежа Большего, присвоено также и городецкому Китежу малому. См. Прил. I, примеч. 334. — Несохранившийся первоначальный „извод" „Книги" подвергся таким образом очень

---

[1] См. „Отчет о современном состоянии раскола П. И. Мельникова 1854 г.", стр. 219, 220—225, в „Сборнике т. IX. В память П. И. Мельникова", изд. Нижегород. уч. Архив. ком., 1911.

[2] См. „Странники. Эпизод из истории раскола", в „Трудах Яросл. Губ. Стат. Ком.", вып. I, Яросл., 1866.

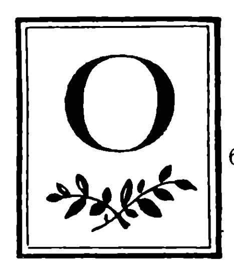
[3] См. „Отчет", op. cit., стр. 193.

[4] Оттуда же, должно быть, примыкающий к ним самый старший список этой группы — Бодянского.

скоро трем незначительным переработкам как-раз в тех местах, куда этот первоначальный „извод“ мог быть занесен бегунами: в Ярославле,[1] на Светлояре и в Городце.

[1] Ярославский сборник (Публ. библ.), из которого извлечен наш основной список, с бегунами связан и самым своим составом; подбор соответствующих их учению текстов находим, напр., в статье: „Сказание от священных правил“, содержащейся, как указано, и в сборнике Вострякова. За счет бегунов надо еще отнести в устных вариантах легенды, мотив воздушного города; см. И. Ф. Тюменев „От Ярославля до Нижнего“, Истор. вестн., 1906 г., кн. 10, стр. 278; С. Дурылин, op. cit., 22. Он подсказан все тем же популярным у бегунов Апокалипсисом (гл. 21).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Обращаясь к составу свода и, в первую очередь, к „Повести“, сопоставим, прежде всего, основной ее текст (за вычетом перечисленных выше интерполяций) с „Посланием к отцу от сына“.[1]

Повесть	Послание
„таковому господь открыет и управит его в таковое благоутишное пристанище молитвами преподобных отец наших онех иже трудятся день и нощь непрестанно от уст их молитва яко кадило благоуханно“. (Л. 95)	„Сии бо святии отцы, с ними же аз живу,... от уст их непрестанная молитва..., яко фимиам благоуханный, и яко кадило избранное“.
„... покры господь (той град) дланию своею и невидим бысть по их молению и прошению иже достойне и праведне тому припадающих...“ (Л. 98)	„и покры их невидимо дланию своею, иже достойне и праведне тому припадающим“.

[1] Изданное Мельниковым-Печерским в его „Очерках поповщины“ (Собр. соч., изд. „Нивы“, т. VII, стр. 26—27), „Послание“ это, — из рукописного сборника второй половины XVIII ст., — с внешней стороны Мельниковым-Печерским точней не описано; правда, тут же указано, что оно „в большом ходу у раскольников“; а в статье Тюменева „От Ярославля до Нижнего“ (Истор. вестн., 1906 г., кн. 10, стр. 278) есть, кроме того, указание на „несколько редакций“ его. И тем не менее, „Послание к отцу от сына“ в указателе В. Г. Дружинина („Писания русских старообрядцев“, СПб., 1912 г.) не отмечено вовсе; нет ни одного его списка и в Публичной библиотеке в Ленинграде. Пользоваться приходится таким образом только публикацией Мельникова-Печерского.

Сопоставления эти свидетельствуют о заимствовании из „Послания“ в „Повесть“, а не наоборот, потому что в „Повести“ есть, как известно, и прямой намек на „Послание“: „или извещение приидет ему из... монастыря того“ (Л. 97).

Возникнув, следовательно, вслед за „Посланием“ (т. е. после 1702 г.), „Повесть“ в первоначальном своем виде (за вычетом перечисленных выше интерполяций) примыкала к „Посланию“ и содержанием, будучи, как и оно, литературной обработкой той второй версии устной светлоярской легенды, которая, говоря о монастыре, „града Китежа“ не упоминает и которую мы связали выше с местным преданием заузольской „монастырщины“ о нашествии Эдигея. Теперь обратимся к собственно литературной стороне этих двух ее обработок.

„Послание“ и „Повесть“ (в первоначальном виде) стилистическими и жанровыми своими признаками примыкают к довольно обширному циклу легендарно-апокрифических памятников древнерусской литературы, говорящих о „земном рае“. Таких памятников дошло до нас несколько: „хождения“ в рай свв. Агапия, Зосимы, Макария; сходный эпизод — „хождение“ в рай Сифа — в „Исповедании Евы“ и в сказаниях о крестном древе; апокрифическое „Видение апостола Павла“; отдельные эпизоды русской Александрии; рано присоединенное к ней „Сказание об индийском царстве“,[1] и др. Циклизация их сказалась рано как на западе, так и у нас, и сказалась не только в присоединении „Сказания“ к Александрии, но и в заимствованиях в ту же Александрию из „хождения“ Макария[2] и, наоборот, в „хождение“ Зосимы из Александрии. И если известное послание о „земном рае“ новгородского архиепископа Василия,[3]

[1] Опубликованы в „Памятниках отреченной русской литературы“ Тихонравова (I, II); в „Памятниках старинной русской литературы“ Пыпина (вып. III); в трудах: И. Я. Порфирьева „Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки“, СПб., 1877; В. М. Истрина „Александрия русских хронографов“ (М., 1893 г.) и „Сказание об Индийском царстве“ (М., 1893 г.); М. Н. Сперанского „Сказание об Индийском царстве“ (в Изв. р. яз. и сл. 1930 г. т., III, кн. 2); А. Никифорова „Минейные и проложные тексты апокрифа о Макарии Римском в сл. русск. письменности“ („Известия Общ. археол., истории и этнографии при Казанск. унив.“, т. XXX, вып. 2, 1923 г.).

[2] См. Истрин, „Сказание“ и т. д., стр. 33.

[3] Вошедшее в новгородские летописи; отдельно издано Буслаевым в его „Хрестоматии“; о нем см. А. Веселовский „Разыскания в области русского духовного стиха“, вып. XIX.

где упомянуты рядом Макарий и рахманы, позволяет у нас начало их циклизации относить к XIV веку, то, с другой стороны, ряд новейших переделок (XVII—XVIII вв.) „Сказания об Индийском царстве“ (отмечаемых М. Н. Сперанским) или возникновение „Повести о двою монахах в Новгороде“ (известной только по сп. XVIII в. и являющейся новой компиляцией из „Сказания“ и „Слова о Макарии Римлянине“), свидетельствуют бесспорно, что и в XVIII даже веке циклизация этих памятников до конца завершена еще не была. Вот к этому-то циклу и примыкают также наши два памятника XVIII в.

Начать с того, что „сокровенный монастырь“ „Послания“ и „Повести“ называется в них или прямо „земное царствие“ (т. е. „земной рай“ апокрифов[1]) или описательно: „место оно“ (в „Послании“ и „Повести“), „таковое место святое“ (в „Повести“),[2] что является буквальным повторением описательных же названий „земного рая“ в тех же апокрифах: в послании Василия — „место се святое“;[3] в „хождении“ трех отроков к Макарию — „како еси пришел на се место на святое“;[4] в сказании о св. Агапии — „вниде в раи, ти яко любо ему место“;[5] в „Видении ап. Павла“ — „покажю ти место праведных“.[6]

Далее, форма эпистолярного извещения очевидца о чудесном райском месте тоже в нашем „Послании к отцу от сына“ далеко не случайна. Она органически присуща, как известно, „Сказанию об Индийском царстве“ и широко использована в отдельных эпизодах Александрии; от первого лица ведется рассказ и в „хождении“ Зосимы, заканчиваясь, кроме того, особым посланием „блаженных“ ко всем „сынам человеческим“ о своем житии.[7]

В „Послании к отцу от сына“ сам автор наделен, наконец, типическими для рассматриваемого цикла памятников житийными чертами: подобно Агапию и Макарию, райского места достиг он тоже тайно, покинув не только родителей, но и „друга

---

1 Ср. в Послании: „Аз живу в земном царствии... По истине... царство земное“.

2 См. „Тексты“, I, лл. 96 об., 97 об., 100.

3 Буслаев. Хрестоматия (изд. Соболевского), стр. 168.

4 Памятники старинной русской литературы, III, стр. 140.

5 Ibid., стр. 134.

6 Тихонравов, op. cit., т. II. стр. 47.

7 Тихонравов. Памятники, т. II, стр. 76—92.

советного“, т. е. жену. Отозвался этот мотив и в „Повести“, в предписании итти „в таковое благоутишное пристанище“ не поведав „ни отцу ни матери и сестрам и братиям“ (л. 96).

Не менее типична другая подробность „Повести“: на пути в „место свято“ стопы идущего „вся изочтены и записаны будут ангелом яко на путь спасения пойде“ (л. 93). Макария на пути в рай, согласно проложной повести, „поят ангел во образе старца и введе и в пустыню“, или как сам Макарий рассказывает трем инокам в более пространном „слове“: „И посла ми Господь ангела Рафаила во образе мужа стара и странна, и приближися ко мне и аз вопросих его: „где идеши?“ И рече ми он: „где ты умом мыслиши, да и аз с тобою иду“.— И рекох: господи! настави мя на путь живота моего“.[1] Ангел ведет и Зосиму.[2]

Что касается самого „места свята“ и его жителей, то и они изображены в наших памятниках в согласии с той же традицией. Так, „древа не стареющиеся“, с которыми в „Послании“ сравнены „святии отцы“ сокровенного монастыря, приводят на память чудесные деревья в стране рахманов, о которых рассказывает Александрия и „хождение“ Зосимы;[3] райские деревья с „источником юности“ у корней — в „хождении“ Сифа крестной легенды,[4] „древеса красна и цветна их же плод и листвие николи же оувядают“, как гласит один из русских ее вариантов;[5] или, наконец, чудесное „древо“ пресвитера Иоанна „от того же древа идет миро... и егда того ж мира кои вземше люди и егда им помажутся и более того оне не стареютца“.[6] Отмечаемый в том же „Послании особый месту оному свет“,— ночью „без свещнаго сияния“, „яко молния“,— отмечается и во всех перечисленных описаниях земного рая. „И свет бысть в месте том самосиянен, яко не мощи человеку исповедати“, говорится в Послании новгородского архиепископа Василия.[7] В „Видении апостола Павла“ „бе же свет земля тоя паче сребра семичею“.[8] И в хождении трех отроков к Макарию „бяше по

1 Памятники старинной русской литературы, III, стр. 135, 140.

2 Тихонравов. Памятники, II, стр. 76—92.

3 Истрин. Александрия, Прилож., стр. 187, 329; Тихонравов. Памятники, т. II, 82—83, 87.

4 Веселовский. Разыскания, III—V, стр. 64, 66—67.

5 Порфирьев, op. cit., „Тексты“, стр. 89.

6 Сперанский, op. cit., 403.

7 Буслаев. Хрестоматия, стр. 170.

8 Тихонравов. Памятники, II, стр. 47.

реце тои (близ рая) свет седмирицею сего света светлее".[1] Такой же чудесный свет, — „в нощи... аки день, а в день аки злато",— озаряет, наконец, и палаты пресвитера Иоанна (в „Сказании об Индийском царстве").[2] Там он исходит впрочем от чудесных камней. В „Послании к отцу от сына" чудесный свет этот исходит от уст молящихся, — „яко столпы пламенные со искрами огненными"; то же и в Повести: „трудятся день и нощь непрестанно от оуст их молитва яко кадило благоуханно" (л. 96). Общее место средневековой агиографии и даже иконописи,[3]— деталь эта (о превращающейся в видимый свет молитве) есть в „Видении апостола Павла": „и возрех от небесе на землю и... видих облак огньн распростерт над мир весь и рех что се есть господи и рече се есть безаконье смешено с молитвою грешных".[4] Замечательно, что заимствования в китежскую легенду из апокрифической литературы о земном рае „Повестью" и „Посланием" не ограничиваются: след их есть и в устных версиях светлоярской легенды, в светлоярской даже обрядности; так, молясь и кланяясь на восток, светлоярские паломники в объяснение указывают, что на востоке — рай (1925 г.), с чем согласны и все привлеченные нами апокрифы. А встречающийся в устных только пересказах легенды[5] мотив накормления удостоившихся попасть к светлоярским „скрытникам" чудесным хлебом восходит к „хождению" Агапия, который, достигнув рая, получает там от Илии „часть хлеба его же сам ядяше".[6]

Апокрифическая литература о земном рае, как выясняется, широко и систематически привлекалась к осмыслению светлоярских поверий, повод чему был, видимо, в них самих: известна связь языческих мест погребения с представлениями о языческом рае;[7] известно и то, как трудно разграничить языческий

---

[1] Памятники старинной русской литературы, III, стр. 138.

[2] Истрин, op. cit., стр. 57.

[3] Ср. сходный рассказ о пламени от уст молящихся в житии Иллариона Суздальского. Сочинения Ф. П. Буслаева, изд. Отд. русск. яз. и словесности Акад. Наук, т. II, СПб., 1910, стр. 420—421. См. также „Записки Моск. Археол. Инст.", т. II, „Царские иконописцы и живописцы XVII в." А. И. Успенского, стр. 357—358.

[4] Тихонравов. Памятники, т. II, стр. 43.

[5] В записях Меледина и Гациского, op. cit.

[6] Памятники старинной русской литературы, III, стр. 134.

[7] А. А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. Соч., т. III, стр. 67—68, 78.

рай (колядок, заговоров и пр.) и земной рай христианских апокрифов. „Плодотворность... апокрифов о райском и крестном древе“, говорит Потебня,[1] „может объясняться не только тем, что они сами по себе способны были произвести сильное впечатление, но и тем, что они застали другие сходные сказания“,—языческие. Подобная встреча и имела, очевидно, место на Светлояре. Но кем принесен был сюда апокриф? Или, другими словами, где, в какой среде могли возникнуть „Послание к отцу“ и „Повесть“?

Начитанностью в легендарно-исторической и житийной литературе близ Светлояра до 1702 г. отличаться могла скорей всего та самая „монастырщина“, о которой речь была выше. Действительно, в тексте „Послания“ и „Повести“ есть прямое этому подтверждение. „Послание“, как и „Повесть“, наряду с „местом оным“ (Светлояром) упоминает еще „всю страну оную“; „Повесть“ же, кроме того, как мы знаем уж, разъясняет, что „страна“ эта — Заузолье, в пределах которого и надо, следовательно, отыскивать место возникновенья обоих памятников. Что место это только и могло быть монастырем — прямо видно из „Повести“. Не раз отмечавшаяся нами там ссылка на местное заузольское предание о Батые (л. 98—98 об.) хранителей этого предания называет „отцами“ („поведают отцы слышавшии от прежде бывших их отец“), что только и может означать отцов монастырской братии, тем более, что слово „их“— позднейшая несомненно вставка: в двух списках оно отсутствует, в других легко могло явиться при переносе предыдущего слова „бывших“ (как удвоение последнего его слога) или от непонимания переписчиком, о каких „отцах“ тут идет речь. А что автору „Повести“ вообще свойственно было употребление слова „отец“ в смысле старшего среди монастырской братии, видно из другого еще в ней места: „бысть некоторый отец“ и т. д. (л. 93), которое тоже, как видно, переписчиков затрудняло: один из них к „отец“ приписал „человек“ (см. „Тексты“, I, л. 93, примеч. 432).

Авторами „Послания к отцу“ и „Повести“ и были, значит, монахи какого-то заузольского монастыря. Какого же именно? Апокрифическая литература о земном рае, в частности — о крестном древе, могла быть собрана, скорей всего, в Спасском Кезинском монастыре, на полпути от Городца к Светлояру, на

---

[1] Объяснение малорусских и сродных народных песен. II. Колядки и щедривки, Варшава, 1887, вып. XV, стр. 223—224.

реке Кезе.[1] Дело в том, что главным местным праздником в этом монастыре было так наз. „Происхождение честных древ“ (1 августа), что и должно было популяризировать там легенду о крестном древе и примыкающие к ней другие апокрифы о земном рае, на что прямо, должно-быть, указывает особое у этого монастыря название: Раев (или Спасораевский). Был прямой, значит, повод к собиранию там как-раз той самой литературы, под влиянием которой возникли наши „Послание“ и „Повесть“. Да и возможностей для этого было там больше, чем где бы то ни было: этот Раев монастырь в XVII в. только один в Заузолье и был ружным,[2] т. е. получал содержание (ругу) от государства и вообще Москвой забыт не был: сохранилось известие о принадлежавшем ему серебряном сосуде с надписью, указывающей на происхождение сосуда из московской дворцовой церкви при Федоре Алексеевиче с датой: 7280 (1671) года.[3] С другой стороны, синодик Раева монастыря, тоже XVII в., содержа „некоторые заметки важные для русской истории“,[4] указывает как-будто на склонность его братии к литературным занятиям вообще. Наконец, судьба этого монастыря, разоренного в 1713 г., по подозрению в расколе Питиримом,[5] что и отозвалось, как мы знаем, в одной из версий светлоярской легенды, делает еще более вероятным, что он-то и был до своего разорения тем местом, где возникли литературные обработки этой легенды („Послание к отцу“ и „Повесть“).

Разбежавшиеся из него, от гонений Питирима, по соседним скитам монахи этим самым скитам (Керженским, Чернораменским) и передали в наследство наши два памятника, второй из которых („Повесть“) возник, следовательно, в промежуток после возникновения первого („Послания“) и до разорения Раева монастыря, т. е. в 1702—1713 гг.

---

1 См. о нем в „Истории российской иерархии“ архим. Амвросия, ч. IV, М., 1812, стр. 361.

2 Согласно указу 161 (1653) г. См. „Материалы для истории церквей Нижегородской епархии“, вып. 2, М., 1903, стр. 82.

3 См. „Древности в селе Спас-на-Кезе“, Мельникова-Печерского, в Нижегород. губ. ведомостях“, 1847 г., № 35.

4 Там же. Нет, к сожалению, никаких данных о времени возникновения Раева монастыря.

5 „История Нижегородской иерархии“ архим. Макария, СПб., 1857 г., стр. 45.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

При оценке основной части свода — „Летописца о убиении“ — надо, до известной степени, довериться отзыву о нем составителей свода: „Летописец“ этот, по крайней мере в основной своей части, значительно старше и „Повести“, и „Послания“. Правда, единственный известный пока его список — новейший, XIX столетия.[1] Но что сам памятник старше своего списка, доказывается зависимостью от него „Книги глаголемой летописец“, старшие списки которой относятся ведь к XVIII столетию.[2] Показательны и некоторые признаки палеографические.

Дело в том, что хоть Уваровский сборник и написан весь одним почерком, одинаковым полууставом, но в той его части, которая содержит „Летописец о убиении“, встречаются написанья, в других частях сборника вовсе или почти вовсе не встречающиеся и несомненно при этом восходящие к скорописи.

Так, титульные и надстрочные написанья в начале сборника вообще редки. Напротив, в конце сборника (где „Летописец о

[1] Бумага в Уваровском сборнике — на всем его протяжении одинаковая бледноголубая — в филиграни помечена 1839 годом. — Ср. К. Тромонин „Изъяснения знаков видимых в писчей бумаге“, М., 1844, стр. 18, табл. LXIII.

[2] К XVIII же веку относится любопытная выборка „о граде большем китеже, от малова китежа... сухим путем р̃ верст“, в старообрядческом сборнике собр. Уварова № 627 (1949). — См. „Систематическое описание“ Леонида, ч. IV отд. XVII, стр. 334—335. — Содержа̣ сведения, которые почерпнуть одинаково, можно было как из „Книги“, так и из „Летописца о убиении“, выборка восходит, однако, к „Летописцу“, поскольку озаглавлена: „от Летописца поведение“ и говорит именно о „убиении“: „а строил его великии князь георгии всеволодич владимирскии, а тои князь убиен от батыя царя в том граде“. Любопытна критическая в заключенье приписка: „а в святцех убиение князя георгия, сказует на сите реце“. Сборник где эта выборка содержится — на той же бумаге, что и наши Ярославские сборники (Публ. библ. и Вострякова), но едва ли не старше их: в филиграни—1793 г., в одной из статей упомянут 1794-й. За указанье мне сборника приношу благодарность В. П. Адриановой.

убиении"), наряду с обильными написаниями под титлом, столь же многочисленны и написания над строкой, некоторые из которых как-раз характерны для скорописи: волнообразное горизонтальное „з";[1] горизонтальное „р" с широким росчерком вправо,[2] надстрочное квадратное „в";[3] скорописное надстрочное „и" вместо „й" в конце слов.[4] Характерны для скорописи и некоторые строчные написания: „г" в виде тонкой слегка изогнутой линии, далеко выступающей над строкой;[5] „и" в виде „иота";[6] одна из разновидностей скорописного „ꙗ", в виде „н" с петлей у левой вертикали внизу, — правда, в двух только случаях (на весь сборник);[7] один раз встретилась, наконец, даже „вязь" (в слове „чюдотворца", л. 40).[8] О скорописи свидетельствуют еще, конечно, и недописанные слова, — видимо, не разобранные до конца при переписывании.[9] И их, опять-таки, в остальных частях сборника не находим вовсе.

Словом, поскольку можно судить на основании дошедшего до нас списка „Летописца" о палеографических признаках его

---

[1] В словах: „княз" (лл. 34 об., 35, 36, 44 об.), „возропташа" (л. 35), „воздержании" (л. 36), „образ" (л. 41 об), „Воздвижения" (л. 42 об.), „праздником" (л. 42 об.), „воздаде" (л. 43), „раздая" (л. 43 об.) и т. д. Подобных написаний на весь остальной сборник насчитывается всего только пять.

[2] В словах: „благоверной" (л. 37), „благоверныи", „георгие" (л. 37 об.), „благоверных" (там же), „георгии" bis (л. 39), „георгии" (лл. 40, 40 об., 41, 43, 45), „чюдотворца" (л. 40), „чюдотворныя" (л. 41 об.), „монасгырь" (л. 41 об.), „оскверняше", „горко" (л. 44 об.) и в др. В остальных частях сборника подобных написаний не встретилось ни одного. В „Летописце" же их насчитывается 29.

[3] В словах: „равноапостольному", „киевскому" (л. 34 об.), „новгородцы" (л. 35), „гавриил" (л. 35 об.), „здрав" (л. 37 об.) и в др. И это написанье в других частях сборника отсутствует.

[4] В словах: „благоверныи" (л. 36), „великии" (л. 37 об.), „благоверныи великии" (л. 39), „прежереченныи (л. 43 об.), „благоверныи" (л. 45), „нечестивыи" (лл. 45, 46). В других частях сборника встретилось три таких написанья.

[5] В словах: „многая" (л. 36 об.), „грамоту" (л. 38—38 об.), „по градом" (л. 38 об.), „многи" (л. 39), „град" (л. 43) и в др. кроме „Летописца" встретилось в сборнике еще только дважды.

[6] На скоропись особенно указывает заглавное „I" — в виде высокой прямой тонкой линии с двумя над ней черточками: „И тогда" (л. 35), „И повеле" (л. 40). — Кроме „Летописца" встретилось в сборнике еще один только раз.

[7] „Яко незлобивыя" (л. 38) и „Якоже хощеши" (л. 38 об.).

[8] В других частях сборника „вязи" нет вовсе.

[9] На весь памятник их насчитывается (кроме слов с недописанным в конце ь) около 15-ти. Сохраняем в нашем издании.

протографа, — нет препятствий к тому, чтобы составление последнего относить к XVII столетию.

То же надо сказать и о языке „Летописца".

Относительная древность его языковых форм становится заметной при сопоставлении со списками „Книги".

В области фонетики, напр., „Летописец о убиении" знает еще смягчение гортанных в свистящие, и, при этом, не в одних только словах книжной традиции: „на другом брезе" (л. 42); но и „поплыве наниз по волзе (л. 41); во всех списках „Книги глаголемой летописец" имеем, напротив, форму новейшую: „поеха на низ по волге" (л. 85, вар.).

В области морфологии обращает на себя внимание правильное употребление аориста, без замены новейшими причастными формами прошедшего (на „л"): „вда ему выш град" (л. 35 об.), „что бо приобрете" (л. 37 об.), „повеле строити" (л. 39 об.), „и отпе молебен и повеле ехати" (л. 40 об.), „поеха во град" (л. 41), „седе в струг и поплыве наниз" (л. 41), „и приста к берегу" (л. 41) и т. д. И опять соответствующие места сводной редакции („Книги") в некоторых случаях показательны.

Летописец о убиении	Книга глаголемая летописец
(л. 41 об.)	(л. 85)
„повеле пети молебная"	„начал пети молебен" (по сп. Меледина)
„где сама избра место себе"	„где сама изволила место себе" (л. 85 об.)

Но такие мелкие разночтения особенно показательны в области лексики.

Летописец о убиении	Книга глаголемая летописец
„пети молебная" (л. 41 об.)[1]	„пети молебен" (л. 85)
„поеха оттуду" (л. 41 об.—42)[2]	„поеха с места того" (л. 85)

[1] Ср. в „Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам" И. И. Срезневского (т. II, стр. 172): „праздьньство молебьно" (Мин. 1096 г. ок.), „в время мольбьное" (Панд. Ант. XI в.), „Дар мольбьныи" (Жит. Феод.).

[2] Ср. там же (т. II стр. 819): „Исходяще отътудоу" (Остр. Ев.); „Яко гоуба воды оттоудоу почьрпе" (Мин. 1096 г. окт.); „свесися оттоудоу доловь" (Ип. л. 6698); „оттоудоу иде к Ярославоу" (Нов. I л. 6737 г.).

„виде место то вельми красно“ (л. 42) [1]	„виде место то велми прекрасно“ (л. 86)
„колико поприщь“ (л. 43) [2]	„коль много... поприщь“. (л. 87 об.)
„и намеряша р̄ поприщ“ (л. 43) [3]	„и намеряша сто верст“ (л. 87 об. примеч. 244).

Следует отметить и еще некоторые речения, встречающиеся правда, и в списках сводной редакции, но перешедшие сюда из „Летописца о убиении“ и потому характерные именно для него: „езеро“ (лл. 42, 46); собирательное „людие“ (лл. 41, 43 об.); старинное „вои“ (лл. 44 об., 45 об.), явно уже утратившее свой отчетливый смысл для составителя старшего из наших списков „Книги глаголемой летописец“; он пишет: „пойде... свой своими“, воста... свой своими“ (лл. 88 об., 89). Напротив, в „Летописце о убиении“ слово „вои“ употребляется правильно в согласии с древнейшими памятниками нашей письменности.[4]

Особого внимания заслуживает слово „Русия“ („даждь ми грамоту в русии нашей по градом церкви божия строити и грады“, л. 38 об.). Его употреблению присущи довольно четкие хронологические границы, если учитывать только деловое и обиходное употребление, без всякой тенденции к стилистическим архаизмам. Но, во-первых, предполагать такую тенденцию в нашем „Летописце о убиении“ нет никаких оснований: та литературная среда XVII—XVIII вв., где тенденция эта существовала, на нем не отразилась никак;[5] а, во-вторых, даже и в этой среде

---

[1] В памятниках древнерусск. письменности „красный“ в смысле „красивый“ обычно. Ср. у Срезневского, op. cit., I, 1318. Напротив, „прекрасный“ в этом смысле представлено у Срезневского только двумя примерами, один из которых мало характерен при этом („Иосиф прекрасны“). Ср. op. cit., т. II, стр. 1656.

[2] „Колико“—quantum обычно в древнерусск. письменности. Ср. Срезневский, op. cit., I, ст. 1251—1252; напротив, для „коль много“ (в этом же смысле) примеров у Срезневского не находим вовсе.

[3] „Попьрище“ в значении „путевая мера“ обычно в древнерусск. письменности. См. Срезневский, op. cit., т. II, стр. 1203—1204; напротив. „вьрста“ гораздо чаще в значении „ряд“,—series, род, „genus“, „возраст“, „aetas“, „сверстник, товарищ“. См. Срезневский, I, 462.

[4] Ср. „и собра вои своя“ (л. 44 об.) хотя бы с „Словом о Полку Игореве“; „Игорь к Дону вои ведет“ и „... виде ... вся своя воя“ ...

[5] В авторе нашего памятника ничто не изобличает старообрядца.

на слово „Русия“ указанная тенденция не распространялась, В плане же делового и обиходного литературного словоупотребления „Русия“ вполне заканчивает свою историю во второй половине XVII столетия. Обычное, общепринятое в XVI и в начале XVII вв. наименование московского государства, — „Русия“ совершенно исчезает из официального языка грамот и договоров после 1654 г., уступая свое место новому термину: „Росия“ и несколько позже „Россия“. Тогда же (впрочем, с некоторым запозданием) его усваивает и литературный язык.[2] Старая форма „Русия“ в „Летописце о убиении“ — довольно надежный хронологический показатель о времени составления памятника или, верней, той его части, где эта форма встречается. И опять интересно сопоставление со списками сводной редакции („Книги“): все они в соответствующем месте сохраняют, правда, форму своего источника: „Русия“ (см. „Тексты“ I, л. 82 об.); но зато в другом месте в некоторых из них появляется форма новейшая: „российския земли“ (л. 79 об.),[3] вполне соответствующая времени составления „Книги“.

Обращаясь к содержанию „Летописца о убиении“, отметим, прежде всего, признаки его местного происхождения. Сразу же обращает на себя здесь внимание ряд таких топографических подробностей (при описании пути князя Георгия из Малого Китежа — Городца к Светлояру), которые могли быть внесены в памятник только уроженцем описываемого края: перечисление рек, которые, действительно, приходится переезжать, — и как раз в указанной тут последовательности, — если ехать к Светлояру от Городца; краткое, — но выразительное и точное, — описание самого Светлояра (л. 42); наконец, указание, тоже соответствующее действительности, на количество верст, отделяющих от Городца Светлояр (л. 43). В течение многих веков ближайшим к Светлояру культурным центром и был этот Городец Волжский, — тот самый Малый Китеж, которому в нашем

---

[1] Ср. „Российский виноград“ Семена Денисова и прозвище Аввакума: „протосингел российской церкви“.

[2] В литературном языке „Русия“ господствует еще в 40-х гг. XVII столетия, приходит в смешение с новой формой („Росия“, „Россия“) в 50-х гг. и вытесняется окончательно в 70-х. Ср. Собр. гос. грамот и договоров, II, III; П. С. р. л., т. 14, ч. I („Новый летописец“); т. 22 (хронограф), „Изборник“ А. Попова и т. д.

[3] Вм. „русския земли“, как читается в „Летописце о убиении“ (лл. 34 об. — 35).

памятнике внимания уделено не меньше, чем легендарному „большему“ Китежу. В самом деле, здесь отмечены два события местной Городецкой истории (если даже не считать нашествия Батыя). Князь Георгий „поплыве наниз по волзе и приста к брегу в малый китежь что на берегу волги стоит. и построй его“. Речь идет, конечно, о построении Городецкой земляной крепости, которая доныне носит у жителей легендарное имя „Малого Китежа“.[1] Поэтому, слова нашего памятника: „... и построй его“ („его“ — т. е. земляной город), вполне соответствуют местным городецким преданиям. В подтверждение сошлемся на любопытную запись этих преданий, сохранившуюся (в копии) в Городецком Статистическом бюро:[2] „Народное предание, читаем тут, по поколениям изустно именует его [Городец] еще Китежем Малым, определяя и расстояние с Китежем Большим, основанным будто бы к северовостоку за реками Узолою и Керженцем на берегу озера Светлоярского и потому будто бы назван не главным [городом], а меньшим — Городец. Предание это сказывает, что задолго населенный Китеж Малый в 6672 году ознаменовал прибытием российский князь Георгий Всеволодович [и] рассудил преобразовать его городом под названием Радиловым [sic] Городец Волжский: приказал и строить церкви для молитвы и делать ограду городскую земляным валом примыкаясь к реке Волге. Древность достопамятная, редкостная в целом свете!“ Как видим, автор Городецкой „Истории“, рассказывая о построении Китежа Малого точь-в-точь то же, что и наш „Летописец о убиении“, прямо приписывает, однако, этот рассказ местному преданию, передаваемому в Городце „по поколеньям изустно“.

В „Летописце о убиении“, вслед за рассказом о построении Китежа Малого, находим и еще одно событие местной Горо-

---

1 См. об этом ниже.

2 Запись озаглавлена: „История Городца Волгского Радилова (Китежа Малого)“. В той же тетради — нечто вроде семейной летописи: „Хронология достопамятных вещей Ивана Осиповича Московкина родившегося 17 февраля 1738 года“, из которой узнаем, что автор ее был исконным жителем Городца и исполнял обязанности бурмистра в Городецкой вотчине графа Гр. Орлова; „хронология“ доведена до 1801 г.; тут же приписка: „Списано с тетради в 1847 г.,“ — очевидно, внуком И. О. Московкина. Его же перу принадлежит, видимо, и „История“ (упоминающая 1852 и 1792 гг., последний — с ссылкой на личные воспоминания автора). Более подробных сведений о составителе Городецкой „Истории“ собрать, к сожалению, не удалось.

децкой истории,— построение древнего Городецкого монастыря сопровождающееся распространенной легендой о выборе места для постройки по указанию отяжелевшей иконы (л. 41, 41 об.). „История“ городецкого старожила повторяет и это сообщение „Летописца“, дополняя его пояснительными подробностями: „За валом в недалеком расстоянии состояла [sic] маленькая часовня, устроенная на дороге для молитвы шедших из селения в другие места равно и приходящих из других мест в селение. В ней стояла икона Богородицы во имя Феодоровския“. Дальнейший рассказ не только совпадает с кратким известием „Летописца о убиении“, но и прямо как бы рассчитан на то, чтобы осмыслить не совсем ясные в нем подробности. В самом деле: „И начаша все людие молити князя Георгия чтобы образ... внес во град“ (л. 41, 41 об.); но откуда должен был князь перенести этот образ в только-что им основанный „град“ — из „Летописца“ не видно. Рассказ о часовне это недоумение и разъясняет по-своему. Он, как выясняется, не лишен фактических оснований, — правда, не в XII в., к которому приурочен, а в XVII и даже в XVIII вв.: часовня при дороге в Городце, действительно, существовала, и как раз на месте выстроенного потом монастыря, но только выстроенного не впервые (как говорит „История“ в согласии с „Летописцем о убиении“), а лишь возобновленного, несколько веков спустя после его окончательного запустения, на старом месте, отмеченном этой часовней.[1] Сведения о ней находим в Городецкой Писцовой книге, составленной между 1680 и 1684 гг.[2] В ней читаем: „Монастырь Феодоровский, тоеже деревни Кириловы,[3] в поле от валу порощенные старые кладбища, а на том кладбище поставлен столп, а в том столпе образ пресвятыя богородицы

---

[1] Разоренный при Батые, древний Городецкий монастырь опять разорен был при нашествии Эдигея в 1408 г.; возобновлен тогда не был. В XVII в. вместо него существовала в Городце (на другом месте) Ионина пустынь, подпавшая „под запрещение“ патриарха и поэтому тоже стоявшая „впусте многие годы“; в 1691 г. превращена была в приходскую церковь. См. „Материалы для истории церквей Нижегородской епархии“, вып. 2, М., 1913, стр. 73. В XVIII в. на ее месте возникла знаменитая старообрядческая часовня. См. „Отчет о современном состоянии раскола“ П. Мельникова, op. cit., стр. 167. Самый же монастырь на месте упомянутой у Московкина придорожной часовни возобновлен был в 1700 г.

[2] Хранится в Статист. бюро в Городце (в копии).

[3] Одна из слобод, составлявших Городец.

феодоровския [копия костромского] и от того столпа на все четыре стороны отмерено земли по 7 сажен для того чтобы старого кладбища тое земли им крестьяном впредь не пахать". Таков в конце XVII в. внешний вид места, где до 1408 г. был Городецкий Феодоровский монастырь,— наглядное свидетельство о какой-то „памяти", о каком-то предании... Челобитные городчан патр. Адриану и имп. Петру (1700 и 1701 гг.) о разрешении им возобновить монастырь, с особой настойчивостью, действительно, и указывают именно на эту часовню, „где прежде сего, в давние годы был монастырь" и где „ныне... бывает всенародное богомоление". Когда затем монастырь был отстроен, перенесение туда с соседнего пустыря иконы вызвало у городчан (наполовину тогда уж старообрядцев) долгие пререкания, что видно из особого указа из Петербурга (от 11 февраля 1729 г.), которым положено было начало отдельной от монастыря, старообрядческой Городецкой часовне.[1] Выстроенная на месте упомянутой Иониной пустыни Городецкая часовня слыла у старообрядцев преемницей древнего монастыря, который по их мнению „был не на том месте, где возобновлен в 1700 г., а там, где их часовня".[2] Не-старообрядцы отстаивали, разумеется, противоположное мнение. Это все и отозвалось, как видно, в рассказе городецкого старожила Московкина (не-старообрядца) об основании в 6672 (1164) г. древнего,— первого,— городецкого монастыря на месте придорожной часовни. В „Летописце о убиении" версии о часовне нет. Но чтобы с нею отожествиться, рассказ „Летописца" должен был пользоваться в Городце широкой известностью. Такое сотрудничество предания нового, устного с преданием, уже записанным, возможно лишь там, где оба они возникли и где самая запись предания древнего общеизвестна и популярна настолько, что легко применяется к событиям позднейшим. Это все и свидетельствует бесспорно о городецком происхождении „Летописца о убиении", отодвигая его, вместе с тем, на значительную дистанцию в прошлое от перечисленных городецких событий XVIII в.[3]

---

[1] Челобитные и указ — в анонимной „Истории Феодоровского Городецкого монастыря", СПб., 1913, стр. 70—72, 72—76, 78 (со ссылкой на монастырский архив).

[2] См. „Отчет о совр. состоянии раскола" П. И. Мельникова, op. cit., стр.168.

[3] На Городец указывает и рассказ о предателе князя Георгия (л. 45 об.). Устный его вариант, дополняющий краткое сообщение „Летописца" и назы-

Мы можем обратиться теперь к собственно литературным признакам нашего памятника.

Для этого отметим, прежде всего, один из его источников — печатные святцы, не старше московского изданья 1646 г.[1] Отсюда заимствован вступительный рассказ о св. Всеволоде-Гаврииле.

Святцы (экземпл. Публ. библиотеки III 6 № 6ª)	Летописец о убиении (лл. 34 об. — 36)
Тыи же князь всеволод бе сын великого князя мстислава, вноук же владимира монамаха. первие княжи в великом новеграде. таже от тоуду изгнан бысть новгородцы, и прииде в киев к дяде своемоу ярополку. он же вда емоу вышеград. и тоу молим бысть псковичи княжити оу них. и прииде к ним и пребысть лето едино и престави [ся] в лета 6646.	. . а великий князь всеволод сын бе князю мстиславу внук же равноапстльному владимиру киевскому и самодержцу русския земли . . святыи же князь всеволод, первие княжи в великом новграде. И тогда возропташа новгородцы нань, и реша, яко князь наш не крещен сый владеет нами крещенными. и изгнаша его вон. он же прииде в киев к дяде своему ярополку и сказа ему все за что изгнан бысть новгородцы он же слышав от него и вда ему вышград. и ту молим бысть псковичи княжити оу них и прииде к ним во град псков, иповремени восприя святое крещение и наречен бысть гавриил. и пре-

вающий предателя по имени — Гришкой Городней или Кутерьмой, записан был (Мелединым) как раз в Городце. См. „Москвитянин", 1843 г., № 12, стр. 507—511. Городецкого же, вероятно, происхождения Уваровский сборник, содержащий наш единственный список „Летописца о убиении". Первая в нем статья („История како и откуду начало прият Иргизская церьковь священство") должна быть поставлена в связь с полученным в 1803 г. городецкими часовенными старообрядцами разрешением „иметь священников из Иргиза". См. Н. С. Соколов „Раскол в Саратовском крае," Саратов, 1888 г., стр. 182.

[1] Это издание святцев принадлежит к разряду так наз. „святцев с летописью". См. архим. Сергий, „Полный месяцеслов Востока", т. I, М., 1875 г., стр. 300. — Они резко отличаются этим от предшествующего московского издания 1639 г.

быст в великом пощении и воздержании и пребыст лето едино в вечныи покой отиде в лето 6671 Февраля в 11 день.

Заимствованное из святцев историческое сказание о Всеволоде-Гаврииле распространено, как видим, легендарными подробностями о язычестве князя и о его крещении.[1] Откуда эти подробности взяты — решить пока трудно. Укажу, впрочем, на одно место в службе Всеволоду-Гавриилу: „аще бо корень свят, то и ветви, ты же от дивыя маслины оуклонился еси, востече на пажить закона живоноснаго . . .“ [2] „Дивая маслина“ тут только и может значить язычество. Следовательно, в агиографической литературе о Всеволоде-Гаврииле псковском (которая далеко не вся еще обследована) действительно надо предполагать такую редакцию его жития, где вопреки истории говорилось о языческом происхождении этого русского князя XII в. Псковские агиографы, как видно, смешивали Всеволода-Гавриила с другим псковским святым, князем Довмонтом-Тимофеем, к которому как-раз применимы слова: „от дивыя маслины уклонился еси“.[3] А поводов к смешению Довмонта с Всеволодом было достаточно, есть и несомненные признаки их смешения.[4]

[1] Но что эти подробности — именно вставка в текст, заимствованный из святцев, видно при более внимательном сопоставлении обоих текстов: среди отступлений от текста святцев встречаем, напр., в нашем памятнике дословное повторение той самой фразы из этих же святцев, которая в соответствующем ей месте изменена: „изгнан бысть новгородцы“. Та же зависимость видна и в других случаях, где текст нашего памятника отступает от указанного источника. „Мономах“ заменен „самодержцем“, и так как из текста святцев не видно, какой именно князь скрывается под этим названием, оно присвоено „равноапостольному Владимиру киевскому“; а вставка в конце отрывка: и „пребыст в великом пощении и воздержании“ наглядно уже изобличает обычный прием древнерусских интерполяторов, — повторение после вставки того самого слова, которое ей предшествует непосредственно, — в данном случае: „и пребысть“. — В „Книге глаголемой летописец“ (в основном списке) вступление из святцев отделено от дальнейшего словом „Аминь“. См. „Тексты“, I, л. 80 об.

[2] См. Служебную минею, месяц февраль, 11-го.

[3] Литовец язычник, князь Довмонт, действительно, принял крещение во Пскове, будучи уже взрослым, уклонившись от своего племени и его веры.

[4] В житии Всеволода, читающемся в Степенной книге (ч. I, стр. 198—199), говорится, напр.: „языцы же латынстии вси бояхуся имени его святаго и не смеяху приходити на град Пьсков“; а после смерти, псковичи оплакивают князя Всеволода „яко оборонителя и забрало граду Пьскову от поганых

Другое отклонение от святцев в заимствованном из них отрывке касается года смерти Всеволода: вместо 6646/1138, в нашем памятнике поставлен 6671/1163 г. Откуда взялась последняя дата, — увидим ниже. А пока обратим только внимание на судьбу в нашем памятнике даты из святцев; она бесследно в нем не исчезла, а лишь переместилась... в заглавие: „писано в лето 6646 [1138] сентября є̃ дн҃ь". Но такое механическое перемещение свидетельствует, как-будто, что заглавие памятника (до включения в него этой заимствованной из святцев даты), тому, кто оттуда заимствовал, принадлежать не могло. Не могло, следовательно, принадлежать ему и основное содержание памятника.[1] Следует еще обратить внимание, как часто и где присоединяется в нашем памятнике к имени Георгия Всеволодовича агиографический эпитет „святый". Вступительный отрывок из святцев с него прямо и начинает: „Бе сей святый благоверный князь георгий всеволодович" (л. 34 об.). В заглавии его однако же нет, как нет и далее, в самом „Летописце", в огромном большинстве случаев; там Георгий Всеволодович везде почти именуется, — как и в заглавии, — лишь „благоверным"; „святым" же назван только два раза, в одной и той же фразе, непосредственно примыкающей к вступительному отрывку из святцев (л. 36 об.). Оба эти упоминания эпитета „святый" тоже приходится поэтому приписать лицу, сделавшему в начале заимствование из святцев.

Обращение к помощи святцев вообще не редкость в древнерусской агиографии. В частности, княжеские жития с святцами совпадают сплошь и рядом. Примерами могут служить жития Владимира, Бориса и Глеба, Михаила черниговского и др.[2] Подобно им, из святцев делает заимствование и наш городецкий памятник. Этим достигалось приближение к определенному литературному шаблону, который и дает о себе знать

Немець". Но от немцев защищал Псков более чем сто лет спустя после смерти Всеволода Мстиславича как раз Довмонт. Всеволод же в первой половине XII в. не имел для этого даже поводов. Меч Довмонта, упоминаемый в летописном о нем сказании, тоже приписывался потом, в качестве псковской реликвии, Всеволоду. См. Карамзин, т. II, прим. 266.

[1] Впрочем, перемещению даты в заглавие предшествовала простая выноска ее на поля; перемещение же оттуда в заглавие могло произойти под пером не редактора, а переписчика. — Ср. Прил. II, л. 34 об. и Прил. I, л. 79.

[2] См. Н. И. Серебрянский, „Древне-русские княжеские жития", ЧИОИДР, 1915 г., кн. 3, „Тексты", стр. 21, 45, 71.

с первых же слов: „Бе сей святый благоверный князь георгии всеволодович сын святому великому князю всеволоду“ (л. 34 об.). Большинство княжеских житий начинается приблизительно также: житие князя Мстислава („Тъ благоверный князь мьстислав бе сын володимирь“), различные редакции жития Михаила черниговского („Сіи блаженыи великии князь михаило“ или: „святыи и славный мученик михаил бе сын великаго князя всеволода“), житие Феодора ярославского („Сей бысть благоверный и христолюбивый великый князь Феодор смоленьский и ярославьский, сын великаго князя ростислава“), житие Довмонта-Тимофея („Сеи блаженныи князь Домант сын бе великаго князя Мендовга“) и многие другие.[1]

Характерно затем, с точки зрения житийного жанра, следующее еще место нашего паматника: по построении двух градов Китежей и многочисленных храмов князь Георгий Всеволодович возвращается в Псков „и пребыст многи дни в молитве в посте же и во бдении и много милостыни разда нищим и вдовицам и сиротам и поживе лет о҃ и е҃“ (лл. 43 об. — 44). Это тоже не что иное, как обычный в житийном сказании переход от рассказа о подвигах к рассказу о кончине подвижника. Напр., в проложном житии княгини Ольги: „И посем по крещении поживе лет 12“; в житии Феодора ярославского: „И доживе глоубоки старости... и раздав многа имения священиком и мнихом и нищим“; в житии Тимофея-Довмонта: „в молитвах и посте пребываше блженныи..., и хлеб свои раздробляше алчющим, многу милостыню сотворя и тако живяше благотворя“.[2]

В нашем памятнике этот традиционный переход предваряет собой как раз „убиение“ князя Георгия. И принадлежит он, конечно, опять тому же, кто к началу памятника присоединил отрывок из святцев: ведь и там этот справщик (будем называть его агиографом) внес от себя совершенно аналогичную вставку, перед упоминанием о кончине Всеволода: „и пребысть в великом пощении“ (л. 36). А в рассматриваемом месте вставку агиографа выдает еще кроме того искусственная хронологическая выкладка в 75 лет: „и поживе лет о҃ и е҃ (л. 44). Столь неправдоподобное (после уж построения церквей и градов) долголе-

---

[1] См. Серебрянский, op. cit., „Тексты“, стр. 48, 52, 53, 90, 139.

[2] Ibid., стр. 11, 95, 96, 152; см. еще (в житии Владимира) стр. 16, 21, 26 и (в житии Константина Муромского), стр. 103.

тие Георгия Всеволодовича нужно было тому, кто в следующий за выкладкой рассказ о нашествии Батыя ввел дату 6747/1239 г.: разницу между этим 1239-м г. и 1164-м г., под которым рассказано выше о прибытии Георгия Всеволодовича в Малый Китеж) как раз и составляют 75 лет. Но дата Батыева нашествия, — 1239 год (вм. обычного в старших летописях 1237 или 1238) в наш памятник внесена несомненно тем же все агиографом, располагавшим святцами в редакции 1646 г.: она в этих святцах отыскивается как раз в рассказе об „убиении“ Георгия Всеволодовича: „В той же день оубиение святого благовернаго великаго князя георгия всеволодовича. Оубиен бысть от царя Батыя на реце сите в лета 6747“.[1]

Теми же, наконец, святцами подсказано, надо думать, заключительное в нашем памятнике упоминание о мощах Георгия Всеволодовича (л. 46): их упоминает и указанная статья святцев. Стилистически же заключительные эти слова: „взяша мощи . . . и погребоша честно“ (л. 46) находят себе в агиографической литературе тоже близкие соответствия, напр., в житийном сказании об убиении Андрея Боголюбского: „и положиша тело его честно“.[2] Приписку агиографа видим поэтому и в конце памятника (начиная со слов: „и выеха вон . . .“).[3]

Вывод из всех сделанных пока наблюдений над текстом самоочевиден: „Летописец о убиении“ дошел до нас не в первоначальном виде, а в позднейшей переработке, рассчитанной на то, чтобы придать ему характер агиографический. И пользование с этой целью святцами не старше 1646 г. весьма симптоматично: годом общецерковной канонизации Георгия Всеволодовича считается 1645 г.;[4] внесение же его „памяти“ в общерусские святцы приходится как раз на знакомое нам московское их издание следующего 1646 г.; предшествующее издание святцев 1639 г.

---

[1] Т. е. 1239; см. экземпляр Публ. библ., под 4 февраля.

[2] См. Серебрянский „Тексты“, 89.

[3] Его же припиской надо признать слова: „иде же преставися отец его благоверный князь Гавриил, псковский чудотворец“ (л. 39 об.), вставленные в перечень городов, в рассказе о поездке Георгия Всеволодовича.

[4] См. „Полный месяцеслов Востока“ архим. Сергия, т. I, М., 1875 г. стр. 195, 300. Служба составлена была впрочем раньше, „около 1630 года“; см. Н. Барсуков, „Источники русской агиографии“, СПб., 1882 г., стр. 122—124. Перенесение мощей патриархом Иосифом совершено было в 1651 г. См. „Церковно-историческое описание Владимирских достопамятностей“ Иосафа, Вл., 1857 г., стр. 77—79.

„убиения“ князя Георгия под 4 февраля еще не упоминает.[1] Наш „Летописец о убиении“ подвергся, значит, переработке при помощи святцев в редакции 1646 г., потому что в прежнем своем виде не удовлетворял уже больше тем требованиям, которые после канонизации Георгия Всеволодовича стали предъявляться к форме и тону посвященных ему литературных произведений. Самую же попытку летописец переделать в житие нельзя, вместе с тем, не поставить в связь с обычным в древней Руси спросом на житие новоявленного святого. Подобный спрос был несомненно и в том случае, о котором идет речь: житие князя Георгия составлено было во Владимире около 1651 г.[2] Оно не принадлежало, однако, к числу удачных. „Для составления церковной биографии бл. князя Юрия в XVII в. имелся обширный и довольно разнообразный материал, говорит Н. И. Серебрянский; известия древней (Лаврентьевской) летописи, светские сказания о татарском нашествии и в частности о благ. князе (плач Юрия Всеволодовича), местные церковные и народные предания, даже — как показывает.. чудовская редакция жития благ. кн. Михаила Черниговского — своеобразные народные рассказы... Ничего похожего на это мы не встречаем во владимирском житии Юрия. Ни внешней обстоятельности рассказа, ни, тем более, оригинальности в житии нет“.[3] Этим, должно быть, и объясняется, почему Владимирское житие не получило быстро сколько-нибудь широкого распространения: проложной его редакции не существует, оно не вошло ни в Милютинские Четьи-Минеи,[4] ни в Минеи Димитрия ростовского. В Выгорецкие „Четьи Минеи“ Андрея Денисова (составленные между 1713 и 1715 гг.) оно попало в переработанном виде.[5] Всем этим и объясняется предпринятая кем-то в Городце, после 1646 г., попытка написать другое житие того же

---

1 См. экземпл. Публ. библ., стр. 80.

2 Несколько его списков XVII—XVIII вв. отмечено: у Востокова („Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума“, СПб., 1842 г., № 364, стр. 525), у Н. Барсукова (op. cit., стр. 122—124) и Н. И. Серебрянского (op. cit., 149—151; „Тексты“, 182).

3 Op. cit., 149.

4 В них помещен (под 4 февраля) только „Плач“ из „Степенной Книги“. См. Барсуков, op. cit., 122—124.

5 Судя по сохранившемуся только началу. См. статью Е. В. Барсова „Четьи Минеи братьев Денисовых“, в „Сборнике статей в честь М. К. Любавского“, Пгр., 1917 г., стр. 663—708.

князя, с внесеньем для этого соответствующих дополнений из святцев в местный памятник с подходящим историческим содержанием. Памятник этот, — наш „Летописец о убиении" за вычетом рассмотренных агиографических добавлений, — во всяком случае существовал уже, значит, и ранее 1645 г.[1]

Итак, в этой своей не-житийной редакции (которой только и могло, собственно, принадлежать заглавие „Летописец о убиении благоверного князя георгия всеволодича") памятник наш начинался прямо, без генеалогического вступления, с поездки князя Георгия к князю Михаилу, от рассказа о построении Китежа переходил непосредственно к недатированному описанию нашествия Батыя,[2] заканчивался же словами: „и ѹби бл҃говернаго кн҃зѧ геѡргїѧ мсца февраля в҃д д҃нь" (л. 46). Также, — тою же датой, — заканчивается так наз. „Плач" Георгия Всеволодовича (в „Степенной"), знакомство с которым у составителя рассматриваемой редакции нашего памятника видно еще из упоминания о том, как, услышав о зверствах Батыя, Георгий Всеволодович плакал „горько" (л. 44 об.).[3] „Плач" этот в более ранних, чем „Степенная", списках не известен.[4] Рассматриваемая редакция „Летописца о убиении", не может, следовательно, быть старше 60-х гг. XVI столетия, когда „Степенная" была составлена.

1 Рукописные, так наз. „городецкие" святцы Ф. Ф. Ступинского (из собр. Забелина, № 594, см. Отчет ГИМ 1916—1925 гг., приложение II, стр. 10), переписанные, по словам составителя (в послесловии, л. 194 об.), „с Киевских печатных святцев с летописцы" (в Городце, в 1737—1744 гг.), тожественны в основной своей части как раз с московским изданием 1646 г., перепечаткой которого и надо, значит, признать то киевское издание, которым воспользовался Ступинский и которое могло быть только изданием 1680 г., Иннокентия Гизеля. — См. экземп. Публ. библиотеки в Ленинграде V. 6. 12, in 16°. Это киевское издание, действительно, является, как отмечено в предисловии, простой перепечаткой московского издания 1648 г., повторяющего, в свою очередь, издание 1646-го г... Ранее Ступинского принадлежавшим ему экземпляром святцев 1680 г. мог воспользоваться последний редактор „Летописца о убиении".

2 „и по совершении службы тоя поехав в путь в прежереченный свой град псков и бысть попущением божиим" и т. д. — Ср. лл. 43 об., 44.

3 Или, в некоторых списках „Книги", „плакаше горким плачем" (л. 88 об., вар.).

4 См. о нем М. Г. Халанский, „Материалы и заметки по истории др.-русского героического эпоса" в „Известиях отд. русского яз. и словесн. Акад. Наук", 1903 г., кн. 2, стр. 169—176; Н. Серебрянский. „Заметки и тексты из псковских памятников", М., 1910, стр. 71—72; и его же, „Др.-русские княжеские жития" ЧИОИДР, 1915 г., кн. 3, стр. 138; „Тексты", стр. 162—163.

Намеченные так хронологические пределы можно впрочем и сузить.

Двукратное упоминание в нашем памятнике богородичной федоровской иконы (лл. 41 об., 43—43 об.) само собой напрашивается на сопоставление с соответствующим костромским памятником, возникшим, как полагают, в первой трети XVII в. и имеющим четыре редакции.[1] В каждой из них (кроме позднейшей, проложной) перед рассказом о „явлении иконы на Костроме“ как раз и упоминается разоренный Батыем Городец „в нем же бе и сия чудотворная икона“, которая, как сказано дальше (в пространном „Слове“), „не восхоте быть на пусте месте“; едва ли не подразумевается при этом известный уж нам (по писцовой книге XVII в.) Городецкий пустырь (см. выше). Связь с городецким местным преданием видна в костромском памятнике (всех четырех редакций) и дальше: икону в Костроме опознают первыми заехавшие туда „люди из Городца“, заявившие собравшемуся народу, что икона эта прежде „на Городце была и много от нея преславная чудеса содеяшася“. Составителю костромской повести известны были, значит, кроме костромских и какие-то еще городецкие чудеса федоровской иконы, в чем нельзя не видеть прямого уже намека на наш памятник с его рассказом о построении городецкого монастыря по чудесному указанию федоровской иконы (л. 41 об.). Если теперь, наоборот, в городецком памятнике поискать следов знакомства с памятником костромским, в XVII в. довольно, кстати

[1] Краткую (из четьих-миней Иоанна Милютина), более распространенную (из костромского синодика), пространную (под заглавием „Слово о чудеси и явлении“) и проложную. См. П. Островский „Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора“, М., 1855 г. Две первых редакции известны в печати только по извлечениям в названной книге, стр. VII—XIII; пространное „Слово“ издано И. Баженовым в „Вестн. археол. и истории“, вып. XIX, 1909 г., стр. 187—260; проложная редакция — в примечаниях к III тому „Истории русской церкви“ митроп. Макария. О взаимоотношении редакций, кроме Островского, писал еще А. П. Голубцов. Отказавшись, после возражений А. И. Соболевского, от высказанного им сперва мнения о старшинстве минейной редакции, Голубцов, из четырех дошедших до нас редакций, старшей считал потом пространную редакцию „Слова“, — см. его доклад (с возражениями Соболевского) на съезде в Костроме, „Известия IV областного историко-археологического съезда“, К., 1909 г., № 7, стр. 7—8, а также в его „Сборнике статей“ (Серг. посад., 1911 г.) статью: „Автор древней повести о федоровской иконе“, и, наконец, отзыв о сочинении студента Лебедева в „Журналах собраний совета Московской духовной академии за 1911 год“, 1912 г., стр. 252—259.

сказать, популярным, то их не обнаружится вовсе, хоть и был прямой повод в рассказе, напр., о взятии Батыем Городца (Китежа Малого) упомянуть о судьбе иконы в согласии с костромской повестью, — повод, использованный, как увидим, позднейшими переделками основной части городецкого „Летописца". Из сказанного следует, что городецкий „Летописец о убиении" старше костромской повести и возник, следовательно, никак не позже первой половины 1630-х гг.[1]

Terminus post quem тоже поддается, кажется, уточнению. В рассказе о приходе на Русь Батыя есть несколько несомненных рифм (л. 44):

людей мечю предаваше
а младых детей ножем закалаше,
младых же дев блудом оскверняше

Рифмы эти близко напоминают рифмы в „Ином сказаньи" (1606 г.), в повести Катырева-Ростовского[2] или в несколько более ранней „Повести о честном житии царя Феодора Ивановича". Так как последний памятник, самый старший из известных пока памятников с рифмами,[3] возник около 1603 г., то нет оснований и наш „Летописец о убиении" считать старше этого года.

Этот-то городецкий „Летописец" первой трети XVII столетия собственно и содержит ту третью версию светлоярской легенды (за вычетом позднейшего мотива о „сокровенном граде"), которую мы выше признали, для нынешнего Светлояра, версией

[1] Время возникновения первооригинала всех четырех редакций костромского памятника более точно определяется, во-первых, из вступления (одинакового во всех четырех редакциях), где упомянуто о „разорении литовских и польских людей" и, во-вторых, из того места в пространном „Слове", где назван год обновления иконы (1636) с прямым указанием на близость события автору („Такожде и ныне в сие последнее время в лета 7144, месяца апреля, в 20 день"); все дальнейшее (заканчивающееся 1646 г.) можно поэтому счесть позднейшей припиской, датой же составления основной части „Слова" надо, кажется, признать 1636 г.

[2] См. о них в статье Н. Попова „К вопросу о первоначальном появлении вирш в севернорусской письменности" в „Известиях отд. р. яз. и сл. Акад. Наук", т. XXII, 1918 г., стр, 259—275, а также в статье Н. Гудзия „Заметки о повести кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского" в „Сборнике статей в честь акад. А. И. Соболевского", Лгр., 1928, стр. 306—309.

[3] В. П. Адрианова. „Из начального периода стихосложения", „Известия отд. р. яз. и сл. Росс. Акад. Наук", 1921 г., т. XXVI, стр. 271—276.

по преимуществу книжной и на которой теперь следует, наконец, остановиться подробнее.

Путаница в передаваемых ею событиях исторических, неуловимость поводов к вымыслу событий легендарных — отмечались уже не раз.[1]

Но что Георгий Всеволодович нашего памятника с историческим Георгием Всеволодовичем, убитым в 1237 г. при реке Сити, не тождествен — ясно само собой; ясно и то, что легендарный наш князь Георгий — лицо собирательное, совокупившее в себе черты нескольких, живших в разное время лиц. Весь вопрос только в том — каких именно? И чем обусловлен их синтез? Ответ предуказывается местом и временем возникновения памятника; лица эти, — князья, — только и могли быть князья городецкие (или причастные Городцу), синтез же мог быть подсказан какими-то тоже местными культурно-историческими переживаниями, не забытыми там к тому времени, когда памятник был составлен.

С этой точки зрения и следует с особым вниманием отнестись к одному, на первый взгляд наиболее неправдоподобному признаку князя Георгия в нашем „Летописце о убиении“. Он назван в нем князем псковским: „Из нова же града поехав в град Псков свой“ (л. 39 об.); и вторично: „по совершении службы тоя поехав в путь в прежереченный свой град Псков“ (л. 43 об.). Этот то „выезд“ из Пскова и послужил, конечно, поводом агиографу, подбиравшему по святцам генеалогическое вступление, остановить свой выбор родоначальника именно на Всеволоде псковском. Могла, впрочем, быть в Городце в XVII в. и изустно передаваемая память о Пскове.

Дело в том, что Псков, действительно, играл немаловажную роль в судьбе нескольких поколений городецких князей XV в.

Разорение Городца при Эдигее, к которому приурочена выше вторая версия светлоярской легенды, было лишь наиболее драматическим эпизодом в довольно длительном процессе упадка вообще всего Суздальско-Нижегородского княжества, к которому Городец, на правах второго по старшинству удела (третьим был древний Суздаль), принадлежал с самого образования этого княжества (в середине XIV столетия) и до самого

[1] Мельниковым-Печерским в „Отчете“ 1854 г., см. Сборник Нижегор. архивн. ком. в память П. И. Мельникова, 1910 г., стр. 108; А. С. Гациским, см. „Нижегор. Летописец“, Н.-Новгород, 1886, стр. 9 (прим.) и др.

захвата его Москвой.[1] Последним независимым от Москвы городецким „отчичем" был старший внук Константина (родоначальника всей этой ветви севернорусских князей), Василий Димитриевич Кирдяпа, в Городце и умерший в 1403 г.[2] Но уже брат его, Семен Дмитриевич, ни Городца, ни Суздаля, ни тем более Нижнего так и не видел; но, добиваясь, по словам летописи, „своея отчины", 8 лет служил в орде „не почивая", „и много труда претерпе", „своего пристанища не зная и не обретая покоя ногама своима, и не успе ничтоже".[3] Эти, не лишенные сочувствия слова Новгородской летописи применимы были бы и к сыновьям или внукам Кирдяпы, чью участь летописец тоже не раз метко называет их „невереченем". Прежде чем снизиться до простых по городам наместников „из руки" московского князя, потомство Кирдяпы и его брата Семена тоже сперва испробовало все возможные тогда способы политической борьбы: и покровительство орды, и смуту (при Шемяке) и, наконец, отъезд на княжение „по старине и пошлине" в Новгород или Псков.

Что касается, в частности, Пскова, то простой подсчет соответствующих летописных данных приводит к заключению, что в поисках желанной независимости отъезжали туда на княжение, чуть не на протяжении всего XV столетия, из потомков последнего самостоятельного городецкого „отчича": внуки (двое), внучатые племянники (двое) и правнуки (двое).[4]

Но отъезжая во Псков или Новгород, оттуда же и возвращались они при случае обратно, в Городец или Нижний, потому

[1] См. А. Е. Пресняков, „Образование Великорусского Государства", „Летоп. занятий Археогр. Ком.", вып. 30, стр. 259—282.

[2] См. А. В. Экземплярский, „Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период", Спб., 1891 г., т. II, стр. 426 — В Воскр. (П. с. р. л., т. VII, стр. 76) и Типографск. (П. с. р. л., т. XXIV, стр. 169) он так прямо и назван: „Василей Дмитреевич Городецкый".

[3] См. П. с. р. л., т. IV, стр. 108.

[4] См. П. с. р. л., т. IV, 123, 210, 213, 216, 231, 235, 240, 241, 255, 257, 268; V, 28—29, 31, 37. См. Экземплярский, op., cit., т. I, стр. 416; т. II, стр. 438—439. Ср. также в „Истории княжества псковского" [Евгения Болховитинова], ч. II, в перечне „Псковских владетельных князей": №№ 29, 32, 37, 39, 41, 43, 45. „Почти все псковские князья XIV столетья", говорит Никитский, „были не чем иным, как беглецами, гонимыми на родине и искавшими в своем «безвременьи» приюта где-либо на чужбине". См. А. Никитский, „Очерк внутренней истории Пскова", СПб., 1873, стр. 180. Та же характеристика приложима к псковским князьям суздальской ветви и в XV также веке.

что отнюдь не теряли из виду своих исконных вотчинных притязаний.

Потеряв Городец, сыновья и внуки Кирдяпы, сидя ли до поры до времени смирно в выделенной им Шуе (откуда—Шуйские), скитаясь ли в орде или служа Новгороду и Пскову, пользовались любым поводом, чтоб отнятое Москвой вернуть. И более упорных чем они врагов Москва в XV в. не знала. Недаром в известном „Сказании о псковском взятии" (из Псковской летописи) во вступительном перечне жертв московского „злого лукавства" рядом с Новгородом, и даже до него, упомянут как раз брат Кирдяпы Семен, родоначальник двух вышеназванных князей псковских: „Первое суздальского князя Симеона покори себе, потом Новгород".[1] Причастность городецких „отчичей" к борьбе за независимость северных народоправств, как видим, во Пскове не забывалась. Естественно было помнить о ней и в самом Городце, раз и там борьба с Москвой длилась долго. Правда, перипетии ее, в виду скудости и сбивчивости наших источников, едва теперь уловимы. Но хронологические ей вехи находим все же в княжеских договорах: 1405 г. Василия Димитриевича московского с Владимиром Андреевичем (С. г. г. и д., т. I, № 38); 1446 г. двух внуков Кирдяпы (Василия и Федора Юрьевичей) с Димитрием Шемякой (ibid., № 62); и 1451 г. Ивана Васильевича Горбатого, внучатого племянника Кирдяпы (внука Семена), с Василием Васильевичем Темным (ibid., № 80 и 81). По первому из них отнятый у потомства Кирдяпы Городец отходил в удел Серпуховской ветви дома Калиты; по второму потомство Кирдяпы (внуки), воспользовавшись усобицей и временным преобладанием Шемяки, восстанавливалось во всех своих вотчинных правах на суздальско-нижегородское княжество; и, наконец, по третьей грамоте, составленной после уже того, как окончательно утвердился в Москве Василий Васильевич Темный, Городец передавался в удел, — тоже „отчичу", правда, — но уж на новых, не вотчинных, а служилых скорей основаниях. И не случайно: этому последнему договору предшествовало многознаменательное для той эпохи событие; в 1450 г., зимой, т. е. вскоре, должно быть, после окончательного взятия Галича московским великим князем, на Москву привезен был „колокол

---

[1] См. „Хрестоматию" Буслаева (под ред. Соболевского), стр. 217.

велик с Городка с Низу", — сказано в Софийской первой.[1] Как видно, Городку договор его князей с Димитрием Шемякой не прошел даром. Что увоз колокола в данном случае был той же самой репрессивной мерой, которая позже применена была московскими князьями и к Новгороду и к Пскову, — видно из непосредственно следующего затем в летописи рассказа о чудесной каре, постигшей как бы в отместку, тот самый Архангельский собор на Москве, куда, должно быть, взят был из Городца колокол. Деятельное участие не только городецких князей, но и самого Городца в борьбе с Москвой не подлежит, таким образом, никакому сомнению. А неудачный исход борьбы объясняет собой местное городецкое поверье о светящихся по ночам на горе Оползне забытых княжеских могилах, „которые сами собой откроются перед концом мира",[2] — мотив, часто встречающийся как раз в тех средневековых легендах, которые отражают длительную и напряженную социально-политическую борьбу с неудачным исходом, каковы, напр., легенды о Фридрихе Барбароссе.[3]

Но опять-таки городецкие эти события первой половины XV века тесно соприкасались с событиями псковскими через действовавших там и тут одних и тех же или близких по родству лиц. Так, Василий и Федор Юрьевичи (внуки Кирдяпы), заключивши договор с Шемякой, в силу которого должны были хоть ненадолго вернуться в отданную им обратно их „дедину", могли это сделать только явившись туда, подобно легендарному Георгию Всеволодовичу, из пределов Пскова, так как за год перед заключением договора (в 1445 г.) одного из них (Василия Юрьевича) мы застаем Новгородским воеводою в Яме,[4] куда он, как предполагают, бежал из Шуи вместе с братом Федором.[5] Самое же возвращение оттуда которого-нибудь из них двух в Городец между 1446 и 1450 гг. могло прямо дать потом повод легенде о приезде городецкого князя из Пскова.

---

1 См. П. с. р. л., т. V, стр. 270.

2 См. П. С. Усов, „Среди скитниц", Истор. Вестн., 1887 г., т. XXVII, стр. 588. См. еще „Отчет" Мельникова в „Сборнике в память П. И. Мельникова", стр. 169.

3 См. А. Н. Веселовский, „Опыты по истории развития христианской легенды", ЖМНП, 1875 г., кн. 3, стр. 284—285; кн. 5, стр. 119—120.

4 См. П. с. р. л., т. IV, стр. 123.

5 См. Экземплярский, op. cit., т. II, стр. 438—439.

Впрочем, аналогичные поводы были и позже, как, вероятно, были и раньше.

Ту же связь с Псковом можно, напр., усмотреть и в третьем из перечисленных выше договоров; в нем прямо назван тот самый князь Василий Васильевич Гребенка, который за три года до заключения этого договора (в 1448 г.) приехал княжить во Псков, приходясь договорившемуся с московским князем о Городце Ивану Васильевичу Горбатому родным братом. „А добьют, господине, челом тобе великому князю“, писал тот в этом договоре 1451 г., „моя братья князь Александр и князь Василей (псковский); и тобе, господине, великому князю жаловати их их вотчиною“.[1] Связи с Псковом, с одной стороны, и с Городцом, — с другой, потомки Ивана Горбатого сохраняют и позже. Сохраняют их и князья Шуйские. Связи эти со временем стали традиционными, если судить по аналогичным связям потомков суздальских „отчичей“ с Новгородом: „А мы ныне даем тебе ведомо“, писали из Москвы в 1556 г. (т. е. в пору господства боярской рады) шведскому королю Густаву Адольфу, „на нашей отчине, на великом Новегороде сидят ... извечных прироженных великих государей дети и внучата, великих княжеств Тферского и Резанского и Суздальского и иных великих государствъ прироженцы и внучата, а не простые люди“.[2] Если приезд в Городец из Пскова легендарного Георгия Всеволодовича находит себе, таким образом, ряд прямых аналогий в истории междукняжеских отношений потомков Василия Кирдяпы и брата его Семена (князей Шуйских и Горбатых), то отсюда же, с другой стороны, объясняется и легендарная поездка городецкого князя на Светлояр.

Псков—Городец—Светлояр, — неправдоподобное это с первого взгляда и ничем не мотивированное, казалось бы, направление богатырской „поездочки“ Георгия Всеволодовича, в части, касающейся Светлояра, объясняется опять из удельных отношений все той же группы князей, — на этот раз с Вяткой.

---

[1] См. С. г. г. и д., т. I, стр. 186. О Василии Гребенке см. Экземплярский, op. cit., II, стр. 440—441.

[2] См. Н. П. Лихачев „Государев Родословец и род Адашевых“, СПб., 1897 г., стр. 7 (прим.). Исключительным было и положение Ивана Петровича Шуйского во Пскове, в 80-х гг. XVI в. См. С. М. Соловьев, „История России“, т. II, стр. 543.

Брат Кирдяпы, Семен, помирившись перед смертью с московским князем, взял от него в удел Вятку, куда, по словам летописи, „иде с Москвы“. Путь туда со стороны Волги проложен был вверх по Ветлуге, водой или берегом, в 70-х еще годах XIV столетия. С отъездом туда князя Семена Вятка и оказалась втянутой в орбиту вотчинных домогательств суздальско-нижегородских князей. Так, говоря о своей „прадедине, дедине и отчине“, двое из них в известном уже нам договоре 1446 г. на ряду с Нижним, Суздалем и Городцом упоминают также и Вятку. Значит, к этому времени сношения с ней между прочим и Городца не только должны уже были существовать, но и достигли уж, очевидно, известного оживления. Да иначе и не могло быть просто уж потому, что не только Вятка, но, как выяснилось, и Городец, одинаково играли не последнюю роль в московской смуте 30-х и 40-х гг. XV столетия. А как раз в это-то время доступ русским к устьям Ветлуги стал труден из-за продвижения туда казанских татар.[1] Вместо старого пути естественно было поэтому искать другого, кратчайшего и более безопасного, не через далекое от Городца устье Ветлуги и не через Унжу, а прямиком через Заузолье и Керженец,[2] к ветлужским верховьям, где Светлояр.

Путь из Городца к Светлояру обозначен в нашем памятнике с непонятной на первый взгляд тщательностью. Но надо знать, что соответствует этому точно намеченному маршруту в местных устных преданиях. „Батыева тропа“, ведущая в Больший Китеж (т. е. на Светлояр) — это вымысел только наполовину; в Нижегородском Заволжье так называют какую-то давно брошенную, но все еще приметную местами лесную дорогу. По словам Мельникова, „в лесах Семеновского уезда около дер. Олонихи (Семеновского у.) есть довольно широкая, запустелая дорога, которую народ зовет „Батыевой тропой“; раскольники говорят, что здесь шли татары на Китеж“.[3] Но замеча-

---

[1] Из жития Макария унженского, напр., известно, что в 1439 г. Улу-Махмет не только разорил выстроенный, было, повыше устья Ветлуги монастырь, но и впредь запретил русским здесь селиться. См. „Русские святые“ Филарета Черниговского, месяц июль, стр. 149—150.

[2] Как раз в это время и выступающий впервые в княжеских договорах. См. С. г. г. и д. т., I, стр. 81.

[3] См. „Отчет о современном состоянии раскола П. И. Мельникова 1854-го года“, op. cit., стр. 191.

тельно, что другой нижегородский краевед, Гациский, продолжение этой „батыевой тропы", ведущей на Светлояр, отыскал... в Вятской губернии. „Всякий курган" говорит он, приурочивается в нижегородском Поволжье к эпохе казанского похода... даже там, где Грозный никогда и не был, напр., в самых дальных углах нижегородского Заволжья, в пределах так называемой Батыевой тропы". И тут же затем прибавляет: „А. Ф. Спицын, говоря в брошюре своей... о «ратной тропе» в смежном с Семеновским Яранском уезде (Вятск. губ.), говорит, вероятно, о продолжении Батыевой".[1] Обращаясь к названной брошюре вятского археолога, вот что находим в ней о „ратной тропе": „Эта дорога шла из села Воздвиженского соседней Нижегородской губернии историческими, частью сохранившимися до сих пор черемисскими лесами. Проходила она через речки Пиштань, Юронгу, Елоху, Кильчу, Шклею, мимо деревни Килимар Юкшинской волости, где сохранились наиболее ясные следы ее, далее шла она через починок Зверев, Поломку и село Кувшинское на Царевосанчурск, откуда через Царевококшайск доходила до Казани. Около Килимар дорога пересекалась проселком, ведущим в село Воскресенское (тоже Нижегородской губернии), по которому ныне ездят в лес, а зимою иногда и в соседнюю губернию. Дороги эти здесь пересекаются только тропинками, проложенными охотниками и собирателями ягод. «Ратная тропа» шла не прямою линиею, а с поворотами; на местах этих-то поворотов и видны доныне в некоторых местах борозды глубиною до пол-аршина, но вообще следы тропы почти уничтожились, особенно в восточной ее части, где остатки дороги давно распаханы, да и место там низкое и болотистое. По рассказам стариков, на речках, по которым шла дорога, можно было видеть огромные колоды с многочисленными следами подков... По общему преданию, по ратной тропе проходил в Казань царь Иван Васильевич..."[2] Как следует отнестись к указанному преданию, — разъяснено выше словами Гациского, который безусловно прав и в том, что вятскую эту „ратную" тропу соединяет с нижегородской „батыевой": упоминаемые Спицыным в качестве западной границы „ратной" тропы села Воздвиженское

---

[1] См. „Нижегородский сборник", т. X., Н.-Новгород, 1890 г., стр. 11, прим.

[2] См. А. Спицын, „Новые сведения по доисторической археологии Вятского края", Вятка, 1887 г., стр. 42—43.

и Воскресенское — одно на левом берегу Ветлуги, другое на правом, последнее — в 17 верстах от Светлояра, т. е. „ратная тропа“ западным своим концом вплотную почти подходит к конечному на северовостоке пункту „батыевой“, отделяясь от него только течением р. Ветлуги. Менее ясен другой вопрос: где „ратная тропа“ оканчивалась в направлении к Вятке, — в Царевосанчурске ли только, поворачивая затем на юговосток, к Царевококшайску и Казани, как выходит по описанию Спицына, или продолжалась в северовосточном направлении и дальше, до самой реки Вятки, откуда в г. Вятку (Хлынов) можно было итти уже водным путем. Оговорка Спицына, что как раз в восточной своей части „ратная тропа почти уничтожилась“ и „давно распахана“, делает второе предположение вполне вероятным; а извилистость и малодоступность тропы как нельзя лучше подходит под то определение древних путей на Вятку вообще, которое находим в известной „Повести о стране Вятской“: „Облежими вятчане со всех стран лесами многими и блаты, и проходы к себе нужны имуще“.[1] Да, наконец, „какая-то «ратная» тропа есть по слухам“ также и в б. Вятском уезде.[2] „Батыева“ (она же „ратная“) тропа действительно, значит, и есть тот прямой древний путь из Городца в Вятку, который надо предполагать на основании княжеского договора 1446 г., а легендарная поездка Георгия Всеволодовича — народная поэтизация тех усилий, с которыми сопряжено было его освоение. Прямое подтверждение этого дает еще топонимика окрестностей самой Вятки.

Из вятских старинных актов известно несколько таких названий, которые, по словам издателя Вятской летописи, прямо „напоминают о суздальско-нижегородских князьях“ конца XIV и начала XV вв.[3] В самом деле, наряду с нижегородскими названиями рек: „Курмыж“, „Пьяна“ и др., находим там примечательные два названия местностей: „Кирдяпино первое“ и „Кирдяпино второе“.[4] Связь их с прозвищем последнего

---

1 См. „Труды Вятской Уч. Архивной Ком.“, вып. III, В., 1905 г., отд. II, стр. 36—37.

2 Спицын, op. cit. стр. 42.

3 См. op. cit., стр. 77—78.

4 „Кирдяпино первое и Кирдяпино второе, недалеко от г. Вятки, по направлению к с. Кстинину, в Березовском стане, показано в Дозорной книге 1615 г. и Писцовой 1628 г.“, op. cit., стр. 78.

независимого от Москвы городецкого „отчича“ сомнению не подлежит; устраняется ими и всякое сомнение относительно того, когда возникла и куда вела из Городца „батыева“ (она же „ратная“) тропа. Вела она, конечно, на Вятку. Вопрос лишь в том, сам ли Кирдяпа или кто-нибудь из его родичей (а тогда — кто же именно) оставил там по себе эту память.

Что касается самого Кирдяпы, то ни одно из летописных о нем известий, которых не так уж мало, ни о какой его причастности Вятке не говорит ни слова, ни прямо, ни косвенно. Первым из суздальских князей попадает туда только младший брат Кирдяпы, Семен, но и ему нельзя приписать вятских названий „Кирдяпино“, потому что ниоткуда не видно, чтобы прозвище „Кирдяпа“ распространялось и на него.[1] Переходя к судьбе прозвища в потомстве Кирдяпы, видим (из летописей и родословных), что в третьем поколении, у внуков Кирдяпы, оно уж утратилось. Напротив, оно почти всегда сопутствует, — если не в летописях, то в родословных, — именам сыновей Кирдяпы: „А у князя Ивана у Кирдяпина сына сын... А у князя Юрья князь Васильева сына Кирдяпина дети“ и т. д.[2]

Будучи таким образом ограничено в своем применении, кроме непричастного Вятке самого Кирдяпы, одним поколением его сыновей, прозвище это только от них, значит, и могло перейти в местные названия Вятского края.

Кто же из сыновей Кирдяпы мог его туда занести или, точнее, кто из них мог достаточно для этого прочно „осесть“ на Вятке? Из четырех сыновей Кирдяпы, летописи, и то изредка, упоминают двоих: старшего Ивана и Даниила. Но ни тот ни другой к Вятке отношения иметь не мог в виду примирения с Москвой первого и преждевременной смерти второго.[3]

Из четырех Кирдяпиных остаются Юрий и Федор. В противоположность двум первым, летописи этих двоих не знают совсем. Родословные же лишь кратко упоминают.[4] Молчание

---

[1] Хоть и утверждает это Н. Храмцовский в своем „Кратком очерке истории Нижнего Новгорода“, 1859 г., ч. I, стр. 29, 30, 35.

[2] См. Временник МОИДР, кн. 10 (1851 г.), стр. 226; а также стр. 44. См. также Книгу родословную, рукоп. XVII в., Публ. библ. в Ленинграде, № 1521, л. 17 об.

[3] См. П. с. р. л., т. VI, стр. 140, 141; т. VIII, стр. 85; т. XV, стр. 485—486.

[4] „А у князя Василья у Кирдяпы 4 сына: князь Иван, да князь Юрьи, да князь Данило бездетен; да князь Федор бездетен“. См. Временник МОИДР, кн. 10, стр. 44. Иначе указано старшинство сыновей Кирдяпы в родословной

летописей если и объяснимо, допустим, само собой по отношению к бездетному Федору, то необъяснимо уж вовсе по отношению к Юрию, прямому родоначальнику князей Шуйских, умолчание о котором с первого же взгляда кажется скорей умышленным, нежели беспричинным. Как бы то ни было, но и помимо летописей, мы располагаем данными, чтобы утверждать, что этот-то Юрий — единственный, кстати сказать, носитель имени Юрия в роду городецких „отчичей" XV столетия — и был как раз связан с Вяткой. Данные эти почерпаем из известного уже нам договора его сыновей с Димитрием Шемякой.[1]

Термины родового права в подобных договорах вообще весьма точны, и в данном случае, если Юрьевичи говорят, напр., о своей „прадедине", так это потому, что тут же рядом упомянут Нижний, в котором из их родни по восходящей линии княжил, в самом деле, как раз только прадед; понятно и упоминание „дедины" рядом с Суздалем и Городцом, уделами их деда, Кирдяпы. Но вот, кроме „прадедины" и „дедины", упомянута тут и „отчина", а в перечне городов, как известно, — Вятка; так как ни „дединой" ни, тем более, „прадединой" Вятка этим Юрьевичам быть не могла, то, следовательно, упомянута она в их договоре в качестве „отчины", т. е. удела отца их Юрия. Это хоть и косвенное, но бесспорное указание, что неизвестный по летописям Юрий Кирдяпин сидел на Вятке, за его счет и принуждает отнести вятские названия „Кирдяпино".[2]

Юрий Кирдяпин имеет теперь все права на особое с нашей стороны внимание. Попробуем прежде всего установить несколько касающихся его дат. Так как дети Юрия в договоре 1446 г. выступают полноправными „отчичами", Юрий, очевидно, изгоем не был, т. е. умер не раньше своего отца и в год смерти Кирдяпы (в 1404 г.) был, следовательно, еще жив. Есть затем одно косвенное свидетельство о том, что был он еще в живых

из Типографской летописи: „И у князя у Василия у Кирдяпы были четыре сыны: большой князь Иван Васильевичь, да брат его Данило, а третий князь Федор, а четвертый князь Юрьи". См. П. с. р. л., т. XXIV, стр. 229.

[1] К вопросу о времени заключения этого договора см. Пресняков, op. cit., стр. 400—401, прим. 4.

[2] Получившиеся, следовательно, не от „Кирдяпа", а от „Кирдяпин"; другой неизвестный летописям сын Кирдяпы, Федор, мог такое же свое прозвище передать „Кирдяпину второму".

и после 1418 г. Около этого времени его сын, Федор Юрьевич, расписался на дарственной грамоте Александра Брюхатого, двоюродного своего брата по старшей линии, назвав при этом его не отцом, как надо было бы, не будь к тому времени Юрий в живых, а только „своим братом“ и „государем“.[1] Но, с другой стороны, заключение с Шемякой договора на Суздальско-Нижегородское княжество сыновьями Юрия, а не им самим, свидетельствует бесспорно, что к тому времени, когда договор был заключен, Юрия в живых уже не было. Юрий Кирдяпин умер, следовательно, между 1418 и 1446 гг. Он, как мы знаем, сидел на Вятке. В какие же годы? Из княжеских договоров, упоминающих Вятку, известно, что после смерти Семена, брата Кирдяпы, она отдана была Василием Дмитриевичем московским Юрию галицкому, за которым утвердил ее (договором 1428 г.) также и Василий Темный. Но перейдя по завещанию Юрия галицкого в 1434 г. к его детям, Вятка в том же году была ими утрачена; подтвердил свой отказ от нее Шемяка и договором 1436 г.; только по договору 1440 г. Вятка снова возвращена была Шемяке и его братьям „по отца вашего“, гласит договор, „последнему докончанью“.[2] Шесть лет, следовательно, — с 1434 по 1440, — Вятка Шемяке и его братьям не принадлежала. За эти-то шесть лет только и могли, значит, сложиться там обстоятельства так, что потом, договариваясь с Шемякой, суздальские Юрьевичи вправе были назвать Вятку своею „отчиной“. Вывод отсюда тот, что отец их, Юрий Кирдяпин, мог сидеть в Вятке скорей всего с 1434 по 1440 гг. Последний год можно принять за год его смерти. Но каковы могли быть тогда его отношения к прямой его „отчине“, к Городцу?

О судьбе Городца в период от смерти Кирдяпы до возвращения туда Юрьевичей (в 1446 г.) можно судить тоже по упоминаниям о нем в сохранившихся от того времени княжеских договорах и духовных. Став московским уделом, Городец в руках новых его князей не держался крепко. Так, уже договор 1405 г., закрепляющий Городец за Владимиром Андреевичем серпуховским с потомством, имеет одну характерную

---

[1] См. „Акты исторические“, I, стр. 51—52. Наше соображение не теряет силы и в том случае, если упоминаемого тут князя Александра признать сыном не Ивана Васильевича Кирдяпина, а Ивана Борисовича нижегородского.

[2] С. г. г. и д., т. I, стр. 87, 106, 109, 120, 132.

оговорку: „А какими делы отымется от брата моего князя Володимера или от его детей Городец... и мне имъ дати въ Городця местно Тошну, а искати ны Городця... съ одиного"...[1] Ту же оговорку находим и в завещании Владимира Андреевича, по которому Городец в 1410 г. перешел к младшим его сыновьям, Семену и Ярославу: „а отъиметься Городець от детей от моих, и на то место сыну князю Семену, князю Ярославу Тошня на полы".[2] Эта-то вот Тошна, — заранее выговоренная Владимиром Андреевичем у московского великого князя на случай потери Городца компенсация, — и позволяет установить, что̀ сталось с Городцом дальше. Во второй и третьей духовных московского великого князя Василия Димитриевича, 1423—1424 гг. читаем: „а Тошну оже выменит сын мой князь Василей у княжих детей у Володимеровых".[3] Тошна между 1410 и 1423 гг., в самом деле перешла, значит, к сыновьям князя Владимира; условие, при котором могло это случится, — известно. Вывод отсюда тот, что в указанный промежуток времени (1410—1423 гг.) Городец от потомства Владимира серпуховского, как и предвидели это, в самом деле „отнялся". Подтверждается еще это тем, что позже о Городце договоры московских князей с серпуховскими или молчат[4] или, если упоминают, то говорится уж прямо: „яз князь великий не додал тобе своему брату твоее дедины, удела деда твоего княжа Володимерова Андревича..., Городца с волостми".[5] После 1410 г. и в 1423—1424 гг. и в 1430-х гг. Городец оставался, следовательно, с московской точки зрения уделом „недоданным". В чьи он мог тогда перейти руки? О Городце летописные известия за те годы молчат. О Нижнем же, стольном городе одного с ним княжества, из летописей известно, что после победы над Петром Дмитриевичем московским нижегородских Борисовичей при Лыскове (в 1412 г.) Нижний несколько раз еще переходил из одних рук в другие, то возвращаясь под власть Москвы, то снова переходя к его старым отчичам. Ту же картину тогда собою представлял, вероятно, и Городец. И так как из прямых его „отчичей", из четырех сыновей Кирдяпы, после смерти Даниила в 1412 г.,

[1] С. г. г. и д., т. I, стр. 70.
[2] Ibid., стр. 78.
[3] Ibid., стр. 81, 84.
[4] С. г. г. и д., т. I, договор № 45, около 1433 г.
[5] Ibid., стр. 157, 178, договор № 71, около 1448 г.

и Ивана в 1417 г., в живых мог быть, кроме бездетного Федора, только Юрий, то ему-то и следует приписать в 20—30-х гг. XV столетия борьбу с Москвой из-за Городца. Городец Москва признавала тогда, согласно указанным выше договорам, за Василием Ярославичем серпуховским. С ним-то и боролся, должно быть, Юрий. Согласно свидетельству издателя вятской летописи (основанному, очевидно, на каких-нибудь местных данных), те из суздальских князей XV в., которые передали свое прозвище окрестностям Вятки, укрывались там с своими приверженцами „от московских сысков“.[1] Пребывание на Вятке Юрия можно, значит, поставить в прямую связь с его предполагаемой борьбой против Василия Ярославича из-за Городца. Отъехав на Вятку, Юрий, подобно Борисовичам не раз приходившим тогда „изгоном“ из-за Суры в Нижний, тоже „изгоном“, т. е. быстрым, внезапным набегом, являлся, должно быть, в свой Городец, в случае же неудачи, снова укрывался на Вятке. Судя, по крайней мере, по позднейшему договору на Городец его племянника, Ивана Горбатого, подобные набеги со стороны родни Ивана в период, предшествовавший 1451 г., происходили не раз.

В подтверждение можно еще привлечь некоторые подробности из так наз. „Летописца Воскресенского монастыря, что у Соли“, пересказанного в свое время Карамзиным.[2] Среди мало достоверных имен, дат и событий есть тут все-таки коечто, отзывающееся восстанавливаемыми сейчас действительными событиями 30-х гг. XV столетия. Так, на ряду с галицкими князьями упомянут там и князь хлыновский (Вятский), а у него— племянники, „суздальские воеводы“. Суздальские князья, Юрий и Федор Кирдяпины, племянники вятского князя Семена, могли потом сойти и за суздальских воевод, тем более, что одна тут о них подробность к суздальским князьям XV в. подходит как нельзя лучше — о найме себе в помощь луговой черемисы, ногаев, казанцев. Но прямо уже вплотную к лицам и событиям, скрывающимся за светлоярской легендой, подводит в сообщении Карамзина собственное одно имя; Летописец Воскресенского монастыря упоминает некоего князя Байбороду. Имя это, как оказывается, не вымышленное.

---

[1] См. Труды Вятской уч. Архивн. ком., вып. III, 1905 г., отд. II, стр. 77.

[2] См. его „Историю“, т. IV, прим. 327.

Но отыскался Байборода во Пскове, и притом как раз в начале XV в.[1] Известная уже нам связь потомков Кирдяпы не только с Вяткой, но и со Псковом, прямо и закреплена, таким образом, в полулегендарном рассказе о союзнике Вятки, носящем псковское имя Байбороды. Вот этот-то самый Байборода и назван еще, кроме того, князем Ветлужским, чем и подтверждается, на наш взгляд, причастность вятским делам и деятелям начала XV в. бассейна реки Ветлуги с пересекающей его близ Светлояра дорогой на Городец. Дорога эта (т. е. „батыева“ и „ратная“ тропы), проходя черемисскими поселениями, не могла, конечно, оставаться без укреплений, — обычных в то время в подобных заимках „твердей“ и „городков“. Целая, напр., линия таких „городков“, в конце еще XIV столетия, выросла в районе расселения мордвы, по рекам Сундовику и Суре, на юговосточной окраине Суздальско-Нижегородского княжества. Верховья Керженца и Ветлуги были его северовосточной границей.[2] И существование там в XV веке „городков“, как раз в районе известных уже нам в связи с „ратной тропой“ сел Воздвиженского и Воскресенского, подтверждается данными археологическими.

„В обитаемости Приветлужья в древние времена, сообщал в 1889 г. археолог А. П. Поливанов, убеждают указания местных жителей на существование когда-то городища. Летом настоящего (1889-го) года я осмотрел некоторые окрестности деревни, называемой Городище, на левом берегу реки Ветлуги... На расстоянии верст около 10 от этой деревни, вниз по р. Ветлуге, находится село Воскресенское... Издали обращает на себя внимание отдельный высокий холм с обрывом по направлению к озеру и наволоку реки Ветлуги, отстоящий от деревни Городище версты на полторы к югу. На мои расспросы крестьяне рассказали, что этот холм или, как они называют, „шихан“ именуется „Бабья гора“... Сообщается затем пояснительная легенда о 12 разбойниках и их атаманше, утонувшей в озере и стерегущей там клад. „Раскопки дали, продолжает Поливанов, обугленные бревна в виде сруба...“ Другая деревня, Хмелевка, в 2 верстах от Городища, по направлению к северо-

[1] Под 1406 г. обе псковские летописи сообщают о большом пожаре во Пскове, прибавляя при этом: „а загорелося от Оксентеа Байбороде“. См. П. с. р. л., т. IV, стр. 197, т. V, стр. 19.

[2] См. Экземплярский, op. cit., т. II, стр. 402.

востоку“[1] обратила на себя внимание Поливанова тем, что „крестьяне этой деревни носят шейные кресты, сходные с образцами XV в.“ и найденные, по их словам, тут же в земле, в огородах.[2] К XV в. можно, следовательно, отнести и обугленный сруб „городка“.

Другое аналогичное сообщение таково: „Остались памятники двух городков: одного на Ветлуге, а другого на Сундовике. Если Ветлужский городок, в окрестностях нынешнего с. Воскресенского, не был основан еще Георгием I (Долгоруким), то без сомнения он построен Георгием II“.[3] Под именем Ветлужского „городка“ и здесь имеется, должно быть, в виду то же самое городище, что и в сообщении Поливанова; только сооружение его с уверенностью, почерпаемой, видимо, из местных преданий, приписывается одному из известных в истории Георгиев, второй из которых — тот самый, что и в светлоярской легенде. Подобно „Бабьей горе“, укрепленный „городок“ XV века можно предполагать и под „горами“ на Светлояре. За светлоярским легендарным городом скрывается, следовательно, в качестве исторически реальной его основы, действительно существовавший там тогда, на перепутье из Городца в Вятку, укрепленный „городок“.

Рассказ о построении светлоярского города мы уж связали выше с первыми переездами в указанном направлении суздальско-нижегородских князей XV в. Остается, при помощи собранных выше данных об единственном среди них носителе имени Юрия, осветить главный мотив легенды, — мотив „убиения“.

Мотив этот — не забудем — представлен только в „Летописце о убиении“; в компилятивной же редакции „Книги глаголемой летописец“ заменен другим. Но на Светлояре широкой теперь известностью пользуется только „Книга“. Тем показательней следующая запись устного пересказа легенды, сделанная там в 1926 г.: „Егория Всеволодовича Батый у колодца убил, это верно.[4] А вот тут, не доходя ручья-то — овражек; Садо-

---

[1] Т. е. к селу Воздвиженскому, где берет начало „ратная“ тропа.

[2] См. „Действия Нижегор. губ. уч. архивной ком.“, вып. VI, 1889, засед. 22 дек., Приложение VII, стр. 243—245.

[3] См. Нижегор. епарх. ведом., 1864 г., № 19, часть неофиц., стр. 33.

[4] „Колодцем“ в окрестностях Светлояра называют родник посреди травяного болота, образовавшегося из пересохшей речки или ручья, по имени Кибелек, в полуверсте от озера.

веньки называется. По дороге в Никитино. Так в нем оружье находят. Всё тут покидано было как Батый-от за Егорием Всеволодовичем в погоню пошел. Оружье самого князя Егория".

Мотив „убиения", вопреки распространенной теперь книжной версии (о „сокровенном граде"), не чужд, как видно, и устной традиции. Он перекликается здесь, следовательно, с старшей книжной версией „Летописца о убиении", начала XVII в. Легко, однако, заметить, что и по отношению к ней он самостоятелен: ручей с „колодцем", у которого князь был убит; овражек, где было оружье его „покидано" — это всё такие подробности, которые от книжного источника зависеть не могут. Не „Летописец о убиении" подсказал их нынешней устной традиции, а наоборот, сам этот „Летописец" должен был в свое время возникнуть из сходных светлоярских преданий устных. Как раз ведь к началу XVII в., к 1619 г., относится известие об одном из озер „по реке по Керженцу", может быть даже прямо о Светлояре, под названием „озеро Юрьево" (см. выше). Мотив „убиения" как в устной, так и в старшей книжной редакции светлоярской легенды должен восходить к какому-то в самом деле необычному „убиению" на указываемом легендой месте.

По связи с предыдущим считаем, что убит там был Юрий Кирдяпин.

Убийство московскими князьями домогавшихся вернуть себе свои вотчины князей — „отчичей" — явление в XV в. довольно типичное. Некоторые характерные его признаки можно, кажется, отметить и в легендарном рассказе „Летописца о убиении".

Перед „убиением" князь Георгий в „больший свой град Китеж" попадает как беглец, ночью ушедши из осажденного Городца. Но при нашествии татар бегство князя из осажденного города мало правдоподобно. Напротив, подобное бегство князей-„отчичей" при приближении к городу великого князя или его воевод летописные известия XIV—XV вв. отмечают не раз.[1]

Князь Георгий уходит затем из Городца к Светлояру „тайно", как в укромное, не всем известное место. Но укрывательство в подобных местах отмечают опять-таки летописные известия XV века, где речь идет о бегстве все тех же „отчичей" от преследований Москвы. Так, об умершем на Вятке Семене Дими-

---

[1] П. с. р. л., т. XVIII, стр. 143, 150; т. V, стр. 271; т. VI, стр. 132; т. XXIII, стр. 139; и т. д.

триевиче, дяде Юрия Кирдяпина, претерпевшего, по словам летописей, много труда и „истомы“, „добиваяся вотчины своея“ под московским великим князем, сказано прямо: „крыаше бося бегая в татарских местах“.[1] Одно из таких его мест даже и названо, — тут же, в рассказе об „изымании“ детей его и княгини, — „в татарской земли на месте, нарицаемом Цибирца“.[2]

Подобным убежищем племяннику Семена мог служить ветлужский „городок“ или предполагаемый светлоярский.

Не менее характерно и то, как ведет себя легендарный Батый во взятом им Городце: „нача мучити человека“, т. е. подверг его пыткам; выпытав же, где укрывается князь Георгий, „гна вслед его“, т. е. пошел в погоню. Отнятие Москвой старых княжеских вотчин сопровождалось, как правило, „изыманием“ (т. е. арестом) бывших „отчичей“, в случае же их бегства — преследованием; поощрялась при этом помощь переметчиков; к упорным же сторонникам „отчичей“ широко применялись пытки.[3]

Рассказ нашей легенды о преследовании скрывшегося из Городца князя, после того как местопребывание его выдал под пыткой какой-то человек „немогый мук терпети“, тоже находит себе таким образом ряд прямых аналогий среди летописных известий XV в. о преследованиях Москвой безудельных отчичей. Тем более, что при подобных обстоятельствах дело оканчивалось иногда, подобно нашей легенде, и „убиением“.[4]

Что касается ветлужского (или светлоярского) „городка“, где, очевидно, и имело место кончившееся „убиением“ „изымание“ Юрия Кирдяпина, то и с ним поступили, конечно, так же, как вообще поступали тогда в подобных случаях: сожгли или „раскопали“.[5]

---

[1] П. с. р. л., т. V, стр. 253 и др.

[2] П. с. р. л., т. XVIII, стр. 149 и др. Цибирца — вероятно деревня Чибирчи, в Тетюшском уезде, в 70—80 верстах от Казани. См. „Труды Вятской уч. архивн. ком.“, 1905 г., вып. первый, стр. 18 (прим.).

[3] П. с. р. л., т. V, стр. 245, 252, 262; т. XVIII, стр. 142, 215; т. VI, стр. 124, 181; т. XXIV, стр. 160; т. XXIII,стр. 150, 157.

[4] П. с. р. л., т. V, стр. 252. См. рук. Погод. № 1518 (Гос. Публ. библ. в Ленинграде), скороп. XVII в.

[5] Ср. летописное известие под 1471 г. о победе над Василием Гребенкой московских воевод на Двине. П. с. р. л., т. XVIII, 233; т. VI, 14; или под 1472 г. в так наз. Ростовской о завоевании князем Федором Пестрым Пермской земли,

Правдоподобен, наконец, самый факт поэтизации восстановленного нами события.

Участь безудельных „отчичей" XV в. отмечена и в летописях двумя—тремя необычными там рассказами типа новеллы о приключениях... Таков рассказ о преступной любви Смоленского „отчича", Юрия Святославича к княгине Ульяне Вяземской; или рассказ об "изымании" московскими воеводами жены и детей князя Семена Суздальского; таковы же известные только из „Истории" Андрея Курбского приключения другого суздальско-нижегородского „отчича" XV в., Ивана Борисовича Тугой-Лук, „славного богатыря в землях Русских", как его называет Курбский; „Аще бы о нем по ряду воспомянути, говорит Курбский, была бы целая повесть рыцарства его".[1] Авантюрно-повествовательный элемент в судьбе безудельных „отчичей" XV в., несомненно, как видим, улавливали уже современники или ближайшие их потомки. Могли тогда же, следовательно, слагаться и соответствующие по местам предания. Одно такое предание и дошло до нас в виде светлоярской легенды. А зная скрывающееся за ней событие, можно взвесить теперь и социальную ее значимость.

Та борьба, которую вели потомки Кирдяпы с московскими великими князьями, не отделима, как показано выше, от борьбы Москвы с Новгородом, Псковом, Вяткой; не отделима и от смуты Димитрия Шемяки. Да и эти оба движения тоже не отделимы, в свою очередь, друг от друга: движение, начавшееся из Галича, усобицу московских князей лишь использовало как средство и повод; само же по себе несомненно носило тот же социальный характер, что и борьба северных народоправств. Если к Новгороду и Галичу присоединить теперь суздальско-нижегородское княжество, т. е. среднее Поволжье с Нижним и Городцом, силы, противостоявшие в XV в. так наз. „собирательной" деятельности нарождавшегося в Москве самодержавия обнаружат с полной отчетливостью не столько областной, сколько классовый свой характер. Москва опиралась на плотный чернозем служилых землевладельцев. Противостояло

ЧИОИДР, 1894 г., кн. I (208-я), стр. 37. Ср. также М. А. Фриде, Русские деревянные укрепленья по древним литературным источникам в „Известиях Росс. Акад. Истории Материальной культуры", т. III,1924 г.

[1] См. Сочинения князя Курбского, изд. Археогр. ком., под ред. Г. З. Кунцевича (Русск. ист. библ., т. XXI), СПб., 1914 г., т. I, стр. 281—282.

же ей как в Новгороде и в Галиче, так, должно быть, и в Городце, старинное, классово-дифференцированное уже купечество, с унаследованными еще от киевских и более ранних времен торговыми путями, рынками и формами товарообмена.[1] Недаром под перо мниху Лаврентию, в послесловии к суздальско-нижегородскому его своду, подвернулся сам как бы собой образ „купца створившего прикуп". Недаром восходящий к городецкому „Летописцу о убиении" эпизод костромской повести приехавших в Кострому городчан тоже так прямо и изображает „гостьбу и куплю деющими, яко же есть обычай купецким людем".[2] Эти-то „купецкие люди", тянувшие не к Москве с аграрной ее политикой, а к Новгороду, Пскову и Вятке с их рынками в орде[3] и на Балтийском море, выразителями и защитниками своих классовых интересов и выдвигали тогда, в противовес московским князьям-„собирателям", суздальско-нижегородских князей — condottieri. Таков социальный смысл скрывающейся за нашей легендой борьбы городецких „отчичей" XV в. с нарождавшимся московским самодержавием; таков, отчасти, смысл и той традиционной в роду их потомков, князей Шуйских, „крамолы", искоренить которую не смог или не посмел сам Иван Грозный. За спиной Шуйских не только в малолетство Грозного, но и позже, неизменно всегда стоят новгородцы,[4] а иной раз и хлыновцы.[5] При Феодоре и Борисе „крамолу" Шуйских поддерживает московское уж купечество.[6] И недаром в песне записанной для Ричарда Джемса смерть наиболее удачливого и типичного из всех Шуйских, Михаила

---

1 См. М. Н. Покровский, „Русская история с древнейших времен", т. I, изд. 1933 г., гл. IV („Новгород"), гл. V („Образование московского государства").

2 См. „Вестн. археол. и истор.", 1909 г., вып. XIX, стр. 214—215.

3 Ср. у Покровского (op. cit., стр. 100) о „Хопыльском ряде" в XIV в. в Новгороде; см. также А. И. Никитский, „История экономического быта Великого Новгорода", М., 1893 г., стр. 96, 168—169.

4 См. С. М. Соловьев, „История России с древнейших времен", т. VI, стр. 32.

5 „В Московской слободе Хлыновской (куда выселил Иван III вятчан) князь Андрей Шуйский, одушевленный заговором против царя Иоанна, собрал товарищей и принимал с ними присягу в том, чтобы идти на царя... Хлыновцы им были надежны". Это предание, „из одной старинной рукописи" приведено в статье Ал. Андриевского, в сборнике „Столетие Вятской губернии", т. I, В., 1880, стр. 40—41.

6 См. Соловьев, op. cit., т. VII, стр. 541—543.

Васильевича (Скопина), оплакивают как раз „гости Москвичи". Путь Шуйских к власти напоминает флорентийских Медичи. Подобно им, Шуйские не только опирались на купечество, но и сами были купцами.

Народное прозвище царя Василия — „шубник", — „от шубного промысла, который был развит в старых вотчинах его рода".[1] Зато и преданы ему были опять всё тот же Новгород да нижегородское Поволжье, в частности, Городец. Так сказались старые, не забытые и в XVII в., вотчинные отношения XV в. О них впрочем помнил и напоминал сам царь Василий. Едва вступив на престол, он позаботился уж установить особой грамотой торжественные поминальные службы в нижегородских соборах (по примеру, очевидно, кремлевских, в Москве) над могилами схороненных в Нижнем князей, своих предков. Но вот на что в этой грамоте следует сейчас обратить внимание: родоначальник суздальско-нижегородских князей XIV—XV вв. Константин Васильевич назван в ней „Константином Юрьевичем, внуком Всеволодовича".[2] Один из прямых предков Шуйского смешан тут таким образом с тем же самым Юрием Всеволодовичем, которого с другим предком Шуйского, с Юрием Кирдяпиным, смешивает и наш „Летописец о убиении".[3] Отсюда, с одной стороны, объясняется, чем мог быть вызван в Городце, в первой трети XVII столетия, интерес к самому имени Георгия Всеволодовича: прямо от него выводил свой род популярный тогда в Городце царь Василий.[4] Понятно, затем, и то, почему с этим именем мнимого родоначальника Шуйских связана местная генеалогическая легенда о действительном родоначальнике их. А отсюда, в свою очередь, вытекает, что и возникнуть „Летописец о убиении" скорей всего мог или в царствование Шуйского, или вскоре после его низложения. В те годы движение в Городце в пользу Шуйского вылилось в защиту от поляков и тушинцев последней к тому времени вотчины князей Шуйских — Шуи.

---

[1] См. С. Ф. Платонов, „Очерки по истории смуты", стр. 277.

[2] См. „Акты исторические", III, № 69, стр. 88.

[3] Ту же генеалогическую ошибку, не без связи, очевидно, с грамотой 1606 г., содержит и нижегородский летописец, составленный около 1688 г. См. „Нижегородский Летописец" А. С. Гациского, Н.-Новгород, 1886 г., стр. 2.

[4] На самом же деле Георгий Всеволодович прямого потомства после себя не оставил и Андрею Ярославичу, от которого произошли суздальско-нижегородские князья, приходился дядей.

Первый поход туда городчан в ноябре 1608 г. кончился неудачей второй, летом 1609 г., привел к тому, что Шуя перешла в их руки.[1] Он-то и мог, скорей всего, вызвать то оживление местных преданий о князьях-отчичах XV столетия, из которого возник „Летописец о убиении". А предшествовавшее шуйскому походу изгнание из Городца засевших было там поляков[2] (или „панов", как их называют там до сих пор, объясняя происхождение местного названия „Пановы горы") должно было попутно оживить и интерес к неновой теме воинских повестей, — о нашествии Батыя.[3] Подобное ее оживление наблюдалось тогда и в других местах, испытавших польскую оккупацию. Так, взятие поляками Смоленска (в 1611 г.) послужило, как известно, толчком к переработке смоленской легенды на ту же тему (о св. Меркурии).[4] Есть местная легенда о Батые и в известной нам костромской повести,[5] причем скрывающиеся за ней факты — не старше XV в.[6] То же и в Городце: ожившая под влиянием событий 1609 г. тема батыева нашествия оказалась в неразрывной связи с местной позднейшей легендой о Светлояре.[7]

---

1 См. „Летописец о многих мятежах", изд. 2-е, 1788 г., стр. 141, 148, 149; П. с. р. л., т. VIII, стр. 110. Ошибка в „Летописи о мятежах" („Гороховец" вм. „Городец") указана Платоновым, см. его „Очерки", стр. 576.

2 См. „память" от 28 июня 1609 г. в „Актах, относящихся до юридического быта древней России", т. II, 676.

3 Шаблон воинских повестей в нашем памятнике дает о себе знать как раз в описании батыева нашествия: „сразишася вои обои вкупе, бысть сеча велия" (л. 44 об.). Ср. А. С. Орлов, „Об особенностях формы русских воинских повестей", ЧИОИДР, 1902 г., кн. 4, стр. 77.

4 Л. Т. Белецкий. „Литературная история повести о Меркурии Смоленском", в „Сборнике отд. р. яз. и сл. Рос. Акад. Наук", т. 49. № 8, 1922 г., стр. 15—16, 48—49.

5 „Вестник археологии и истории", 1909 г., вып. XIX, стр. 217—220.

6 Имеем в виду несостоявшееся нападение на Кострому Эдигея (в 1408 г.) и эпизод об освобождении „полона" в летописном рассказе о другом набеге татар на Кострому в 1429 г. См. П. с. р. л., т. XV, стр. 484; т. XVIII, стр. 170; т. XXIII, стр. 146. И то и другое несомненно отозвалось в указанном эпизоде костромской повести.

7 Как близки были, в представлении городчан, события так наз. „смуты" к местным древним преданиям о Батые, — можно видеть из любопытной родословной Федора Ступинского, приложенной к известным уже нам его святцам 1737—1744 гг.: „Прапрадед мой, пишет Ступинский, по извещению мне от деда моего пришел на житие в Городец Пустой от града Старые Русы, Михайло Афанасьевич, с двемя сынами, с прадедом моим Андреяном да з другим, Афанасием, в давных летех, по запустении, по Батыеве разорении и после разо-

А так как указанная выше генеалогическая злободневность и этой легенды и самого имени Георгия Всеволодовича с избранием на царство Михаила Романова утрачивалась, — позже 1613 г. „Летописец о убиении“ возникнуть, очевидно, не мог и возник, следовательно, между 1609 и 1613 гг.

рения проклятые Литвы, в Смутное время проклятого розстриги Отрепьева, когда воевали литовские паны.“ — См. святцы из собр. Забелина, № 594, л. 190 об. — Самое же происхождение городчан Ступинских, — сторонников, очевидно, Шуйского, — из близкой ко Пскову и торговой при этом Руссы проливает свет на ту среду, которая культивировала в Городце в XVII в. генеалогическую легенду о местных князьях (Шуйских) и их связях со Псковом.

Г Л А В А П Я Т А Я

Было бы, однако, ошибкой эту редакцию 1609—1613 гг. считать первоначальной. Наш памятник назван летописцем, и это название сохранено и подчеркнуто также в позднейшей его переработке,—в заглавии („Книга глаголемая летописец“) и в заметке интерполятора (см. выше). Издавая впервые „Книгу глаголемую летописец“, заметил в ней и Бессонов „выписки из какого-то летописца..., там где есть летосчисление, хотя и спутанное“,[1] т. е. как-раз в той ее части, которая совпадает с „Летописцем о убиении“. Мы же, обнаружив городецкое происхождение этого памятника, естественно вынуждены искать в нем следов летописца именно городецкого.

С этой целью приглядимся сперва к самому тексту.

Из намеченного выше состава памятника в редакции 1609—1613 гг. на долю светлоярской легенды приходится собственно только вторая его половина, от слов: „Сам же поеха оттуду сухим путем“ (лл. 42—46). Сравнивая текст этой второй половины памятника с текстом первой, легко заметить, что основной мотив Светлоярской легенды—градостроительство—в первой половине памятника представлен слабее, чем во второй. Мало того: всё, чем представлен этот мотив в первой части, носит явный характер интерполяций. „Грады“ упоминаются уже во вступительном диалоге князей, где Георгий обращается к Михаилу с просьбой о грамоте: „даждь ми грамоту в русии нашей по градом церкви божии строити и грады“ (л. 38 об.). Самая уж конструкция этой фразы выдает здесь дополнительную приписку; „по градом“ исключает заключительное, приписанное, очевидно, позже „и грады“. Просьба, видимо, ограничивалась первоначально церквами. Это подтверждается

[1] Песни, собранные П. В. Киреевским, т. IV, Прил., стр. CXXXII.

предшествующей и следующей репликами Михаила. В предшествующей — явная интерполяция; слова: „мы же на предлежащее возвратимся“, эта, по определению А. А. Шахматова, „переходная фраза, всегда характерно отмечающая конец вставок“,[1] заканчивает здесь собой довольно длинное рассуждение, начинающееся: „что бо приобрете от зависти дед наш святополк иже восхоте владети градами“ (л. 37 об. —38). Вставка эта, в виде назидания Георгию, вводит, как видим, тот же дополнительный (позднейший) мотив о „градах“. А ответная, после просьбы о грамоте, реплика Михаила, оставшись без аналогичной приписки, упоминает только лишь о церквах: „яко же хощеши тако и сотвори еже создати церкви божиа“ (л. 38 об.). О градах же ни слова. То же надо сказать и относительно дальнейшего рассказа о Китеже Малом: тема градостроительства в нем не развита вовсе, а представлена одной только фразой, которая точно также оказывается, при ближайшем рассмотрении, интерполяцией. „Сам же великии князь георгии поеха во град ярославль что на брегу волги реки стоит и седе в струг и поплыве наниз по волзе и приста к брегу в малыи китеж что на брегу волги стоит и построй его“ (л. 41). Весь рассказ о построении Малого Китежа сводится, как видим, к трем словам: „и построй его“, которые отделены от предыдущего дословным повторением встречающейся выше фразы: „что на брегу волги стоит“, совершенно тут неуместной (после слов: „и приста к брегу“), объясняемой, следовательно, только тем, что она тоже начинает собою здесь, по обычаю старинных интерполяторов, позднейшую приписку, за которую и приходится признать слова „и построй его“. Кому рассмотренные приписки могли принадлежать? Очевидно, тому же, кто во второй половине памятника рассказал так пространно о построении Китежа Большего, т. е. составителю редакции 1609—1613 гг. А отсюда следует, что первая половина памятника, за вычетом только-что выделенных приписок, ему не принадлежала.

Впрочем, приписки его там можно указать и еще. Так ему, конечно, принадлежат слова: „изъ нова же града поехав во град Псков свой“ (л. 39 об.), дополненные позже дальнейшей припиской агиографа (см. выше), но еще до того отмеченные ссылкой на них во второй половине памятника („в прежеречен-

[1] См. „Разыскания“ и т. д., стр. 427.

ный свой град Псков“, л. 43 об.). Тоже затем надо сказать об упоминании в первой половине памятника феодоровской иконы; слова: „чудотворныя иконы феодоровския“ (л. 41 об.) — несомненно, приписка к предыдущему: „образ пресвятыя богородицы“, так как иначе никак не объяснить нелепое стечение синонимов „образ“... „иконы“. Сделана же эта приписка тоже, конечно, тем, кто во второй половине памятника рассказ о построении Китежа Большего закончил молебном „пресвятей богородце феодоровской“ (л. 43 об.), т. е. опять-таки составителем редакции 1609—1613 гг.

Наш вывод о разновременном возникновении первой и второй половин „Летописца о убиении“ находит себе подтверждение в позднейших свидетельствах о существовании в Городце такой летописи, которая содержанием своим совпадала как раз только с первой половиной „Летописца о убиении“. Вот что находим по этому поводу в известной уже рукописной „Истории Городца“ Московкина: „Есть летописцы о Городце писателей неизвестных и известных, но основанных на первых. Каковы суть 7343 (1835 г.) Варлаама и 7358 (1850 г.) Афанасия, настоятелей Городецкого Феодоровского монастыря... Они называют князя Георгия бывшего в 6672 (1164 г.) году в Городце: Варлаам — сыном Всеволода II Ольговича, а Афанасий — Всеволода I Ярославича (sic!). Одинаково говорится, что Георгий у черниговского князя Михаила испросил на право частного распоряжения грамоту, что по праву оной посетил из городов своих города Псков и Москву, что обрел нетленные мощи святого Леонтия, что восхищен будучи таким обретением, — говорит Варлаам, — отправился, а Афанасий, — просил князя Андрея Боголюбского ехать для построения церквей в город Муром, а сам через Ярославль Волгой приехал в Китеж Малый и что Батый в Городце в 6747 (1239) году сжег обитель Феодоровского монастыря“. В этом кратком пересказе сразу же и обращает на себя внимание разительное совпадение с первой половиной „Летописца о убиении“, которое тем более интересно, что ведь оба городецкие настоятеля представлены нам здесь в качестве продолжателей и преемников каких-то „писателей неизвестных“. Труд первого из них, Варлаама, отыскать не удалось; что же касается Афанасия, то его труд появился в печати дважды. В 1849 г. в Московской университетской типографии издана была (анонимно) небольшая книжка (in 8°,

31 стр.) под заглавием „Историческое сведение о Городецком монастыре пресвятыя богородицы феодоровския, Нижегородской губернии, Балахнинского уезда, отстоящем от губернского города в 50-ти, а от уездного в 15 верстах, вверх по Волге, на луговой стороне“, с датой цензурного разрешения: „июля 18-го дня 1849 года. Московская Духовная Академия“, и с подписью цензора: „Протоиерей Феодор Голубинский“, чему прямо соответствует указание Городецкой „Истории“ Московкина: „Собрание последнего (т. е. Афанасия) долго рассматривал... Московский ценсор протоиерей Феодор Голубицкий“, которое раскрывает таким образом неназванного автора книги.[1] Первый отдел этого „Исторического сведения“, действительно, рассказывает начало нашего „Летописца о убиении“. Городецкий Феодоровский монастырь, читаем здесь, „восприял начало своего существования в 1164 году, следующим образом: Великий князь Георгий Псковский, по смерти отца своего, Всеволода Ярославича [sic!], отправился, 1163 года, в город Чернигов, к великому князю Михаилу, испросить у него грамоту для построения храмов... Черниговский князь Михаил, с великою радостию вручает таковую грамоту Князю Георгию, который, получа желаемое, оставляет град Чернигов, и отправляется в Новград, куда прибыв, преуспевает в созидании храмов... Потом, 1164 года, удостаивает своим прибытием из градов своих Псков и Москву, где... тем же занимается благочестивым делом. Сверх того посещает и град Ростов, в котором тогда, при копании рва для фундамента на построение храма, обрели нетленные мощи святителя Леонтия. Восхищенный таковым неоцененным обретением, князь Георгий, прибывши в Ярославль, просил князя Андрея Боголюбского, имевшего тогда княжение в Ростове, чтобы сей позволил ему строить храмы в городе Муроме. А посем прибыл в местечко малый Китеж, названное после Городцом, где, по возвышенности местоположения, устроил вновь город, и оградил великим земляным валом, пребывающим в целости и доселе“. Следует известный из „Лето-

---

[1] Вторично, под тем же заглавием и тоже анонимно, труд Афанасия в извлечениях напечатан был в „Нижегор. губ. ведом.“, 1853 г., № 8, стр. 29—32. В „Списке иерархов и настоятелей монастырей“ Павла Строева (СПб., 1877 г.), действительно, отмечен среди настоятелей Городецкого монастыря строитель Афанасий, с указанием, что управлял монастырем от 1848 г. до 1860 г. (столб., 620, № 8).

писца о убиении“ рассказ о построении монастыря, с добавлениями местных позднейших рассказов (как у Московкина, см. выше) о часовне. Далее, под 1239 г., рассказывается о Батые, — но уж не по „Летописцу о убиении“, а в согласии с проложной редакцией костромской повести, откуда, следовательно, этот отдел книги Афанасия и заимствован.

Труд Афанасия совпадал, как мы знаем, с утраченным трудом его предшественника, Варлаама, отличаясь от него лишь некоторыми подробностями; а с ними обоими, в свою очередь, совпадает в главном еще один опыт городецкой историографии — статья иеромонаха Макария[1] в „Нижегородских губернских ведомостях“, 1848 г. (№ 49, стр. 195—196): „Древнее историческое значение Городецкого Феодоровского монастыря“. Здесь читаем: „Городецкий Федоровский монастырь начально основан в 1164 году, по повелению великого князя Георгия Всеволодовича“. Появившись в печати годом раньше, чем книга Афанасия, эта статья в прямую зависимость от нее, очевидно, поставлена быть не может и, следовательно, заимствовала указанное известие из какого-то общего им обеим городецкого источника.[2] Что же это за источник?

Автор „Истории Городца“ глухо ссылается на „писателей неизвестных“; а отмеченные совпадения прямо указывают

---

[1] Занимавшегося специально городецкими древностями. См. его статью „Памятники старины в с. Городце“, в „Записках им. Археолог. общ.“, 1852 г., т. 4 (в перечне заседаний).

[2] Напротив, аналогичное известие (об основании Городецкого Федоровского монастыря и самого Городца в 1164 г. Георгием Всеволодовичем) в более поздних трудах: Кучкина („Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью“, Саратов, 1865 г., стр. 148), П. Т. Семенова („Географическо-статический словарь Российской империи“, СПб., 1868 г.), В. В. Зверинского („Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи“, т. I, СПб., 1890 г., стр. 92); наконец, даже в Большом энциклопедич. словаре Брокгауза и Эфрона (изд. 1893 г., т. IX, стр. 303, под словом „Городец“) преемственно восходит, вероятно, к анонимной книжке 1849 г. (Афанасия), об известном распространении которой свидетельствуют, напр., библиографические заметки в „Москвитянине“ 1849 г. (ч. 5, № 18, сентябрь, кн. 2, стр. 23—24) и в „Вестнике имп. Русск. географ. общ.“, 1854 г. (ч. X, отд. библиогр.), а также следующий отзыв о ней Мельникова-Печерского: „Неизвестный автор внес Китежскую нелепицу в свое сочинение, а цензор имел неосторожность пропустить ее. Раскольники раскупили книжку нарасхват, и теперь показывают ее как неоспоримое доказательство их нелепых толков о Китеже“. См. „Отчет“, 1854 г., стр. 168, в „Сборнике в память П. И. Мельникова“.

на „Летописец о убиении“, но только, во-первых, без генеалогического вступления из святцев (о Всеволоде-Гаврииле) и, во-вторых, без рассказа о построении Китежа Большого и об „убиении“ в нем князя Георгия Батыем. Другими словами, источник настоятельских трудов совпадал не с житийной редакцией „Летописца о убиении“ и не с редакцией 1609—1613 гг., а как раз с той предшествовавшей им редакцией, которую мы теперь отыскиваем и которая умалчивала не только о Светлояре, Большем Китеже и Батые, но и вообще о градостроительстве князя Георгия. В самом деле, те места в первой части „Летописца о убиении“, которые признаны выше интерполяциями составителя редакции 1609—1613 гг., в источнике настоятельских трудов несомненно отсутствовали. Грамота, вручаемая Михаилом Георгию, у Афанасия названа всего только „грамотой для построения храмов“, — без упоминания городов; то же читалось, судя по пересказу Московкина, и в сочинении Варлаама. Что касается построения Георгием Китежа Малого, то легко заметить, что в труд Афанасия упоминание о нем попало не из рукописного его источника, а из устных городецких преданий о великом „земляном вале, пребывающем в целости и доселе“. Восстанавливаемая таким образом третья, самая краткая, редакция нашего памятника начиналась, как и редакция 1609—1613 гг., с поездки князя Георгия к князю Михаилу, заканчивалась же словами: „повеле на том месте устроити монастырь“ (л. 41 об.), т. е. рассказом о построении городецкого монастыря, вовсе умалчивая при этом о градостроительстве; а, судя по встречавшемуся в ней слову „Русия“ (л. 38 об.), возникла эта редакция в XVI в. Можно ли, однако, назвать ее летописной?

Начало — апокрифическая поездка Георгия Всеволодовича к Михаилу черниговскому за грамотой — ни к какой летописи отношения, разумеется, не имеет. Еще Бессонов отметил здесь (или, верней, в соответствующем месте „Книги глаголемой Летописец“) „переход былевого творчества к стихам, в самой роли Георгия, который разъезжает по Суздальщине, строя церкви, совершенно так же, как знаменитый Егорий Храбрый“.[1] И действительно, храмостроительство князя Георгия в нашем памятнике совершенно соответствует этому же мотиву в духовном стихе, так что Успенские соборы „Летописца о убиении“

---

[1] „Песни, собранные П. В. Киреевским“, вып. 4, стр. CXXXII.

являются, конечно, прямым осмыслением „церквей соборных“ стиха; ср. напр., в „Каликах перехожих“ Бессонова (ч. I) № 99:

„Я из вас из лесов из темныих
Порублю я церкви соборные“;

или № 98:

„Ино будете горы изнаполнены,
Да поставят на вас церквы соборные“ и т. д.

Мало того: храмостроительство Егория Храброго почти всегда начинается поездкой Егория за благословением на это к матери (Софии Премудрой); в некоторых вариантах встреча эта и это благословение приурочены, как и другие события, к Чернигову;[1] а в иных, кроме того, благословение сопровождается вручением Егорию евангелия. Реминисценциями этих мотивов стиха в нашем памятнике и можно считать обращение князя Георгия за храмозданной грамотой к Михаилу черниговскому и следующую затем поездку по городам.[2]

Иной характер носит дальнейший рассказ: об открытии мощей Леонтия ростовского, об отъезде князя Георгия из Ростова в Ярославль, а из Ярославля, наконец, в Малый Китеж и о построении там монастыря (лл. 40—41 об.). Начать с того, что весь этот отдел возглавляется тем самым 6672 (1164) г., который надо признать, действительно, датой городецкой летописи. Мало того, что все наши косвенные свидетельства о существовании таковой[3] дату эту повторяют с настойчивостью: она и в самом „Летописце о убиении“ занимает центральное место в том смысле, что все остальные там даты несомненно отсчитаны от нее. Агиограф перед заимствованной из святцев датой Батыева нашествия сделал, как мы знаем, невероятную вы-

---

[1] Бессонов, №№ 99, 104, 106, 107, варианты.

[2] Тем более, что среди устных пересказов легенды есть один, которому прямо придана даже форма духовного стиха, — у Горького в его повести „В людях“:

И сказал господь Саваоф
Свет архангеле Михайле:
— А пойди-ко ты, Михайло,
Сотряхни землю под Китежем и т. д.

Упомянут Китеж и в другом стихе, из того же репертуара А. И. Кашириной, — в повести Горького „Детство“.

[3] „История“ Московкина, настоятельские труды, статьи: „Летопись села Городца“ Ап. Соколовского (Нижегор. епарх. ведом.“, 1886 г., № 3), „Древний вал и крестовые сосны в селе Городце“ Д. П. Днепровского („Действия Нижегор. губ. уч. архивн. ком.“, сборник, т. XVII, вып. IV, 1914 г.) и др.

кладку в 75 лет (л. 44) только потому, что такова именно разница между 1239 годом и этим 1164-м; составитель редакции 1609—1613 гг. апокрифическую дату построения Китежа Большого, — 1165 г., — в свою очередь отсчитал от этого же основного 1164 г. как ближайший после него (л. 43); наконец, и составитель третьей, самой старшей редакции, предпослав рассказу под 1164 г. апокрифическую поездку Георгия Всеволодовича к Михаилу черниговскому, возглавил ее столь же искусственно отсчитанным 1163 г., ближайшим предшествующим все тому же 1164-му.[1] Лишенные достоверности, все эти произвольно выведенные даты придают, однако же, тем самым особую внушительность той одной основной, от которой они все отсчитаны.

Если затем приглядеться к тому, что и как под этой основной датой рассказано, прежде всего обратит на себя внимание сухая краткость подлинно летописного в этом месте рассказа; исчезает тут, напр., обычный в начале памятника эпитет „благоверный", при имени князя Георгия; он тут везде почти назван просто „великий князь Георгий" или даже: „князь Георгий" (лл. 40—41 об.), т. е. так, как именует обычно князей летопись домосковского периода. Такое несоответствие с другими отделами памятника настолько тут разительно, что бросилось в глаза и составителям „Книги глаголемой Летописец", во всех списках которой указанные места читаются с дополнительной припиской: „благоверный и великий".[2] Наконец, на выделенный отрывок приходятся, в значительной части, и те языковые архаизмы „Летописца о убиении", которые отмечены были выше. Отрывок этот и надо признать отрывком какой-то летописи.

Не всё, впрочем, что читается теперь в „Летописце о убиении" (в пределах старшей его редакции) под 1164 г. может быть к этому отрывку причислено. Под 1164 г. в первую очередь стоит ведь теперь перечень городов, которые объездил Георгий Всеволодович, строя храмы (л. 39 об.). Среди них Псков отнесен уж выше за счет составителя редакции 1609—1613 гг.

[1] Под 1163 г. о поездке Георгия Всеволодовича к Михаилу черниговскому рассказывает и Афанасий (см. выше). В „Летописце о убиении" теперь этой датой заканчивается генеалогическое вступление из святцев (л. 36) вместо действительного года смерти Всеволода-Гавриила (1138), который, как мы знаем, перенесен был агиографом из святцев в заглавие, а на его место поставлен был этот 1163, которым, как явствует отсюда, обе предшествующие редакции начинались.

[2] См. „Тексты", I, лл. 84 об. — 85 об.

Самый же мотив такой поездки по городам имеет общий, как выяснено, источник с предшествующим апокрифическим рассказом (о получении грамоты) и от него, следовательно, не отделим. Присоединяя к летописному отрывку ничем не связанный с ним пересказ стиха о Егории Храбром, составитель старшей редакции „Летописца о убиении" связь между ними постарался установить тем, что события легендарной поездки разместил по смежным датам, частью перенеся их под летописную основную, частью приурочив к искуственно отсчитанной от нее предшествующей. Таким образом, летописный отрывок, до присоединения к нему апокрифа о Георгии и Михаиле, начинался, видимо, рассказом об обретении мощей св. Леонтия, который теперь читается вслед за перечислением городов;[1] дата 6672 (1164 г.), отодвинутая теперь к началу этого перечня (л. 39), первоначально должна была стоять там, где потом заменили ее слова: „в то же время" (л. 39 об.), и, таким образом, летописный отрывок первоначально начинался словами: „в лето 6672 бысть в Ростове граде великии князь андрей боголюбский". Такое начало соответствовало бы и историческим фактам: мощи Леонтия, действительно, были открыты в 1164 г. Но ведь дальше этот, восстановленный нами, летописный отрывок под 1164 г. говорит не об Андрее, действительно жившем тогда, а об неродившемся еще тогда Георгии Всеволодовиче. Так; но приглядимся внимательнее к княжескому тут имени. Рассказ об открытии мощей Леонтия ростовского, которым начинается наш отрывок, дошел до нас в передаче современника, составившего вскоре после 1164 г. краткое житие.[2] Вот, при сопоставлении с житием

[1] Об открытии мощей св. Леонтия упоминают и оба труда городецких настоятелей под тем же 1164 г.

[2] Напечатано (по рукописи Соловецкой библиотеки) в „Правосл. собеседнике", 1858 г., № 3; по другим рукописям (в выдержках) — в „Истории Русской церкви" митр. Макария (т. III, стр. 100—101, изд. 3, 1889 г.). Выборка из жития этой первой редакции — в Никоновск. л. под 6670 г. О времени составления и о дальнейших редакциях памятника см. Ключевский, „Древнерусские жития святых как исторический источник", М., 1871 г., стр. 3—13; Голубинский к сказанному до него ничего существенного не прибавляет (см. его „Историю русской церкви", т. I, первая половина, изд. 2, М., 1901 г., стр. 199, 200, 757—758). Выборка из жития одной из распространенных редакций — в Степенной книге; см. П. с. р. л., т. XXI, стр. 115. К вопросу о литературной истории памятника см. статью С. А. Бугославского „Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии" („Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского", Лгр., 1928, стр. 332—336).

Леонтия наш городецкий летописный отрывок (в первой своей части) и оказывается весьма местами близок к нему, с заведомой, кроме того, подменой князя Андрея князем Георгием.

Летописец о убиении	Житие (Правосл. соб.)
[В лето 6672] бысть в Ростове граде великий князь андрей боголюбский и повеле князь георгии во граде Ростове церковь строити во имя же успения пресвятыя богородцы (л. 40)	... и повеле богохранимыи и благоверныи князь Андреи сын великого князя Георгия внук Володимерь създати церковь камену во имя пречистыя богородицы[1]

Из сопоставления видно, что слова: „князь георгии во граде ростове" — вставка или, верней, отчество Андрея, принятое за другое лицо.

„и начаша рвы копати" (л. 40)	„и начаша копати рвы"
„и обретоша мощи лежаще" (л. 40)	„и обретоша мрътвых множество ... обретоша и блаженного Исаию ... и обретоша гроб"
„и возрадовася радостию великою благоверный князь георгий и прослави бога давшего ему таковое многоценное сокровище и отпе молебен" (л. 40 об.)	„людие възрадовашеся радостию великою и послаша весть ко князю Андрею.[2] Слышав же князь прослави великую мудрость божию и помоляся богу глаголаше: господи Исусе Христе, что ти воздам за вся яже въздал еси мне ... сподобил еси сицему съкровищу откровену быти;" и далее: „яко сподобил мя еси сицего съкровища ... видети".

---

[1] В Ник.: „во имя святыя богородица успения". В рукописи, приведенной у митр. Макария, все это место читается так: „Богохранимый князь Андрей, сын великого князя Георгия, внук Владимирь, повеле създати церковь камену во имя пресвятыя богородица на месте погоревшия церкве в лето 6672". Истор. русск. церкви, т. III, изд. 3, 1889 г., стр. 100—101.

[2] В проложной редакции: „Тогда же видевше вси людие возрадовашася и послаша весть князю сущу убо ему во Владимире;" отсутствуют, как видим, дословно совпадающие в житии первой редакции и в нашем отрывке слова: „радостию великою". В Ник.: „и бысть радость во граде Ростове велиа князю Андрею, и всем людем".

Слова князя Андрея (в житии) с сокращением переданы, как видим, от лица князя Георгия (в нашем отрывке). Следующая в нем фраза: „и повеле ехати князю андрею боголюбскому во град муром и строити церкви“ (л. 40 об.) соответствий себе в житии уже не имеет, но, согласованная с предыдущей, представляет, очевидно, замену обратную предыдущей: Георгия — если он вообще тут упоминался — Андреем; в настоятельских трудах как раз тут — разногласие: у Варлаама и Афанасия „говорится, что Георгий обрел нетленные мощи святого Леонтия, что восхищен будучи таким обретением, — говорит Варлаам, — отправился, а Афанасий, — просил князя Андрея Боголюбского ехать для построения церквей в город Муром“. Так передает этот явно спутанный текст автор городецкой „Истории“, излагая настоятельские труды. В противоположность Варлааму Афанасий как-будто сходится с „Летописцем о убиении“. Однако, обращаясь непосредственно к его труду, находим и тут отклонения: „Восхищенный таковым неоцененным обретением (мощей), князь Георгий, прибывши в Ярославль, просил князя Андрея Боголюбского, имевшего тогда княжение в Ростове, чтобы сей позволил ему строить храмы в городе Муроме“. Повелел князь Георгий князю Андрею ехать в Муром; или князь Георгий сам отправился в Муром (Варлаам); или, наконец, испросил в Ярославле (вместо Ростова) князь Георгий у князя Андрея разрешение ехать в Муром (Афанасий), — все это указывает на многократные изменения давно испорченного текста. Но вспомним исторического сподвижника князя Андрея в болгарском походе 1164 г., муромского князя Георгия. Имел ли он отношение к ростовским событиям этого года, — нам не известно; зато известно, что он-то и занимался как раз в своем городе храмостроительством.[1] Если подразумевать здесь его, — версия Варлаама приемлемее других: ехать в Муром в таком случае должен был именно Георгий, да и „повелевать“ мог только Андрей Георгию, а никак не наоборот. Как бы то ни было, непосредственно следующая затем фраза отрывка, начинающая

[1] Отмечая смерть этого муромского князя, летописец указывает: „и положиша и в христовы церкви юже бе сам создал“. См. Лавр. под 6682 (1174) г. Если „христову церковь“ понимать как спасскую, — храмостроительство Юрия муромского окажется в прямой связи с победой над болгарами 1 августа 1164 г. Об этом князе см. А. В. Экземплярский, op. cit., II, стр. 614, и родословная таблица VII; Пресняков, „Княжое право“, стр. 132, прим. 5.

собой рассказ о прибытии князя-строителя в Малый Китеж: — „сам же великий князь Георгий поеха во град Ярославль“ (л. 41), — в первый раз, с самого начала отрывка, именует князя Георгия „великим“, явно противореча предыдущему: „бысть в Ростове граде великий князь Андрей“, и поэтому должна была читаться первоначально так же, как читается и сейчас в списках „Книги глаголемой летописец“: „сам же великий князь поеха во град Ярославль“, т. е. без имени собственного, причем подразумевался, по связи с предыдущим, Андрей. Последнее, наконец, упоминание княжеского имени в нашем отрывке: „и начаша вси людие молити князя георгия“ (л. 41) прямо изобличается как подмена опять из сопоставления с житием (первой редакции) где находим почти дословное повторение фразы: „и начаша людие молитися князю Ондрею“.[1] Итак, в городецком летописном отрывке, до присоединения к нему вступительного рассказа с заимствованиями из духовного стиха, вместо имени Георгия читалось имя Андрея. И отрывок имел, таким образом, следующий вид:

„В лето 6672 бысть в Ростове граде великий князь андрей боголюбский ‹сын великого князя георгия›. И повеле во граде Ростове церковь строити во имя успения пресвятыя богородцы месяца маия в 23 день, и начаша рвы копати на основание церкви и обретоша мощи лежаще святителя христова леонтия епскопа ростовского чюдотворца иже обрати люди в веру христову и крести их от мала и до велика, и возрадовася радостию великою благоверныи князь Андрей и прослави бога давшего ему таковое многоценное сокровище и отпе молебен и повеле ехати князю георгию во град муром и строити церкви. Сам же великии князь поеха во град Ярославль что на брегу волги реки стоит и седе в струг и поплыве наниз по волзе и приста к брегу в малыи китежь. И начаша вси людие молити князя Андрея чтобы образ пресвятыя богородицы внес во град, он же по прошению их повеле пети молебная, и егда хоте образ той нести во град, он же не пойде с места нимало ни поступи, видевше же вси изволение владычицы где сама избра место себе, повеле на том месте устроити монастырь“.

Фактическая сторона восстановленного в таком виде летописного известия о начале монастыря в Малом Китеже (Городце)

---

[1] В рукописи, опубликованной Макарием: „и начаша людие молитися князю“; в прологе: „и начаша молити князя“.

не вызывает уже теперь никаких недоумений, находя себе подобающее место среди других летописных известий 1164 г.

В походе этого года против волжских болгар окончательная победа одержана была 1 августа.[1] Следовательно, выступил в поход князь Андрей несколькими месяцами раньше, весной.[2] Выступил он из Ростова, если верить позднейшим летописям.[3] Но в Ростове же, все в том же 1164 г., 23 мая открыты были мощи св. Леонтия. Не видно, однако, чтобы при этом присутствовал князь Андрей.[4] Смежность событий могла породить представление об их совпадении, если такового на самом деле и не было. Как бы то ни было, исключения наш летописный отрывок не представляет, рассказывая об обретении мощей в Ростове в присутствии князя Андрея: в передаче тех же житийных известий Никоновской летописью встречаемся с тою же версией (при отсутствии тут, однако, текстуальных совпадений): при обретении мощей „бысть радость во граде Ростове велиа князю Андрею и всем людем".

Далее: отъезд из Ростова на Ярославль, т. е. в ближайший к Ростову приволжский город, затем прибытие из Ярославля „на струге" в пограничный тогда с Болгарами Городец (Малый Китеж), — все это для князя Андрея в 1164 г. подтверждается топографическими указаниями летописей относительно немного позднейших болгарских походов его ближайших преемников.[5]

---

1 Что отмечено прямо не только в особой повести (хронографа, Никоновск., Степенной и пролога), но и в краткой летописной заметке: „ходи князь Андреи на болгары и победи их августа 1". См. П. с. р. л., т. IV, ч. I (изд. 1915 г.), стр. 160.

2 О чем можно судить по указанию летописца относительно неудавшегося похода 1172 г.: „бысть не люб путь всем людем сим, зане непогодье (вар. не годно) есть зиме воевати Болгар, и поидуче не идяху". См. Лавр. и др. под указанным годом. В 1220 г. болгарский город Ошел взят был Святославом 15 июня (согласно Лавр. и др.), что тоже указывает на выступление в поход весной.

3 содержащим пространную повесть о победе 1 августа, см. выше.

4 Напротив, в житии первой редакции о нем говорится как об отсутствующем: об обретении мощей ростовцы „послаша весть ко князю Андрею"; в проложной редакции еще прибавлено: „сущу оубо ему во Владимире". И тем не менее, какая-то связь ростовского события с победой 1 августа усматривается даже и здесь, в концовке самой ранней части жития, где испрашивается молитва св. Леонтия о победе князю Андрею, как бы напутственная в поход.

5 О походе 1172 г., организованном сыновьями участников похода предыдущего (1164 г.), читаем: „Бывшю же князю Мстиславу на Городьци, совокупльшуся (со) братома своими, с муромским и с рязаньскым на усть Окы".

Самое же существованье Городца (Китежа Малого) в 1164 г. подтверждается только-что приведенным первым упоминанием его в летописях общеизвестных: под 1172 г. они говорят о нем как уж о существовавшем и раньше. Отражена, наконец, в городецком летописном отрывке еще одна подробность болгарского похода князя Андрея: участие в нем богородичной иконы.[1] „Начаша вси людие молити князя“, прибывшего в Малый Китеж на струге, „чтобы образ пресвятыя богородицы внес во град“. Так как тут не было сказано, как в точности называлась икона, ей и приписали впоследствии популярное в XVII в. название Феодоровской, сделав, как мы знаем, соответствующую в тексте приписку.[2] А так как не сказано было в отрывке и о том, откуда должен был князь перенести „во град“ образ, — позднейшая легенда создала версию о придорожной часовне (см. выше). Но восстановив первоначально читавшееся в отрывке имя князя Андрея, нетрудно весь рассказ понять в соответствии с другими летописными данными о болгарском походе 1164 г. Икона вместе, очевидно, с князем и прибыла в Малый Китеж, — так надо понимать приведенный текст; подразумевалась же при этом икона Владимирская, откуда объясняется и сходство городецкого „чуда“ с „чудом“ при Боголюбове.[3] Это — два местных предания о „чудесах“ одной и той же иконы, связанных с именем и деятельностью одного и того же князя: древний Городецкий монастырь, подобно Боголюбскому, построен был, как вытекает из предыдущего, тем же Андреем Боголюбским.[4] И построен,

---

См. Лавр., Переясл. и Воскр. под указанным годом. Молодые князья в 1172 г. едва ли могли итти иным путем, чем их отцы восемью годами раньше. Тоже и в позднейших болгарских походах XII—XIII вв. Городец неизменно играет, как и в 1172 г., роль пограничного оплота владимиро-суздальских князей, откуда они в походы эти выступают, где ведут с болгарскими послами переговоры, куда возвращаются, наконец, после победы с пленными. См. Татищев, III, 248—252; Лавр., Воскр., Симеон., Тверск. под 6694 г.; Воскр., Лавр., Тверск., Ермол., Ник. под 6728 г.; Симеон. под 6729 г.

[1] О чем см. Лавр., Переясл., Типогр., Ермол., Воскр., Тверск. под 6672 г.; Ник. под 6668 г.

[2] Что подтверждается отсутствием названия: „Феодоровский“ при упоминании далее монастыря: „и повеле строити монастырь“ (л. 41 об.); в „Книге глаголемой Летописец“, напротив, читаем с дальнейшей припиской: „монастырь, во имя пресвятыя богородицы Феодоровския“ (I, л. 85 об.).

[3] О нем см. в Степенной, т. I, стр. 233.

[4] Летописная повесть „О убиении Андрееве“ (Лавр., Ипат.) говорит о нем прямо: „монастыри многы созда“. „Из них мы знаем только два“,

как тоже видно из контекста рассказа, на берегу Волги, т. е. значит там, где несколько веков спустя возникла старообрядческая часовня.[1]

Такова фактическая сторона восстановленного отрывка городецкой летописи. Но что можно сказать о нем с точки зрения историко-литературной? Совпадение с житием Леонтия ростовского, объясняется, во всяком случае, не заимствованием: летописное известие к житию восходить не может. Скорей надо предполагать общий у совпадающих текстов источник. Но источником жития Леонтия ростовского, — в той его как-раз части, которая совпадает с „Летописцем о убиении" (где говорится о мощах), Ключевский считал ростовскую летопись XII в., существование которой, говорил он, „нам известно".[2] Беда только в том, что свидетельство епископа Симона (в послании 1225—1226 гг. к Поликарпу) о „старом ростовском" летописце,[3] на которое, очевидно, Ключевский тут намекает, ни в какую пока не приведено связь с тем, что действительно известно о начале летописанья в северо-восточной Руси.[4] Не до конца ясен и вопрос о редакциях самого жития, поскольку нет научного их издания. В эти два весьма еще темные вопроса (о старой ростовской летописи и о редакциях жития Леонтия ростовского) и упирается таким образом наш вопрос о том, к какому

говорит Макарий, (op. cit., т. III, изд. 3, стр. 55), — Боголюбский и Покровский на Нерли. К этим двум следует, как видим, присоединить третий — в Городце Волжском.

1 Монастырь же, возобновленный в 1700 г. (на пустыре с „порощенными кладбищами", сохранившимися от времени Едигея) стоял не на берегу и, следовательно, никак не подходит под топографические признаки нашего летописного рассказа о городецком первом монастыре. Передаваемое Мельниковым поверье городецких старообрядцев, „будто монастырь, разоренный татарами, был не на том месте, где возобновлен в 1700 г., а там, где их часовня" (см. „Отчет", 168) вполне таким образом подтверждается.

2 „Древнерусские жития святых как исторический источник", М., 1871 г., стр. 11.

3 Памятники русск. литературы XII и XIII в., изд. В. Яковлевым, СПб., 1872, стр. XC.

4 А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова в „Зап. Ак. Наук", т. IV, № 2, 1899 г., стр. 111; „Исследованье о Радзиловской или Кенигсбергской летописи", 1902 г., стр. 59—66, 73, 95—96; „Ермолинская летопись и Ростовский владычний свод", в „Изв. ОРЯС Акад. Наук", 1903 г., т. VIII, кн. 4; Е. Ю. Перфецкий. „Русские летописные своды и их взаимоотношения", Братислав, 1922 г., стр. 74—75.

своду мог первоначально принадлежать летописный отрывок о построении Андреем в 1164 г. монастыря в Малом Китеже. Окончательное решение его пока невозможно. Можно только предполагать, что свод этот был ростовским и что в Городце он использован был при попытке создать там местную летопись в 60-х и 70-х гг. XIV столетия; на такую попытку есть, как-будто, указанья в тех позднейших московских или общерусских сводах, где отразилось суздальско-нижегородское летописанье указанной эпохи; в этих сводах находим несколько специальных известий о Городце, несомненно городецкого и притом монастырского происхождения.[1] В тот свод, откуда они заимствованы, мог входить и отрывок какой-то ростовской летописи, повествующий о начале старейшего монастыря в Городце. Таковым мы признали монастырь, на месте которого была потом старообрядческая часовня, а до нее Спасская Ионина пустынь. Об этой последней в одной челобитной 1700 г. говорится как о чем-то уж древнем: „в прошлых годех по обещанию прадедов и дедов . . . построена была Ионина Пустыня близь Верхней слободы“;[2] из других актов, кроме того, известно, что к 80-м гг. XVII столетия „та пустыня стояла в пусте“ уж „многие годы“.[3] Если принять затем во внимание, что в тех же актах (XVII в.) эта Спасская Ионина пустынь везде выступает в подчинении архимандритам нижегородского Благовещенского монастыря,[4] едва ли будет тогда ошибкой ее сооруженье приписать тому благовещенскому архимандриту Ионе, на имя которого сохранилась жалованная грамота городецкого князя Бориса Константиновича от 1393 г.[5] Возникшая, следовательно, в конце XIV в., т. е. в эпоху особого оживления суздальско-нижегородского летописанья, преемственно связанная местом с древнейшим городецким монастырем, Ионина пустынь, — единственный

[1] Ср. о побиении громом чернецов и черниц в городецком Лазаревом монастыре под 1367 г. — в Симеон., Рогожск.; о пожаре от молнии в Городецком соборе под 1368 г. — в тех же летописях; о возобновлении погоревшего собора Борисом Константиновичем под 1369 г. — там же.

[2] „История Феодоровского Городецкого монастыря“, СПб., 1913 г., стр. 70.

[3] Материалы для истории церквей Нижегородской епархии, вып. II, М., 1903 г., стр. 73.

[4] Ibid., стр. 68, 69, 72.

[5] Акты, собранные Археографическою экспедициею, т. I, СПб., 1836 г., стр. 7.

из городецких монастырей, уцелевший в XVI—XVII вв.,[1] одна только и могла сберечь в своих стенах наш отрывок и переработать его со временем в легендарный „Летописец о убиении". Это тем вероятнее, что в числе наследственных покровителей городецкой Иониной пустыни были, как оказывается, князья ростовские (Лобановы),[2] через которых могла попасть туда и ростовская летопись.

Ее отрывок, касающийся прошлого Иониной пустыни, снабдили там в XVI в. легендарным вступлением о поездке Георгия Всеволодовича в Чернигов за храмозданной грамотой, заменив одновременно в самом отрывке тем же Георгием Андрея Боголюбского.

На что могла быть рассчитана такая переработка?

В XVI в., в эпоху обостренной борьбы разных социальных групп из-за монастырских вотчин, подобного рода легенды о монастырских грамотах могли создаваться не в одном Городце, с одной и той же, однако, целью: оградиться от притязаний светской или центральной духовной власти. Такова киево-печерская легенда как-раз той же эпохи о ставропигиальной грамоте Андрея Боголюбского, в виде самой грамоты (подложной) и сохранившаяся.[3] Поводом к возникновенью подобной легенды в Городце могло послужить зачисление его, к середине XVI в., в московские дворцовые села, с соответствующими, должно быть, изменениями в управлении монастырем. Известно, по крайней мере, что Ионина пустынь перестала существовать как-раз в результате какого-то недовольства ею со стороны московской церковной власти.[4] Притязаниям московского митрополичьего (или патриаршего) двора противопоставить „неза-

---

[1] Ср. челобитную 1700 г. (в „Истории Феодоровского-Городецкого монастыря", стр. 70) и следующее место в известной уже родословной Ф. Ступинского: „И тогда прадед наш в той пустой Городец убегаючи, в раменных лесах жйла еще не было, были де только малые пустыньки, Ионина где ныне Спаской погост".

[2] Материалы для истории церквей Нижегородской епархии, вып. II, стр. 69, 70.

[3] С. Голубев. „Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники", т. I, Киев, 1883 г., стр. 254—255 (примеч.).

[4] В челобитной 1700 г. сказано: „и в прошлых же годех ис той пустыни монахи высланы в другие пустыни". См. „История" и т. д. стр. 70. В другой челобитной, 1690 т., сказано: „в прошлых годех той пустыни монахи были под запрещеньем". См. „Материалы", 73.

вистную“ волю легендарного ктитора, Георгия Всеволодовича — таков только и мог быть смысл этой первой переработки древнего летописного отрывка.[1]

Вторая переработка, начала XVII в., в духе светлоярской легенды, и третья, агиографическая (после 1646 г.) рассмотрены выше. Но допущение, что прослеженный литературный процесс своим началом упирается в Ионину пустынь, объясняет также и завершительную в этом процессе роль старообрядческой городецкой часовни, при которой ведь и возник, как мы знаем, Уваровский сборник с единственным известным пока списком „Летописца о убиении“. Выстроенная в 70-х гг. XVIII столетия на земле Спасской приходской церкви[2] (сменившей в 1691 г. упраздненную к тому времени Ионину пустынь),[3] городецкая часовня в наследство от последней могла получить, кроме самого места,[4] также и остатки старинного монастырского архива, среди которых мог оказаться „Летописец о убиении“. А в 80—90-х гг. того же столетия из рук часовенных старообрядцев он переходит в руки появившихся тогда в Городце бегунов и вместе с заузольской „Повестью“ ложится в основу „Книги глаголемой летописец“.

Остается объяснить, что притянуло в наш так сложившийся памятник имя Георгия Всеволодовича.

Прямые отношения к Городцу исторического Георгия Всеволодовича ограничивались пребыванием его там на уделе в 1216 г., после неудачно кончившейся для него Липецкой битвы, и переговорами его там с болгарами после победы над ними в 1220 г.[5] Этими скудными фактами ничего однако в нашей легенде не объяснить. Иначе будет обстоять дело, если обратиться к фактам другого сорта, к агиографической легенде о Георгии Всеволодовиче. Самые ранние ее признаки находим в небольшой „похвале“ ему под 1239 г., в Лаврентьевской летописи. Кроме Лаврентьевской, „похвала“ эта читается еще

[1] Замечательно, что легенда о жалованной охранной грамоте продолжала жить и в сменившей Ионину пустынь старообрядческой городецкой часовне. „Отчет“ Мельникова, op. cit., стр. 168, 169.

[2] Мельников. „Отчет“, op. cit., стр. 167.

[3] Материалы и т. д., вып. II, стр. 68—70.

[4] О котором „раскольники городецкие“, по свидетельству Мельникова, „с самого начала своей часовни стали распускать нелепые слухи“, приписывая ему „особую святость“, „Отчет“, стр. 167.

[5] См. известия под указ. годами в Лавр. и Воскр.

только в Симеоновской, куда попала, как можно думать, из Лаврентьевской же.[1] Такое изолированное положение указанной „похвалы“ делает, во-первых, более чем вероятным принадлежность ее перу самого Лаврентия, и, во-вторых, принуждает в ее дальнейшей судьбе видеть руку московской цензуры. То и другое „похвале“ этой придает особенный интерес. Открывается она явной защитой Георгия Всеволодовича от обвинений в небратолюбии, читающихся обычно в летописном рассказе о приходе Батыя на Рязань;[2] заимствуя затем целую тираду из повести „О убиении Андрееве“, „похвала“ присваивает Георгию обычные в агиографической литературе признаки святости и, наконец, в заключенье перечисляет: „грады многы постави, и церкы многы созда“. Всю „похвалу“ в целом, особенно же эту заключительную ее часть (о градо- и храмостроительстве) нельзя не поставить в связь с основными тенденциями мниха Лаврентия и его вдохновителей: епископа Дионисия и суздальско-нижегородского великого князя Димитрия Константиновича (отца Кирдяпы). Политическому соперничеству с Москвой князя Димитрия сопутствовала в годы составления Лаврентьевского свода чисто клерикальная оппозиция епископа Дионисия узко-московским тенденциям тогдашней митрополии. То и другое несомненно и нашло себе отраженье в указанной „похвале“. Она явно рассчитана на канонизацию князя, деятельность которого прямо будто бы подготовила независимость Суздальско-Нижегородского княжества той эпохи, когда „похвала“ написана: „грады многы постави паче же Новгород вторый“, т. е. Нижний-Новгород, стольный город князя Димитрия, приравненный тут не без умысла к Новгороду Великому.[3] Затем: „И посиде в Володимере на отни столе лет 20 и 4“. От Новгорода „второго“ как бы протягивается нить к Владимиру, великокняжеской столице, из-за которой Дмитрий Нижегород-

---

[1] Или может быть из хронографа одной из недошедших до нас редакций, использовавшей Лаврентьевскую.

[2] Ср., напр., в московской академической летописи: „князь же Юрьи сам не иде, ни послуша князь Резаньских мольбы, но хотя сам особь брань створити. Ино уже бяше божию гневу не противитися“ и т. д. Место это, читающееся в Новгородской первой и в ряде других летописей, принадлежит к одной из старших редакций соответствующего летописного рассказа, и отсутствие его в Лавр. конечно не случайно.

[3] Вспомним известные уже нам связи с Новгородом суздальско-нижегородских князей.

ский боролся тогда с Москвой. Словом, вчитываясь в „похвалу“ „чюдному князю Юрию“, вышедшую из-под пера мниха Лаврентия, как бы присутствуешь при возникновении областного средневекового патроната, с заранее очерченной сферой ожидаемого покровительства. Сфера эта — знакомая уж нам (в завершительных ее фазах) борьба суздальско-нижегородских князей (и такого их соратника, как Дионисий) за первенство над Москвой. Характерен с этой точки зрения, своей полной противоположностью, взгляд на дело самой Москвы; известна безмерно осудительная характеристика Георгия Всеволодовича в так. наз. Чудовской (московской) редакции жития Михаила Черниговского;[1] известно и то, как долго отказано было князю Георгию в общецерковной канонизации (зависившей с середины XV в. наполовину от московского князя). Отсюда, с другой стороны, понятно, почему в городецкой Иониной пустыни, в XVI в., в поисках защиты от московской церковной власти, понадобилось постройку монастыря приписать Георгию Всеволодовичу: это соответствовало основным признакам местного его культа, чтившего в нем прежде всего строителя суздальско-нижегородских городов, церквей и монастырей, а в качестве уж такового и охранителя их. При таком характере культа естественно было, в поисках покровительства, приписывать патрону постройки, в действительности выполненные не им и не при нем. И светлоярским „городком“ Юрия Кирдяпина такое присвоение, конечно, не ограничивалось. Уже в „похвале“ Лаврентия с этой стороны обращают на себя внимание, некоторой своей загадочностью, слова: „грады многы постави“. Почему „многы“, если летописи знают только один, — Нижний Новгород (действительно выстроенный Георгием Всеволодовичем)? Ответ может быть только тот, что Георгий Всеволодович в XIV уже веке чтился как градостроитель по преимуществу, а потому и присваивал себе уже тогда, в целом ряде местных легенд, постройки, фактически принадлежавшие не ему. Что в числе этих, упоминаемых Лаврентием „градов многих“ подразумевался уже тогда Городец, — сомненью не подлежит (как увидим ниже). Светлояр же подразумеваться, конечно, не мог, раз легенда о нем опирается на факты XV лишь века. Легенды о градо-

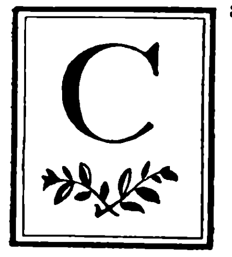
---

[1] Н. И. Серебрянский. „Древне-русские княжеские жития“, стр. 133—139 „Тексты“, 81—82.

строительстве Георгия Всеволодовича могли, как видно, и не ограничиваться китежской легендой в собственном смысле,[1] да и в пределах этой последней светлоярским преданьем вопрос не исчерпывается, раз Городец — Китеж Малый — мог носить это названье (судя по летописному отрывку 1164 г.) в XII уже веке, мог затем иметь собственную легенду (судя по „похвале“) задолго до возникновения легенды на Светлояре. В истории китежской легенды встает таким образом вопрос о до-светлоярской ее основе.

[1] Другие подобные легенды о нем известны еще в Нижнем Новгороде и в Юрьевце (древнем пригороде Городца). См. Полн. собр. соч. П. И. Мельникова, т. VII, стр. 512; Истор. вест., 1906 г., кн. 10 (т. CVI), стр. 262.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Самое званье „Малый Китеж“ в летописях общеизвестных не встречается ни разу нигде; там Городец волжский, начиная с известий 1172 г., называется или, как и теперь, просто „Городец“ (иногда „Городок“) или же носит еще дополнительное званье „Радилов“. Это не дает, однако, права за легендарным теперь названьем „Малый Китеж“ совершенно отрицать в прошлом топонимическое значенье.

Слово „городец“ (уменьшительное к „город“), как и обычный его в летописях вариант („городок“), было в древнерусском языке нарицательным и имело несколько различных значений. Одно из них — значенье младшего или меньшего города, пригорода при городе старшем и главном, господствующем. Вот красноречивый пример этому в рассказе „Повести временных лет“ о начале Киева и легендарном его основателе, Кие: „Идущу же ему вспять (от Царяграда в основанный уже прежде Киев) приде к Дунаеви, возлюби место, и сруби градок (вар. городок) мал, хотяше сести с родом своим, и не даша ему ту близь живущии, еже и доныне наричють Дунайци, городище Киевець“. Т. е. „наричють“ во времена летописца так же, как нарек свой городок яко бы сам строитель. „Городок“ (то же что „городец“) и здесь, как видим, сохраняет еще значенье нарицательного уменьшительного от „город“, что подчеркнуто прилагательным „мал“ и чему соответствует, кроме того, особое имя собственное, уменьшительное от имени собственного старшего города — Киевец, Малый Киев.[1] Кроме Киевца лето-

[1] Ср. в былинах:

„Чурила живет не в Киеве
„А живет он пониже Малого Киевца“. (Кир., вып. IV, стр. 81.)

Или еще: „Не довлеет ти, Чурилы, жить во Киевце,
„А довлеет жить ти во Киеве“. (Рыбников II, № 168.)

писи знают еще и Ростовець, т. е. Малый Ростов, существованием которого в названии самого Ростова объясняется эпитет „Великий“.[1] Можно вспомнить еще Малоярославец, Дмитровец и т. д. Эти аналогии делают вероятным, что и в интересующем нас случае исконно нарицательное „городец“ искони же предполагало какое-то имя собственное, уменьшительное по форме или по смыслу, что и придает известную авторитетность местному названию „Малый Китеж“, не говоря уже о том, что название это встречается в восстановленном летописном отрывке под 1164 г. А отсюда с необходимостью вытекает, действительно, допущение, что существовал когда-то и где-то также и „больший“ город с одноименным названьем, подобно тому как Киевец или Ростовец не могли возникнуть иначе, как только вслед за Киевом и Ростовом. Вопрос лишь в том, где же искать этот до-светлоярский „Китеж Больший“. Путеводной нитью должно послужить самое слово „Китеж“.

Форма „Китеж“, встречающаяся в рукописях не старше XVIII в., древней признана быть не может. Начнем с ударенья, которым наделяется обычно теперь первый слог (Ки́теж). Такое ударенье присвоено слову „Китеж“ едва ли не Мельниковым-Печерским и окончательно узаконено Бельским, автором текста к музыкальному „Сказанию“ Римского-Корсакова: в 1862 году Бессонов, напротив, отметил, что „народ произносит Китéж“.[2] Обращаясь к фонетическому составу слова, встречаемся, прежде всего, с любопытными его вариантами, сохранившимися в некоторых списках „Книги глаголемой летописец“. В списке Гацисконо, вместо обычного в других списках „Китеж“, находим „Кидеж“, от корня Кид.[3] А в сообщении Трефолева, пересказывавшего тоже какой-то список „Книги глаголемой летописец“,[4] варируется последний согласный: вм. „Китеж“ находим здесь „Китеш“; ту же форму два раза встречаем в списке Титова; наконец, третий вариант, объединяющий собой два предыдущие — „Кидаш“ — особенно показателен. Это — названье речки в Белебейском уезде б. Уфимской губернии, а вместе и распо-

---

[1] С. М. Соловьев. „История России“, т. I, стр. 23, примеч. 1.

[2] Песни, собр. П. В. Киреевским, вып. 4, стр. CXXII.

[3] „Нижегородский Летописец“. Работа А. С. Гациского, Н.-Новгород, 1886, стр. 8, примеч.

[4] Труды Яросл. статист. ком., 1866 г., вып. 1.

ложенного близ нее старообрядческого села, лишь официально называвшегося „Верхне-Троицкий завод".[1] Русское население явилось сюда, как и в близлежащее село Усень-Ивановский завод, в 1760 г. как-раз из Городца на Волге.[2] Восстанавливая таким образом более древнюю форму названья „Китеж", этот уфимский „Кидаш", названный так, конечно, в память оставленного переселенцами Городца, красноречиво говорит о давней и широкой популярности такого названья Городца среди городчан. В нем позволительно поэтому видеть фонетический прототип слова „Китеж", избегший перехода в эту новейшую форму благодаря изоляции, отрыву от родной почвы Городца и Заволжья, где легенда продолжала изменяться на всем еще протяжении XVIII в., а соответственно изменилось и связанное с ней имя города.[3]

Итак, в XVII в. вместо „Китеж" в Городце произносили „Кидаш" или вернее „Кидеш", — если принять во внимание указанные переходные формы („Кидеж" и „Китеш").[4]

Но город „Кидаш" давно уж известен исследователям русских былин. Он (или его варианты „Кидиш", „Кидош") упоминаются в некоторых пересказах былины о первой поездке Ильи Муромца. Кроме того, в былине о Суровце Суздальце упоминается еще „славный город Покидош". Тождество этих былинных городов с городами заволжской легенды для исследователей былин до сих пор оставалось нерешенным вопросом. Прямо это высказал еще акад. А. Н. Веселовский. „Тожествен ли этот Покидош с городом Кидишем или Кидашем одной былины

---

1 Список населенных мест по сведениям 1870 г. Уфимская губерния. Изд. Центр. стат. ком. мин. вн. дел. Обработан редактором В. Зверинским, СПб., 1877 г., стр. 41, 43, 45, 47.

2 Д. К. Зеленин. „Черты быта Усень-ивановских старообрядцев, Изв. Общ. археол., истор. и этногр. при Казанском университете, т. XXI, вып. 3, 1905 г., стр. 203—204. В статье Д. Н. Малина „Археологическая поездка по Уралу" та же речка носит названье К и д ы ш. См. „Древности", т. XV, вып. 1, 1894 г., „Протоколы", стр. 100.

3 Для XVIII в. форма „Кидаш" (в названии указанной реки Уфимской губернии) засвидетельствована. См. „Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском „Наместничестве" в „Древней Российской Вивлиофике" Новикова (изд. второе, ч. XIX, М., 1791 г. стр. 66, 76—77).

4 Форма „Кидеш" (вм. „Китеж") известна была и Меледину, впервые сообщившему в печати предания Светлояра. См. „Песни, собр. Киреевским", вып. 1, стр. 79, прим. 2. Но господствует у него форма „Китиж"; см. op. cit. вып. 4, стр. CXIX и сл.

о Муромце (Кир., 1, № 1, стр. 79, стихи, 92—93, стр. 82, стихи 200—201), с Большим или Малым Китижем Нижегородского предания... — я не знаю".[1]

Так же неуверенно, и притом дважды, высказался по этому вопросу акад. Вс. Ф. Миллер: „Следует сказать... несколько слов о двух пересказах (былины о первой поездке Ильи Муромца), в которых город, освобожденный Ильей, называется не Черниговым, а Кидишем или Кидошем, именем, напоминающим легендарный град Китеж... Можно предположить (но не быть уверенным), что легендарный город Китеж был подставлен в былину на место Себежа, с которым Китеж представляет некоторое звуковое сходство".[2]

Эта неуверенность, поскольку речь идет о тождестве былинного Кидиша и легендарного Китежа, лишена теперь, как видим, каких бы то ни было оснований, с тою лишь оговоркой, что формы „Кидиш", „Кидош" старше, как выяснилось, чем форма „Китеж" и следовательно „звуковое сходство" Себежа с Китежем роли играть не могло: „Кидиш" попал в былину, очевидно, в то еще время, когда город заволжской легенды именно так и назывался; форма же „Китеж" возникла позже. Что же касается формы „Покидош", то возникновением своим она обязача, конечно, так наз. народной этимологии, что и роднит ее с формами „Кидаш", „Кидеш"; эти последние, несомненно, осмыслялись, в контексте легенды, по ассоциации с глаголом „кидать", как названье разоренного, брошенного всеми города; от слова „Кидаш" или „Кидеш", при таком осмыслении его „внутренней формы", естественен был, в процессе поэтизации, переход к более выразительной форме „Покидош", как и самый глагол „кидать" в интересующем нас значении конкретизируется производным „покидать".[3]

Обратимся же к былинам, упоминающим этот город Кидаш-Китеж и опоэтизированный его вариант „Покидош". Былин

---

[1] Южнорусские былины, стр. 76.

[2] Очерки русской народной словесности, т. III, изд. 1923 г., стр. 112—113; см. также „Очерки", т. II, 1910 г., стр. 72.

[3] А, с другой стороны, когда этот исконный в легенде мотив (города брошенного) вытеснен был, под влиянием идеологии бегунов, мотивом города „сокровенного", „внутренняя форма" слова „Кидеш" должна была потускнеть, а потускнев, перестала охранять слово от действия аналогии со стороны слов, оканчивающихся суффиксом — еж, отсюда „Китеж".

об Илье Муромце, упоминающих „Кидаш“ и „Кидиш“, пока известно только две; одна записана в Шенкурске Архангельской губернии (см. Кир., I, 77—86); другая — сибирская (барнаульская; см. „Былины старой и новой записи“, т. II, стр. 1—7). Обе они, в последнем томе „Очерков“ Вс. Ф. Миллера, отнесены к поздним и плохим пересказам, не ранее XVII в.; и таким образом замена исконного (как доказывает Миллер) Чернигова (освобождаемого богатырем от вражеской рати) городом Кидошем-Кидашем, наряду с целым рядом других подобных замен в той же былине (городом Кряковым, Бекешевцем, Бекетовцем, Бежеговым, Смолягиным и т. д.), говорит прежде всего об известной эпической популярности города Кидаша (Китежа) в тех районах географического распространения былины, где указанные ее пересказы записаны. Для сибирского варианта вполне уместно допустить в этом смысле известное посредничество бегунов и, может быть, уфимских переселенцев из Городца, куда, следовательно, и приводит нас снова былинный „Кидаш“. В наших топографических поисках до-светлоярского Китежа „большего“ он таким образом бесполезен. Стоит впрочем отметить одну любопытную тут подробность: к барнаульской былине, с Кидошом вместо Чернигова, из всех других довольно многочисленных записей „Первой поездки Ильи Муромца ближе всего стоят, по некоторым деталям в сюжете данного эпизода, четыре северных записи (Ефименка, Маркова и Григорьева), в которых город, освобождаемый от врагов Ильей Муромцем, носит следующие названия: Малый Киев — в одной [Григорьев I, № 2 (38), стр. 160—161], Малый Чиженец — в трех (Тихонравов и Миллер II, № 5, стр. 9—13; Марков №№ 68, 107) и еще, кроме того, Чижем (Марков № 107). Разительные совпадения всех четырех былин между собой как-раз в интересующем нас эпизоде не позволяют сомневаться, что приведенные названия города все восходят к какому-то общему им всем прототипу. Если попытаться восстановить его, то окажется, что из четырех его искажений два наделены эпитетом „Малый“, а два другие — уменьшительные по форме. Эпитет „Малый“ не мог, следовательно, не сопровождать и отыскиваемый прототип; самое же название, перевранное, с одной стороны, в Киев, с другой — в Чижем и Чижен, едва ли было не Китеж, равно как и „мужики малокиевцы“ или „малочиженцы“ — едва ли не „малокитежцы“, т. е. городчане.

Но обратимся к былинам о Суровце-Суздальце и географически неопределенном пока Покидоше. Из пяти записей этой былины лишь одна, правда, говорит о поездке богатыря „ко городу Покидошу“; зато три из них, в том числе и та, которая упоминает Покидош, говорят единогласно о суздальском происхождении богатыря.

В варианте Кирши Данилова, где как-раз и встречаемся с „славным городом Покидошом“, богатырь назван

„Суровец богатырь, Суздалец,
„Богатого гостя Заморенин сын.

Кирша Данилов (изд. 1901 г.), стр. 116.
Кир., вып. III, прилож., стр. VIII—X.

В следующей по старшинству записи (напечатанной впервые в Новиковском Песеннике 1780 г.) рассказывается, что

„... жил на Руси Суровец молодец,
„Суровец богатырь, он суроженин,
„По роду города Суздаля...

Кир., III, стр. 110.

Третья запись, Симбирской губернии, называет богатыря

„Суровец богат сам Суздалец“

Кир., III, стр. 107.

И, наконец, только четвертая запись, Минусинского округа Енисейской губернии, умалчивает о суздальском происхождении богатыря, называя его только

„Суровец богатырь сын Иванович“

Кир., IV, прилож., стр. XXVII—XXIX.

Шаблонное отчество „сын Иванович“ конечно заменило собою здесь указанье на суздальское происхождение Суровца, что вполне объяснимо местом записи варианта, слишком удаленным от Суздаля, чтоб там могли о нем помнить (ср. в этой же записи „Неву реку“ вм. предполагаемой Непры). Тоже и в пятой записи (Нижегородской губ.) эпитет „суздалец“ отсутствует лишь потому, что запись плохая, и вместо Суровца-Суздальца в ней оказывается „Сурова Сурога Суравесть богатырь“. См. Тихонравов и Миллер „Русские былины старой и новой записи“, отд. II, № 65, стр. 237.

Итак, суздальское происхождение богатыря рассматриваемой былины — признак отнюдь не случайный, а, напротив, весьма устойчивый.[1]

За Суздалем в былине о Суровце-Суздальце приходится признать таким образом все права на географическую показательность относительно места возникновения былины. Отчасти подтверждается это и географическим распространением немногих известных нам ее пересказов. Сибирь, Урал и Среднее Поволжье — вот район, где сделаны были записи этой былины. Северный край вовсе ее не знает. Но среднее Поволжье откуда, видимо, и проникла она далее на восток, искони связано было с Суздальщиной. Все это и подводит вплотную к ответу на вопрос, где же искать упоминаемый в нашей былине „славный город Покидош". Ответ предуказан еще Веселовским: „Тожествен ли этот Покидош с городом Кидишем и Кидашем..., с Большим или Малым Китижем нижегородского преданья — я не знаю", — говорит он; и затем прибавляет: „Поводом к отождествлению могла бы послужить лишь уверенность, что Суровец-Суздалец, действительно, из Суздаля, и что Покидоша следует искать где-нибудь поблизости".[2] Именно такие поиски вблизи Суздаля сразу же и приводят в одно из пригородных его сел, по имени К и д е к ш а.[3]

Село это небезызвестно в истории русского зодчества: сохранившаяся в нем доныне Борисоглебская церковь — самый

---

1 Вопреки мнению акад. А. Н. Веселовского, видевшего в эпитете „суздалец" искажение исконного „сугдалец". См. его „Южнорусские былины", стр. 69—71. Но форма „сугдалец" (от „Сугдея") едва ли, во-первых, возможна с точки зрения языка (скорей можно было бы ожидать „сугдеец" или „сугдеянин"), а во-вторых, предполагаемая замена ее „суздальцем" была бы единственным примером такого применения в былинах Суздаля, в качестве топографического loci communis, что тоже говорит не в пользу гипотезы Веселовского. После возражений Вс. Ф. Миллера (в I томе „Очерков") гипотеза эта (о богатырях-сурожанах) нашла себе некоторое фактическое подтверждение в статье В. Ф. Ржиги „О Чуриле Пленковиче" (в „Известиях" ОРЯС Акад. Наук, 1923 г., т. XXVIII), что никак, однако, не распространяется на самую этимологию „сугдалец" > „суздалец".

2 Южнорусские былины, стр. 77.

3 В „Списке населенных мест по сведениям 1859 года" (т. VI, „Владимирская губерния", Изд. Центр. статистич. ком. мин. вн. дел, обработан редактором М. Раевским, СПб., 1863 г.) под № 5051 значится: „По большой дороге из г. Суздаля в г. Ковров Кидекша, село казенное, при речках Нерли и Каменке, 5 верст от Суздаля".

ранний образец владимиро-суздальского архитектурного стиля, и, таким образом, родина этого стиля—не Суздаль и не Владимир а Кидекша.[1] В летописях Кидекша упоминается несколько раз.

Под 6660 (1152 г.) некоторые летописи (Новгородская 4-я, Воскресенская, Типографская, Степенная Книга), сообщая, что „Юрьи Володимеричь в Соуздальскои земли многи церкви създа“, упоминают затем, при их перечислении, в первую очередь „церковь каменоу святых мученик Бориса и Глеба“ „на Нерли“ или, точнее, „на реце на Нерли в Кидекши“.[2]

В других летописях (Переяславля-Залесского, Лавр., Радзивилл., Академической, Ипат., Тверск., Ермолинск., Типогр., Львовск.) то же известие читается под 6667 (1159) г., по поводу погребения одного из сыновей Юрия Долгорукого, Бориса, „в церкви святою мученику на Нерли в Кидекши“, — „юже бе создал отец его Гюрги“; узнаем при этом любопытную подробность о самой Кидекше: „на Нерли идеже бяше становище святаго Бориса“; или (в других): „святою мученику Бориса и Глеба“;[3] в Степенной это пояснено так: „совокупное святых мученик становище егда в Киев хожаху Борис от Ростова, Глеб же от Мурома“.[4] В третий раз Кидекша упоминается (в летописи Переяславля-Залесского, в Лавр. и сходных, в Тверск., Львовск., Никоновск.) под 6710 (1202) или смежными с ним годами. Тут, в Кидекше скончалась „и положена бысть в церкви Бориса и Глеба подле отца и матери“ дочь князя Бориса Юрьевича, Евфросинья.[5] Как видно отсюда, не только сам этот князь, но и его жена,[6] а затем и дочь тоже погребены были в Кидекше.

---

[1] Голубинский. „История русской церкви“, т. I, стр. 279; Прохоров. „Христианские древности“, 1875 г., стр. 52—60; Покровский. „Памятники. христианской архитектуры“, стр. 62; „Древности“, т. VI (1876 г.), стр. 22 (протоколы); XIII (1889 г.), стр., 47, 94, 107; XV (1894 г.), стр. 6, 116; Милий Достоевский. Суздаль. Под ред. И. Н. Бороздина (изд. „Образование“), стр. 19—21. „Почти вся история России прошла над куполом Борисоглебской церкви“, говорит последний исследователь (op. cit., 19).

[2] П. С. р. л., тт. IV, VII, XXIV (под 6660 г.), т. XXI (первая половина), стр. 192.

[3] П. с. р. л., тт. I. II, VII, XV, XX, XXIII, XXIV (под 6667 г); см. также „Летопись Переяславля-Суздальского“, изд. кн. Оболенского, 1851 г., стр. 73.

[4] П. с. р. л., т. XXI (первая половина), стр. 191.

[5] П. с. р. л., тт. I (под 6710 г.), X (под 6709 г.), XV (под 6711 г.). XX (под 6710 г.); также в „Летописи Переяславля“ (op. cit., стр. 105).

[6] Судя по сохранившейся до сих пор надгробной надписи, княгиня Мария, скончавшаяся 15 апреля 1161 г. (См. Милий Достоевский, „Суздаль“, стр. 20).

В последний раз Кидекша упоминается в летописях под 6747 (1239) г. (в Лавр. и Ник.), тотчас после известий о татарском нашествии: „Того же лета священа бысть церквь Бориса и Глеба в Кидекши, великим священьем, на праздник Бориса и Глеба, священным епископом Кириллом“.[1] От разгрома она таким образом уцелела... Но позже о Кидекше летописи молчат.[2] Другие о ней исторические данные еще более скудны. Надпись „на древнем колоколе“ Борисоглебской церкви с датой: „В лето 7066“ (1558) и с упоминанием Вознесенского Печерского монастыря в Нижнем Новгороде[3] может служить указанием, как давно Кидекша стала вотчиной упомянутого Нижегородского монастыря, о чем имеются и позднейшие сведения. Для нас ценнее впрочем сведения о монастыре в Кидекше более ранние. Косвенное указание на существование там Борисоглебского монастыря в первой половине XV в. находим в дарственной грамоте княгини Марии, супруги Суздальско-Нижегородского князя Даниила Борисовича (в иночестве Марины) Суздальскому Спасо Евфимиеву монастырю на село Омуцкое (теперь Омутецкое) близ Суздаля; тут в числе свидетелей княгиня упоминает: „да отец мой душевный Герман игумен Борисоглебский“ (см. „Акты исторические“, т. I, стр. 57). Ближайший и к Спасо-Евфимиеву монастырю, и к селу Омуцкому монастырь Борисоглебский только и мог быть как-раз в Кидекше. Одна из надгробных надписей в Борисоглебской церкви: „лета 7114 (1606)... преставись раб божии князь и старец Исаия Петров“,[4] указывает, что и в XVII в. древняя эта церковь все еще по своему назначению была чем-то в роде княжеской усыпальницы. Еще одна надпись, — на „стильном евангелии старинной печати 1649 года“,—датированная: „лета 7157 месяца декабря в 29 день“[5] упоминает „архимандрита Германа“ и „строителя черного священника Еуфимия“, откуда видно, что к середине XVII в. Борисоглебская церковь в Кидекше продолжала быть монастырской. Сохранилась, наконец, среди „письменных документов суздальской консистории“,[6] любопытная переписка 70-х гг. XVII столе-

---

1 П. с. р. л., т. I и т. X (под 6747 г.)

2 Упоминания Кидекши в летописях западнорусских заслуживают особого рассмотрения; о них, поэтому, речь впереди.

3 „Суздаль“, стр. 21.

4 Ibid., стр. 20,

5 Ibid., стр. 21.

6 Ibid., стр. 20,

тия об исторических достопримечательностях этого монастыря в Кидекше. Суздальский воевода Тимофей Петрович Савелов доносил епископу Суздальскому Стефану в 1675 г.: „Ведомо тебе государю чиню: в нынешнем 7183 годе апреля в 10 день ездил я по обещанию Печерского монастыря что в Нижнем Новгороде в приписной Кидекоцкий монастырь помолиться, и как я был в церкви и тоя церкви поп Григорий указал мне гробницу каменну на правой стране вошед в церковь, а на гробнице проломано, и я дерзнул со свещею в гробницу посмотреть и в той гробнице лежат мощи, кости целы, а на мощах одежды с аршин, белою тафтою покрыто, а поверх лежит неведомо какая одежда шитая золотом будто по банбереку (байберету), на ней же вышито золотом орел пластяной одноглавной, а от того, государь, орла пошло на двое шито золотом же и сребром узорами, еще знать. А по сказке тоя церкви попа Григория, и того монастыря старожилов, что де в той гробнице лежат мощи великого князя Бориса Юрьевича суждальского, а та де гробница проломана от раззорения в древних годех. И то государь знатно, что те мощи непросто лежат, от древних великих лет кости нетленны и одежда знать... Да пред меня же клал тоя церкви поп Григорий из Степенной и из летописные книги выписку, какова у них в церкви с житием великих мученик Бориса и Глеба...[1] Да из книги гранографа выписано: в лето 6567 преставился князь Борис Юрьевич, и положен в Кидекши, его же отец его созда. И против, государь, тоя выписки, и из Степенной, и из летописной книги выписывал, и с тою выпискою справливал, и против той выписки, что поп Григорий пред меня клал, сошлось подлинно; и о том я тебе великому архиерею божию возвещаю". Вслед за воеводой писал о том же епископу Стефану (тоже в 1675 г.) монах Иоасаф. А сам епископ Стефан отписывал в Москву, — сперва царю Алексею Михайловичу, позже — царю Федору. Из письма к Федору Алексеевичу видно, что представляла тогда из себя Кидекша. „... В той государь, церкви положен сын его (Юрия Долгорукого) благоверный великий князь Борис Георгиевич Суждальский... и иных благоверных великих князей мощи в каменных гробницах, и подобия их в той церкви на стенах шаровных строением воображены, и доныне знать;... а того... монастыря вотчинами

[1] Следует выписка из „Степенной".

всякими и угодьями владеют из Нижнего Печерского монастыря архимандрит с братиею, и нарицают тот монастырь сельским званием... А исконно, государь, ваше богомолие государское общежительный монастырь, и вотчины к нему даны для поминовения, государь, а ныне в том монастыре Кидекоцком... игумена и братии, кроме одного старца, который присылается из Печерского монастыря для хлебной пахоты монастырской, не имеется,... вели государь в суждальский уезд пустой Кидекоцкой монастырь с вотчинами отдать в суждальскую архиепископию и построить общежительство". Просьба осталась, видимо, неисполненной, „понеже", добавляет от себя сообщивший эти документы суздальский историк XVIII в., Анания Федоров, „той монастырь и ныне во опустении".[1] Действительно, в „Ведомости о монастырях", составленной по указу синода от 1741 г., он значится (под названием: „Приписной к Нижегородскому Печерскому монастырю Борисоглебский Кидекотский монастырь") без единого уж монаха, а только с „служителями бельцами": двумя конюхами, „земским дьячком" и скотником. См. „Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительств. синода", т. XXI, СПб., 1913 г., стр. 949—950, 1008. В книге Александра Ратшина („Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях в России", 1852 г.) этот „Кидешский или Кидекоцкий" монастырь упомянут уже в числе „уничтоженных", причем указано: „когда же обитель сия упразднена, неизвестно".[2] Произошло это, видимо, при Екатерине II, когда введены были так наз. монастырские штаты. Ныне Борисоглебская церковь сохраняется в качестве уж музея.

Собранные нами данные, при всей их скудости, все же свидетельствуют бесспорно, даже с первого на них взгляда, об известной примечательности этой Кидекши; древнее предание о бывшем тут становище; начало владимиро-суздальского зодчества в XII в.; спасенье церкви от Батыя, для современников едва ли не чудесное; и, наконец, в XVII уже веке, так живо засвидетельствованный приведенной перепиской археологический интерес к местным древностям опустелого с годами монастыря,

---

[1] Временник имп. моск. общ. ист. и древн. росс., кн. 25. М., 1855 г., стр. 91—94.

[2] Op. cit., стр. 45.

к этим древним гробницам забытых князей, имена и лица которых отыскивают по сохранившейся в церкви летописи и по стенным „подобиям“— все это, само уже по себе, позволяет предугадывать в Кидекше объект народной поэтизации. Но чтобы действительно сблизить ее с легендарным Китежем Большим и былинным Покидошем, необходимо, прежде всего, обратиться к самому названию „Кидекша“.

Кидекша[1] — разумеется, слово не русское, как и большинство наших исконных географических названий. Подобных названий с окончанием — кша на нашей карте найдется немало.[2] Русской языковой среде эти сочетания (в окончании) согласных (кша) были чужды. До падения глухих между „к“ и „ш“ старались, видимо произносить глухой, на что указывают приведенная форма „Кидекъша“ и получившееся от нее позже прилагательное „кидекоцкой“ (из „кидекъшьскый“). Но после падения глухих освоение этих чуждых сочетаний (кша) выразилось в том, что согласные—кш —стали подвергаться перестановке. Такого, видимо, происхожденья форма „Шедашка“, встречающаяся в летописи Лаврентьевской.[3] В Никоновской летописи указанной переделке подверглось название реки „Колокша“, известное и из других летописей; на ряду с неискаженной формой на — кша, в Никоновской встречаем несколько раз форму с перестановкой согласных (на — шка): „на Колошке“, „на ту страну реки Колошки“, „на другой стране реки Колошки“.[4] В этих перестановках руководились, думается, аналогией русского суффикса — ка уменьшительного значения (в таких словах, как „матушка“, „девушка“, „рубашка“, „чашка“) или в производных женского рода от основной формы мужского (в таких словах как „букашка“, „кошка“, „ляшка“ от „лях“, „кот“ и т. п.). Как бы то ни было, форма с указанной перестановкой засвидетельствована и для нашей „Кидекша“. Известие 6710 г. в основном списке Львовской летописи читается так: „преставися Борискова княгини в Кидешки“, — при форме без перестановки

---

1 „Кыдекша“ — в летописи Переяславской; „Кидекъша“ — в летописях Радзивилловской и Академической.

2 Ср. Перекша (Моск. губ.), Шилекша, Колакша (Владим. г.), Шилокша, Икша, Ялокша (Нижег. губ.), Шокша, Шармакша (Костр. губ.), Варакша, Какша (Костр. и Вятск. губ.), Пекша, Солокша, Селекша (Вятск. губ.) и др.

3 Под 1206 г.; „до рекы Шедашкы“ и „на реце Шедашце“.

4 П. с. р. л., т. X, стр. 4.

(„в Кидекши“) в одном из дополнительных списков.[1] Никоновская летопись почти узаконяет именно форму с перестановкой; известие о кончине Евфросинии Борисовны[2] здесь в нескольких списках (П,О,Н,Б,Т и Л) читается так же, как в основном списке Львовской: „преставися княгини княже Борисова Ефросиниа в Кидешки“;[3] форма „Кидешка“ полагается затем в основу дальнейших новообразований при помощи русского суффикса — ин. Известие 6747 г. в большинстве списков Никоновской летописи читается так: „церковь святых мученик Бориса и Глеба в Кидѣшкине“, с вариантами: „в Кидишкине“ (список П.) и „в Кидешкине“ (список Голицинский).[4] Новый суффикс (—ин, притяжательного значенья в производных от слов женского рода), присоединенный здесь к слогу — шка, полученному в результате перестановки кша $>$ шка, подчеркивает, как-будто, отмеченное выше осмысленье этого слога — шка. Но в таком случае аналогия должна была действовать и в обратном, так сказать, направлении: в области топонимики производные уменьшительные женского рода на — ка очень часто предполагают основную форму названия мужского рода без этого суффикса; какая-нибудь „Курмышка“ (название реки) предполагает рядом „Курмыш“. Формы „Кидешка“, „Кидишка“, при указанном их осмыслении как уменьшительных, должны были предполагать форму „Кидеш“ (или „Кидиш“). В самом деле, в одном из списков Типографской летописи (из собр. графа Толстого, по рукописи XVII в.) известие 6667 г. (о погребении в Кидекше княза Бориса) читается так: „и положен бысть в церкви святых мученик Бориса и Глеба на Нерли в Кидеши“.[5]

„Кидекша“ и есть таким образом „Кидеш“.

Прослеженный нами переход одной формы в другую относится, впрочем, не столько к Кидекше Суздальской, сколько как увидим, к Городцу на Волге; в названии же Кидекши суздальской он мог совершиться другим путем. Отъименное прилага-

---

1 П. с. р. л., т. XX, стр. 144.

2 В Никоновской помещенное под 6709 г. вм. 6710.

3 П. с. р. л., т. X, стр. 34.

4 П. с. р. л., т. X, стр. 115. Названье „Кидешка“ в Никоновской встречается и еще один раз,— в известии 6713 г.: „и проводиша его (Константина) братиа его, Юрьи и Володимер и вси бояре отца его до реки Кидешки“ (П. с. р. л., т. X, стр. 49). В Лаврентьевской этому соответствует: „до рекы Шедашкы“.

5 П. с. р. л., т. XXIV, стр. 78, прим. 14. См. еще в Львовской летописи, т. XX, стр. 119.

тельное с суффиксом -ьск от архаической формы „Кыдекша“ было „кыдекшьскый“, и после выпадения глухого становилось почти непроизносимым; стечение согласных — кшск — легко могло утратить поэтому „к“, откуда, вместо „кыдекшскый“, должна была получиться форма прилагательного „кы(и)дешскый“ а от этой формы отъименного прилагательного[1] не могло, в свою очередь, не образоваться самое имя „Кидеш“. Что форму „Кидеш“ проще всего было извлечь из отъименного прилагательного от „Кидекша“ (с пропуском одного из согласных)— доказывается чтением „кыдешьшоую цр҇ковь постави“, которое встречаем, рядом с формою „Кидешька“ (вм. „Кидекша“), в „Сказании о верных святых князех роуськых“ в некоторых списках западно-русской летописи.[2] Последнее указание ценно и с хронологической точки зрения: если списки Никоновской и Типографской летописей, содержащие формы „Кидешка“, „Кидеш“ и пр. все не старше середины XVI в., то „Сказание о верных святых князех роуських“ с теми же формами („Кыдешьшая“ и „Кидешька“) читается не только в Супрасльском списке (западно-русской летописи) 1519 г., но и в Никифоровском XV в. Таким образом возникновение интересующей нас формы „Кидеш“ (из „Кидекша“) — явление сравнительно древнее, во всяком случае старше XV в.[3]

Итак, древняя Кидекша стала довольно рано именоваться „Кидеш“, т. е. так же, как до XVII в. включительно должны были называть в Городце легендарный Китеж Больший — с одной стороны, и самый Городец (с прибавлением эпитета „малый“) — с другой. Но ведь в Городце слово „Кидеш“ не осталось голым номенклатурным термином; оно расцвело там в поэтическую легенду. Что соответствует этому в суздальском Китеже (Кидекше)?

---

[1] Весьма, должно быть, распространенной, поскольку в Кидекше был монастырь, который приходилось называть по месту его нахождения.

[2] П. с. р. л., т. XVII, стр. 2. „Кыдешьшоую“ едва ли не из „кыдешьскоую“: „ск“ переписчик легко мог прочесть за „ш“.

[3] Эту же форму („Кидеш“) подразумевал, вероятно, епископ Стефан, упомянув в своем донесении, что „архимандрит с братиею“ (Нижегородского Печерского монастыря) „нарицают тот монастырь (в Кидекше) сельским званием“. Форма „Кидекоцкий“ (из „Кидекошский“, от „Кидекъша“), господствующая в этой официальной переписке, могла, в качестве книжной, существовать рядом с местной народной („сельской“) формой: „кидешский“, на что и обратил, очевидно, внимание епископ.

Местная легенда есть, как оказывается, и тут. Старший из сохранившихся устных ее пересказов находим в „Историческом собрании о богоспасаемом граде Суждале“, составленном в 1754 г. ключарем Ананией Федоровым.[1] Это — записки суздальского старожила и любителя старины. У него под руками были и летописи и некоторые другие документальные данные, как, напр., известная уже переписка воеводы Савелова и епископа Стефана. Но особенно любопытен другой источник „исторического собрания“. Это — устные рассказы „людей живших до 1746 года“, как указывает сам Федоров. Не раз на страницах своего „Собрания“ он называет их по именам. Перед нами таким образом очень, сравнительно, ранняя (середины XVIII в.) запись местных суздальских народных преданий. Но вот что находим мы здесь о Кидекше.

„От Суздаля на восток прямо, три мерных версты от града на берегу реки Нерли... есть село, именуемое Кидекша, вотчина Печерского монастыря, что в Нижнем. О котором селе и именовании его есть повесть словесная такова (о чем показывали бывшие до 1745 года старожилы, Покровского девичья монастыря, что в Суждале, духовник иеромонах Пахомий, кой был в миру попом в селе Киболе; Васильевского монастыря иеромонах Корнилий, кой был в мире попом в селе Константинове; архитектурной палаты ученик Илия Артемьев сын Киприановых[2]). На месте, где ныне в селе Кидекше церковь, близ той церкви был двор великих князей суждальских, загородный, и благоверный князь великий Георгий Всеволодович... восхоте ту на берегу реки Нерли устроити церковь каменную, соборную, и град с крепостью[3] перенести на оное место, но по некоему явлению возбранен бысть, остави то свое начинание, и устрои церковь прекрасну и пречудну каменную соборную, на том месте, где была прежде внутри кремля города,[4] а на том месте (в Кидекше), где хоте крепость городовую устроить и соборную церковь на берегу реки Нерли, устроив из камения, оставшего

---

[1] См. „Временник имп. моск. общ. ист. и древн. росс., кн. 25, М., 1855 г.

[2] Об этом главном своем оповестителе, Илье Артемьеве сыне Киприановых, Анания Федоров сообщает в другом месте „Собрания“, что был он „летами в живых долее осмидесяти лет, и умре в 1743 году“. Op. cit., стр. 61. Его сведения восходят таким образом к XVII еще веку.

[3] Т. е. Суздаль.

[4] Т. е. в Суздале.

от строения соборные во граде Суждали церкви, церковь святых мученик Бориса и Глеба, и монастырь согради на обитание иноков, и прозва то место Кидекша, т. е. покинутое или негодное (до зде от повести словесной)".

Другой аналогичный источник — „Историческое собрание и полное описание знаменитого в древности богоспасаемого града Суждаля", составленное между 1796 и 1800 гг. „секретарем и богомольцем" Вороновым, известное нам лишь в извлечениях, опубликованных (Макаровым) в „Вестнике Европы" Каченовского, в 1821 г. Излагая своими словами вторую часть этого „собрания", Макаров, при перечислении суздальских пригородных сел указывает (под № 12) между прочим и Кидекшу, поясняя в скобках: „кинутое", а в подстрочном примечании говорит: „название Кидекша. Автор (т. е. Воронов) производит от глагола кидать и уверяет, что на сем месте прежде был город (окопы которого и до сих пор видны в самом деле) и после кинут. В сем городе существовал монастырь (о чем также и народное предание не спорит).[1]

Позже встречаемся с тем же преданием о Кидекше („покинутом" месте) в редакторском предисловии к VI тому „Списка населенных мест" (в издании Центр. стат. комитета, СПб. 1863 г.), где оно передано, однако (редактором М. Раевским), в исправленной согласно с летописями версии: вместо Юрия Всеволодовича (как у Анании Федорова) назван здесь действительный строитель Борисоглебской в Кидекше церкви, Юрий Владимирович Долгорукий.[2]

Упоминает, наконец, еще К. Тихонравов (в статье „Борисоглебская церковь в селе Кидекше"), что „о начале Кидеши и таком названии этого селения сохранилось в народе предание";[3] но, передавая его, — лишь повторяет Ананию Федорова.

Это предание о Кидекше — суздальском „Кидеше" — прежде всего бесспорно решает вопрос, где искать „славный город Покидош" былины о Суздальце: народная этимология, угадываемая в основе названия „Покидош", тут как-раз раскрыта вполне. А с другой стороны, суздальское предание родственно несомненно и преданию городецкому.

---

[1] Вестник Европы, 1821 г., ч. CXX, № 20 (октябрь), стр. 291—292.

[2] Op. cit., стр. XLIV.

[3] Труды Владимирск. губ. стат. ком., вып. III, Владимир, 1864 г.

Как в Городце, так и тут — в Кидекше — исторические воспоминания о местном князе-строителе одинаково приурочены, — и одинаково неосновательно с точки зрения исторически достоверных фактов, — к имени Георгия Всеволодовича; в Городце он затенил собою Андрея, в Кидекше — Юрия Долгорукого; и как в Городце, так и тут ему приписывается легендой не одна, а две одновременных постройки, два деяния неразрывно связанных между собой; далее, архитектурный замысел одинаково там и тут обусловлен чудесным событием: в Городце выбор князем Юрием места для постройки приписывали указанию отяжелевшей иконы; в Кидекше — „некоему явлению“ и запрету, о подробностях которого наши источники, впрочем, умалчивают; наконец, мотив запустения и брошенности, присущий, как мы знаем, и городецкой легенде, здесь в суздальской легенде является уже leitmotiv'ом. И тем не менее обе эти легенды вполне обособлены друг от друга: о какой бы то ни было связи Кидекши с Городцом суздальское предание пока умалчивает, подобно тому как и городецкое предание свой „Китеж больший“ локализует не у Суздаля, а на Светлояре. Не забудем, однако, что обе местных легенды, — и суздальская и городецкая, — в доступном нам сейчас виде — не старше XVII в., и, следовательно, могут рассматриваться как membra disjecta одного целого, как обособившиеся друг от друга местные версии предания более древнего, которое приходится предположить, раз и Городец (Малый Китеж) и Кидекша суздальская одинаково назывались „Кидеш“. Это-то предание в старшей версии (XV в.) мы, действительно, и находим в упомянутом выше „Сказании о верных святых князех руських“, дошедшем до нас в Супрасльском и Никифоровском списках западно-русской летописи.[1] „Сказание“ это, сохранившееся в сильно попорченной редакции, представляет собою „степенной“ перечень князей, — от. св. Владимира до Александра Невского, — строивших церкви во владимиро-суздальской земле. Начинаясь рассказом о построении самого Владимира,[2] „сказанье“ и дальше почти исключительное внимание уделяет именно этому городу, так что ростовские, напр., постройки не упомянуты вовсе, не говоря уже о мо-

[1] П. с. р. л., т. XVII, стр. 1—2.

[2] Которое приписано здесь не Владимиру Мономаху (как должно), а Владимиру святому, подобно известиям других летописей, тоже восходящих к своду 1423 г. (Соф. 1-й, Авраамки, Воскр., Тверск., Никонов.).

сковских. Владимирское происхождение „Сказания“ едва ли, поэтому, может внушать сомненья. Но откуда и как попало оно в западно-русский летописный сборник? Литературную историю этого сборника — последовательное возникновение его редакций и основные его источники — наметил, вслед за своими предшественниками, А. А. Шахматов,[1] а исследовал всесторонне Т. Сушицкий.[2] Оба названные исследователя согласны в том, что первая часть сборника, озаглавленная „Избрание летописания изложено въкратце“ и начинающаяся как-раз нашим „Сказанием“ — не иное что, как выборка из общерусского свода митрополита Фотия 1423 г. Что же касается собственно „Сказания“, то вопрос лишь в том, целиком ли все „Сказание“ извлечено было из свода 1423 г. или, напротив, составил его из заимствованных там отдельных известий сам составитель „Избрания“. Шахматов придерживался, видимо, первого взгляда, относя „Сказание“ к числу тех нелетописных статей, которыми, по его мнению, довольно обильно снабжен был общерусский свод 1423 г.[3] Сушицкий, напротив, не делает никакого различия между вступительным „Сказанием“ и дальнейшим содержанием „Избрания вкратце“, т. е. составление „Сказания“ из отдельных известий общерусского свода он приписывает, как-будто, тому же Амвросию, епископу коломенскому, которого предлагает считать составителем всего „Избрания“ вообще (редакции 1428 г.).[4] Могло ли, однако, входить в задачу составителя „Избрания вкратце“, стремившегося при передаче источника главным образом к краткости и потому далеко не щедрого на собственные к нему добавления, — составление особой вводной статьи, специально посвященной истории владимирских церковных построек? Едва ли. Напротив, составление такой статьи для митрополичьего свода 1423 г., „владимирского полихрона“, как он назван был современниками по месту своего возникновения (в кафедральном городе древне-русских митрополитов),

1 „О Супрасльском списке западнорусской летописи“ в „Летописи занятий Археографической комиссии за 1900 год“, вып. 13, СПб., 1901 г., стр. 1—16. См. также „Общерусские летописные своды XIV и XV вв.“ в ЖМНП, 1900 г., № 9, стр. 131—136.

2 Проф. Теоктист Сушицький. „Західно-руські літописи як пам'ятки літератури“ (частина I). „Збірник іст.-філол. від. Укр. Акад. наук, вип. 2, у Киіві, 1921; вып. 2а — русский перевод.

3 ЖМНП, 1900 г., № 9, стр. 139; ibid., 1901 г., № 11, стр. 67.

4 Теоктист Сушицький, op. cit. 104, 118—119, 120—121.

более чем вероятно. „Сказанье“ и было, должно быть, составлено для Фотиевского свода, из собранных во Владимире и его окрестностях церковных и монастырских летописей, в первой четверти XV в. Более раннее возникновение „Сказания“ допустить трудно в виду обильных в нем анахронизмов и генеалогической путаницы; так, при перечислении сыновей Всеволода Большое Гнездо, пятый из них назван здесь „Андреем Суздальским“; — из сыновей Всеволода ни один, однако, Андреем не назывался; под именем же Андрея „суздальского“ может подразумеваться или Андрей Ярославич, брат Невского, или Андрей Александрович, сын Невского (умерший в 1304 г.), либо наконец Андрей Константинович суздальско-нижегородский, старший брат Димитрия и Бориса Константиновичей нижегородских, умерший в 1365 г. и, действительно, отмечаемый в летописях как святой.[1] Но смешать одного из этих князей XIV в. с пятым сыном Всеволода Большое Гнездо едва ли можно было ранее XV в.

Составленное, следовательно, около 1423 г., „Сказание“ в 1428 г., при сокращении „владимирского полихрона“ Амвросием коломенским, не только не было отброшено, но еще и подверглось, видимо, некоторым со стороны Амвросия дополнениям. Разновременные приписки и вставки в тексте „Сказанья“ во всяком случае несомненны.[2] К ним надо причислить и то место, где идет речь о Кидекше и Городце в связи с преданиями о князе Георгии Всеволодовиче, к которым и обратимся теперь.[3]

После рассказа о Всеволоде Большом Гнезде „Сказанье“ перечисляет по очереди шесть его сыновей, последним среди которых тут оказывается Юрий, имя которого (в Супрасльском списке) к тому же пропущено переписчиком: „. . . шесты [в Нкф. прибавлено: «Юрьи»] князь велики Володимерскыи постави церковъ святоую богородицю сборноую в Сюиждали [Нкф. Суждали] а дроугую в Володимери каменоу церковъ о три верхи

[1] См. в Симеоновской под этим годом, П. с. р. л., т XVIII, стр. 103—104.

[2] За вставку надо признать, напр., слова: „святого Дмѣтрея на своемь дворе постави и позолоти“ в следующем контексте: „сии же князь велики. пристави святои богородици съборнои д҃ верхы и позолоти святого Дметрея на своемь дворе. постави и позолоти“. П. с. р. л., т. XVII, стр. 2.

[3] По списку Супрасльскому с необходимыми поправками и разночтеньями из списка Никифорова (Нкф.), который впервые издан был С. Белокуровым. ЧИОИДР, 1898 г., кн. 4 (187-я).

Рожество ст҃ои богородици тои же на Зге [Нкф. Гзе] с Костеньтиномь братомь своимь бися на того Батыи царь приде. и соугна на Сети [Нкф. Сите] на реце. а Кыдешьшоую церковъ постави. Борись Михальковичь. сынь брата Андреева Всеволожя. и сыпа [Нкф. съсыпа] город Кидешьку [Нкф. Кидекшу] тои же Городець на Волъзе. потомь прииде на великое княжение. князь [Нкф. вм. „князь“: в] Володимер из Новагорода из Великого князь Андреи Боголюбскыи“.[1] Этим двойным смешением, — Александра Невского с Андреем Боголюбским (в обоих списках) и названья города („Володимер“) с княжеским именем (в списке Супрасльском) — „Сказание“ и оканчивается. Отмечаем это потому, что подобную же погрешность переписчика необходимо признать в упоминании Бориса Михальковича, с именем которого связано здесь интересующее нас предание.

„Борись Михальковичь сын брата Андреева Всеволожя“ — такого князя наши летописи вообще не знают: Михалко, один из сыновей Юрия Долгорукого, брат Андрея и Всеволода, умер (в 1176 г.) бездетным;[2] выше, перед рассказом о Всеволоде упоминает о нем и „Сказание“, переходя затем к Всеволоду с потомством, так что возвращение к потомству Михалка (если бы таковое и было) явно нарушает здесь выдержанную в „Сказании“ последовательность. И как понимать „брата Андреева Всеволожя“? Михалко, действительно, был братом Андрея и Всеволода; но чтобы так понять эту фразу — между словами „Андреева Всеволожя“ необходим союз „и“; он, однако, отсутствует, благодаря чему „Всеволожя“ согласуется не с „брата“, а с „Андреева“, как отчество упоминаемого тут Андрея.[3] Чтение надо, как видно, признать явно испорченным позднейшими осмыслениями какой-то основной первоначальной ошибки. Усматриваем ее в том, что имя „Борись Михальковичь“ (после слов: „Кыдешьшоую церковъ постави“) переврано переписчиком из имен святых Бориса и Глеба, которым церковь посвящена и которые в этом именно месте „Сказания“ не могли не быть упомянуты, подобно тому как и во всех других случаях „Сказание“ точно указывает, чьей именно памяти посвящена цер-

---

[1] П. с. р. л., т. XVII, стр. 2.

[2] А. В. Экземплярский. „Великие и удельные князья северной Руси в татарский период“, т. I, СПб., 1889, стр. 277—278 (примеч. 496), 325.

[3] Не стоит ли это все в связи с вымышленным пятым сыном Всеволода, упоминаемым непосредственно перед рассматриваемым отрывком.

ковь, о которой в нем идет речь („постави церковъ каменоу святого Спаса“, „постави святого юръя“ и т. п.). После слов: „кыдешьшоую церковь постави“ читалось, видимо: „Бориса и Глеба“ или „Борису и Глебови“. Искажение же этих имен в княжеское имя „Борись Михальковичь“ вызвано, видимо, тем, что имя „Юрьи“ в одном из предшествующих списков было пропущено (как и сейчас отсутствует в списке Супрасльском, представляющем собою более старшую редакцию западно-русской летописи, чем список Никифорова). Не находя имени князя, о котором в этом месте „Сказанья“ идет речь, переписчик постарался отыскать его в первом же следующем затем имени собственном, т. е. в словах: „Борису и Глебови“; слова же:„ сынь брата Андреева Всеволожя“ могли первоначально стоять не там, где сейчас, а выше, после слова „шесты“ и непосредственно перед выпавшим позже „Юрьи“; при этом вместо „Всеволожя“ читалось, вероятно, „Всеволода“ („шесты сынь брата Андреева Всеволода Юрьи“) — подобно тому как, несколько выше, „княжя“ читается вместо „князя“ („дчи ческого кн҃жя“). Переписчик перенес эти слова туда, где, как он думал, читается имя князя, о котором тут идет речь, оттуда, где это имя отсутствовало (после пропуска предшествующим переписчиком). Все это место „Сказанья“ первоначально читалось, видимо, так: „шесты сынь брата Андреева Всеволода Юрьи, князь велики Володимерскыи постави церквъ святоую богородицю сборную в Суждали а дроугоую в Володимери каменоу церковь о три верхи Рожество святои богородици тои же на Гзе с Костеньтиномь братомь своимь бися на того Батыи царь приде и соугнана на Сети на реце. а Кыдешьшоую церковь постави Борису и Глебови и съсыпа город Кидешьку тои же Городець на Волъзе“.[1]

Восстановленный таким образом отрывок владимирского „Сказанья“ о князе Юрии представляет не меньший историко-литературный интерес, чем и хронологически близкая ему „похвала“ в Лавр.; в нем сплетены в один узел и летописные известия о Ситской и Липецкой битвах и обе местные легенды (суздальская и городецкая) о Кидеше-Китеже; та эпическая биография князя Юрия, лишь клочки и осколки которой находим

[1] Слова: „а Кыдешьшоую . . . на Волъзе“ признаем припиской (Амвросия?), так как непосредственно следующая за ними фраза („потомь прииде на великое княжение в Володимер“) явно предполагает не их, а слова, читающиеся выше: „на того Батыи . . . на реце“.

мы в летописях и житийных сказаниях, в песенных реминисценциях (о Липецкой и Ситской битвах) и местных легендах, здесь представлена в виде краткого, правда, но все же цельного перечня всех главных ее эпизодов. Рассмотрим же, как относятся к этому известию XV в., тоже ведь несомненно почерпнутому из местных преданий, два позднейшие местные предания Кидекши и Городца.

Как мы знаем, в Кидекше в XVII—XVIII вв. помнили из перечисленных в „Сказании" деяний Юрия Всеволодовича только те, которые представляли интерес местный: постройку Суздальского собора, действительно принадлежащую Юрию Всеволодовичу,[1] постройку Борисоглебской церкви (ему на самом деле не принадлежащую) и постройку города в самой Кидекше; только постройка города, или, верней, попытка его построить, никак уж не связывалась с Городцом волжским, а связывалась лишь с соседним Суздалем. Напротив, в Городце в XVII в. (и позже) помнили, из перечисленных в „Сказании" деяний, постройку Юрием Всеволодовичем самого Городца; но, называя его „Малый Кидеш", хранили память также и о другом одноименном „бóльшем" городе, — строения того же Юрия Всеволодовича, — отыскивая его, однако, на Светлояре. В Кидекше забыли о Городце, выдвинув на его место какие-то преданья о связи Кидекши с соседним Суздалем; в Городце забыли о Кидекше, заслонив ее Светлояром. Но вот „Сказание" XV в. приписывает Юрию Всеволодовичу не только постройку „Кыдешьшей" церкви (как приписывало ее ему позже местное предание Кидекши), но и постройку города с „городцом", — в точном соответствии преданию городецкому („съсыпа город ... тои же городець"): только город этот — не Суздаль (как думали позже в Кидекше) и не „Китеж Больший" на Светлояре (как позже думали в Городце), а сама эта Кидекша, тут городом прямо и названная („ и съсыпа город Кидешьку"), даже названная и Китежем (Кидешем), если принять во внимание рядом стоящую форму отъименного прилагательного („Кыдешьшая"); а вторая, связанная с первой, городовая постройка Юрия Всеволодовича согласно „Сказанию" — тот самый „Городец на Волъзе", который приписывается ему, под именем „Китежа малого", и преданием местным.

---

[1] Ср. в Лавр. под 1222 г. „Великый князь Гюрги заложи церковь каменьну святыя богородица в Суждали, на первемь месте, раздрушив старое зданье ... "

Итак, в этом летописном „Сказании“ XV в. Китежу „большему“ заволжской легенды бесспорно соответствует Кидекша Суздальская, прямо названная здесь „городом“ в соответствии „городцу“ — Китежу „малому“ — на Волге.

Найден таким образом древнейший реальный прототип легендарного „Китежа Большего“, а, вместе, и былинного „славного города Покидоша“. Но тем больший интерес приобретает теперь историческое прошлое самой Кидекши.

Как, в самом деле, отнестись должен историк к известию „Сказания“ о городе Кидекше (Кидешьке, Кидеше)? Еще Белокуров отметил совершенную исключительность этого известия в наших летописях:[1] нигде в них больше не упомянуто о построении города Кидекши, да и самые упоминания о ней в до-монгольский период весьма, как мы видели, скудны; в период же после-монгольский просто отсутствуют.

Читающийся в некоторых летописях „Список городам“, а также „Книга Большого Чертежу“ Кидекшу не упоминают вовсе. Можно поэтому с уверенностью сказать, что составитель „Сказания“ (начала XV в.) Кидекшу назвал городом не потому, что она была таковым в его время, а потому лишь, что она слыла тогда городом, бывшим когда-то прежде. В самом деле, слова „Сказания“: „съсыпа город Кидешьку“ указывают не столько на самый город, сколько на то в нем, что могло уже быть лишь вещественными его остатками — на вал или „соп“, — земляную насыпь. А остатки городового вала в Кидекше сохранялись, как нам известно, и много позже: Воронов (в 1796—1800 гг.) „уверяет, что на сем месте прежде был город“, — „окопы которого и до сей поры“, прибавляет от себя в 1821 г. Макаров, „видны в самом деле“.[2] Перед нами, следовательно, как в XVIII или XIX вв., так равно и в начале XV в. не город, а городище с монастырем. Когда же городище заменило собою

---

[1] „Слов сей летописи (западно-русской) о городе Кидекше нет ни в одной летописи“. ЧИОИДР, 1898 г., кн. 4, 79.

[2] В 1851 г. граф Уваров, перечисляя в докладной записке Перовскому места, где сохранились интересные в археологическом отношении „валы и укрепления“, на ряду с Суздалем, Юрьевым и Боголюбовым, называет также и Кидекшу; но раскопки в Кидекше, произведенные в том же году, обнаружили только „остатки монастырских зданий“, да „крестики, бусы, пуговицы, пряслица, обломки каменных колонн и баляс“. См. А. А. Спицын „Владимирские курганы“, „Известия имп. археол. ком.“, вып. XV, 1905 г., стр. 84—85.

город? Само собой напрашивается предположение, что случилось это, в согласии с заволжской легендой, при татарском разгроме 1237 г. В самом деле, если в перечисленных выше летописных известиях о Кидекше, восходящих к сводам древнейшим, скорей всего, действительно, речь идет о городе, то напротив в сводах позднейших те же известия средактированы так, что подразумеваться может и монастырь. Напр., в летописи Переяславской под 6667/1159 г. место погребения Бориса Юрьевича определено так: „в церкви святою мученику юже бе създал отецъ его Гюргии на Ньрли".[1] А в Лаврентьевской летописи (и в позднейших) то же самое известие (под 6667 г.) читается уже иначе: „у святою мученику юже бе создал отець его Гюрги на Нерли", т. е. слова Переяславской: „в црк̃ви святою мученику" в Лаврентьевской заменены словами: „у святою мученику", подразумевающими скорей всего монастырь.[2]

В конце XIV в., в 1377 г., когда работал над летописью мних Лаврентий, хорошо, конечно, осведомленный именно о суздальских монастырях, Борисоглебская церковь в Кидекше была, следовательно, уже монастырской, чего нельзя, однако, сказать на основании того же известия в летописи Переяславской, составленной между 1214 и 1219 гг.[3] Упоминанья Кидекши в летописях прекращаются, как известно, на самом рубеже до-татарской и татарской эпох. Церковь уцелела и со временем, вероятно вскоре (не позже 70-х гг. XIV в.), стала монастырской; город же, после разорения, видимо, возобновлен не был и существовать перестал, был действительно „кинут", оставив по себе лишь вещественное воспоминание в виде „спа" или вала, который в начале XV в. известен был одному из редакторов владимирского „Сказанья о князьях", как и позже известен был Воронову и Макарову.

---

[1] В Ипатьевской прибавлено: „в Кидекши".

[2] Из летописей позднейших в том же известии 6667 г. Тверская и Ермолинская следуют редакции летописи Лаврентьевской: „положен бысть на Нерли у Бориса Глеба"; напротив, Радзивилловская и Академическая сохраняют старшую редакцию летописи Переяславской: „в церкви святую мученику юже бе создал отець его Георгий на Нерли".

[3] Чем и руководились, конечно, редакторы некоторых изданий Археографической комиссии, вносившие название „Кидекша" в „Географический указатель" с пометкой: „город". См., напр., „Летопись по Лаврентьевскому списку", изд. 3-е, 1897 г., под наблюдением А. Ф. Бычкова, „Указатель", стр. 34.

Кидекшу-Кидеш можно считать таким образом в числе тех 14 разоренных в 1237 г. татарами городов, о которых говорит летопись, и значительной части которых не досчитываются историки.[1] Следует при этом обратить внимание на то, когда впервые упоминается в летописи Переяславской самое имя „Кидекша“: лишь под 6710 [1202] г.; предшествующее же известие 6667 [1159 г.] дает лишь указание: „на Нерли“ без упоминания „в Кидекши“, которое тут находим только в летописи Ипатьевской, что заставляет признать его позднейшей припиской.

Отсюда заключаем, что город в Кидекше выстроен был между 1159 и 1202 гг., т. е. после уже того, как Юрий Долгорукий выстроил там Борисоглебскую церковь и приблизительно одновременно с возникновением (в 1164 г.) в Малом Китеже монастыря. Последнее, разумеется, всего только предположение; да и может ли оно объяснить до конца связь Малого Китежа с „Бóльшим“? В легенде их связывает прежде всего одноименность. Отыскав Китеж „больший“ в Суздальской Кидекше, мы тем самым вынуждены признать, что подобно тому как суздальское название „Кидекша“ претерпело изменение в „Кидешка“ и затем (через посредство отыменного прилагательного) в „Кидеш“, так равно и легендарное название Городца, восходя на наших глазах к форме XVII в. „Кидеш“, далее тоже восходит, должно-быть, к „Кидешка“, местным осмыслением которой и явился тут, при названии „Кидеш“, эпитет „малый“ (как объяснено выше). И здесь, следовательно, Китеж-Кидеш восходит в конечном счете к Кидекша. Есть этому и документальное подтверждение: в пересказе касающихся Городца летописных известий „Книги глаголемой летописец“ (совпадающих отчасти с известной Костромской повестью о Феодоровской богородичной иконе) у некоторых церковных писателей, располагавших, должно быть, неизвестными теперь списками того или другого из названных памятников, Городец прямо и назван, вместо „Китежа малого“, „городом Кидекшей“ или „Кидекжем“.[2] Признав таким образом

[1] Впрочем, Кидекшу упомянул уж Погодин в своем перечне городов удельного периода. М. Погодин. „Исследования, замечания и лекции о русской истории“, т. IV, М., 1850 г., стр. 280.

[2] Г. С. Дебольский. „Дни богослужения“. Изд. 7-е, СПб., 1882, стр. 238; Месяцеслов русских святых, вып. IV, август, Воронеж, 1883 г., стр. 177—178;

одноименность Кидекши суздальской с Городцом на Волге исконной, мы, при дальнейшем рассмотрении мотива легенды, с исторической почвы XII—XV вв. принуждены уж будем сойти: названье „Кидекша“, как явно нерусское, уводит нас от XII в. куда-то назад. С особым вниманием следует поэтому отнестись к тому, что мы знаем из летописей о Кидекше до построения в ней в 1152 г. Юрием Долгоруким Борисоглебской церкви.

Известие летописей (под тем же все 6667 г.) о становище в Кидекше святых Бориса и Глеба, на том месте, где Юрий Долгорукий выстроил потом церковь, дошло до нас в трех версиях. Большинство летописей, подобно Ипатьевской и Лавреньтевской, говорят о становище обоих братьев: „идеже бе становище святою мученику Бориса и Глеба“; таковы, кроме Ипатьевской и Лаврентьевской, летописи Воскресенская, Тверская, Ермолинская, Типографская. Но обстоятельства жизни и кончины Бориса и Глеба, известные нам по летописной повести, „Сказанию“ (псевдо-Иакова), „Чтению“ Нестора и другим агиографическим памятникам, не говорят ничего, что подтверждало бы такое известие об одновременном пребывании обоих князей в окрестностях Суздаля. Неудивительно поэтому, что в Степенной Книге то же известие подверглось пояснительному распространению: „идеже бысть совокупное святых мученик становище, егда в Киев хожаху Борис от Ростова, Глеб же от Мурома“.[1] Но как бы ни относиться к противоречиям летописного рассказа (или „Сказания“) с „Чтением“ Нестора, — все равно события 1015 г. Бориса застают уж на юге (в походе на печенегов), а Глеба или на пути из Мурома[2] по Волге в Смоленск или же (согласно Нестору) плывущим вверх по Днепру из Киева;[3] да если бы и предположить, наконец, в согласии с версией Нестора, совместное их отбытие ранее 1015 г. с севера в Киев, путь их лежал бы не через Суздаль, откуда в Киев им ведь пришлось бы итти через несуществовавшую в то время Москву; итинерарий Бориса

С. Снесарева. „Земная жизнь пресв. богородицы и описание святых чудотворных ее икон“, СПб., 1892 г., стр. 190—191.

[1] П. с. р. л., т. 21 (перв. половина), стр. 192.

[2] В Прологе — из Ростова. Д. И. Абрамович. „Жития св. мучеников Бориса и Глеба“, стр. 95.

[3] О книжном источнике последней версии см. С. Бугославський „Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса и Гліба“, К., 1928, стр. XXXII.

и Глеба рассчитан в Степенной Книге по карте Московской Руси XVI в. Вопрос уясняется, если мы обратимся к версии наиболее древней: в летописи Переяславской (как и в Радзивилловской и Академической) речь идет только о становище одного Бориса: „идеже бяше становище святого Бориса“. Таким образом версия о становище обоих братьев возникла не раньше XIII в., т. е. значительно позже того, как выстроена была в Кидекше Борисоглебская церковь: версия эта — книжная, так же как и дальнейшее ее распространение в Степенной Книге. Напротив, древнейшая версия о становище одного только Бориса, в качестве местной ростовско-суздальской народной легенды, должна была существовать раньше постройки церкви, собою и обусловив выбор для нее места. Она-то и заслуживает сейчас внимания.

Этой и подобным ей местным легендам не последнюю роль приписывал Шахматов в образовании той редакции летописного сказания, под 1015 г., которую он относил за счет составителя так наз. начального свода. И, возводя легенду о становище к XI еще веку, он учитывал, до известной степени, тот реальный момент в ней, который в этом древнейшем известии о Кидекше для нас сейчас особенно важен: „В Кидекше, говорит Шахматов, показывали становище св. Бориса“.[1] Легенда с самого начала опиралась, следовательно, на вещественный памятник: задолго до церковной постройки 1152 г. там „показывали“ уже чье-то древнее становище, приписывая его св. Борису. Слово „становище“ семантически и морфологически также относится к слову „стан“, как „городище“ к „город“, „монастырище“ к „монастырь“ и т. д.[2] „Становище“ — место, где был прежде стан, теперь оставленный, покинутый; его следы или остатки,[3] т. е., поскольку речь идет о княжеском стане XI в., тот же окоп, „соп“ или „городок“ со рвом, что и у городища.[4]

---

[1] „Разыскания о древнейших русск. летоп. сводах“, 95.

[2] О подобных образованиях на -ище см. Д. Я. Самоквасов „Древние города России. Истор.-юридич. исследованье“, СПб., 1873 г., стр. 98—99.

[3] Ср. в „Повести временных лет“ под 946 г.: „И иде Вольга по Деръвьстей земли..., устовляющи уставы и уроки; и суть становища ее и ловища“, т. е. существуют, видны доныне.

[4] Ср. в „Повести временных лет“ под 980 г.: „стояще Володимер (против Ярополка) обрывся на Дорогожичи... и есть ров и до сего дне“.

Народная этимология: Кидекша — кинутое место, находила там себе, следовательно, вещественнную опору задолго до „опустенья“ Кидекоцкого монастыря (в XVII в.), задолго и до Батыя. Поэтический мотив, объясняющий этимологию, мог меняться не раз; этимология же оставалась все та же. Итак, уже ко времени Юрия Долгорукого она могла быть тут налицо, поддерживаемая народным преданием о становище. Обратимся же к самому преданию. Как ни противоречивы исторические известия о княжении в Ростове св. Бориса, нельзя отрицать одного: древнейшие местные приурочения народных воспоминаний о князьях Борисе и Глебе могли опираться подчас и на действительные события, которые хоть и не были фактически связаны с деятельностью именно этих князей, но тем не менее отмечены были той самой идеей насаждения христианства, которая особенно наглядно для современников впервые заявлена была их кончиной и потому-то и связана была надолго потом именно с их именами. В Ростове начало христианства приписывали Борису,[1] в Муроме приписывали Глебу борьбу с язычниками.[2] Это дает нам право считать и суздальское предание о становище Бориса в Кидекше, гораздо более древнее, чем упомянутые предания Ростова и Мурома, народным воспоминанием о начале христианства в Суздальщине. Не забудем, что Кидекша всего только в 5 верстах от Суздаля и что сам Суздаль ранее 1024 г. в летописях не упомянут ни разу. Исторический Суздаль моложе, следовательно, чем то событие, о котором помнили в соседней с ним Кидекше. Вспоминая и рассказывая в XI—XII вв. о начале в Суздальской земле христианства, там указывали при этом на становище в Кидекше; так приходится понимать занесенное в летопись XIII в. предание. Но о начале в Суздальской земле христианства как-раз и рассказывает довольно подробно первая упоминающая о Суздале статья наших летописей. Статья эта (6532/1024 г.), восстанавливаемая (Шахматовым) в первоначальном своем виде путем дополнения ее, в том виде как она читается в Лаврентьевской и Ипатьевской, некоторыми отсутствующими тут подробностями из летописей Софийской I и Новгородской IV, восходит несомненно к одному из сводов XI еще века — к древ-

[1] В некоторых редакциях жития Авраамия Ростовского; см. „Памятники старинной русской литературы“, т. I, стр. 225.

[2] В житии Константина Муромского; см. „Памятники“, т. I, стр. 229.

нейшему ли Новгородскому, как полагал Шахматов, или к одному из Киевских предшественников „Повести временных лет“, как полагают другие, — для нас сейчас безразлично. Лишь важно установить относительную близость рассказа к событию, о котором идет в нем речь. Рассказ этот в восстановленной Шахматовым редакции читается так: „В лето 6532 г. Ярославу сущю Новегороде, въсташа вълсви лъживи Суждали и избиваху старую чадь, по дияволю наущению и бесованию, глаголюще, яко си държать гобино и жито, и голод пущають. И бе мятежь велик и глад по вьсеи тои стране, яко мужю своя жена даяти, да ю кърмять собе, челядинъмь. Идоша по Вълзе вьси людие в Българы, и привезоша пьшеницю и жито, и тако ожиша. Слышав же Ярослав вълхвы, приде Суждалю; изимав вълхвы, расточи, и домы их разграби и другими казньми показни. И устави ту землю, рек сице: „Бог наводить по грехом на куюжьдо землю гладъмь или морьмь, ли ведръмь, ли иною казнию, а чловек не весть ничьтоже; Христос бог един весть на небеси“. И възвративъся Ярослав приде Новугороду“ (Разыскания, стр. 621—622).

Это-то и есть первое известие наших летописей о Суздале; ни о киево-новгородской княжеской власти там ни о насаждении там христианства раньше 1024 г. говорить, следовательно, нельзя.[1] Подчеркивает это и сам летописец: „приде Суждалю... И устави ту землю“. Теми же приблизительно словами говорит летопись и о начале княжеской власти в Киеве — при Олеге, в Деревской земле — при Ольге. Влагаемая затем в уста Ярослава цитата из „Слова о ведре и казнях божиих“ рисует уже его не только „уставляющим“ в новой „земле“ княжеские „уставы“, но и проповедником как бы, т. е. насадителем там,— среди язычников, — христианства. Соответствует этому также и то, что можно извлечь из рассматриваемого известия относительно самой суздальщины в момент прибытия туда Ярослава: „та земля“ не только во власти волхвов, но тут же и „домы их“. Напротив, в Киеве, Новгороде и Белоозере летописные известия XI в. застают волхвов только уж как пришельцев...

---

[1] Известия позднейших летописей (Никоновской и др.) о просветительной деятельности в Суздале св. Владимира — результат смешения его с Владимиром Мономахом, как разъяснил еще Карамзин — „История“, т. I, примеч. 463; т. II, примеч. 238.

Христианство в Суздальской земле водворилось, вместе с киево-новгородской княжеской властью, лишь после этого похода туда Ярослава. О подобной роли там, — ранее 1024 г.,— князя Бориса говорить, следовательно, нет оснований. Отсюда заключаем, что местное предание XI—XII вв. (о становище в окрестностях Суздаля просветителя-князя) запомнило именно эти события 1024 г., приписав св. Борису все то, что совершил там, вскоре после его кончины, брат его Ярослав. Не запомнить этих событий в Суздале было бы трудно: слишком чреваты были они всяческими последствиями.[1] А с другой стороны, замена Ярослава Борисом более чем правдоподобна. Если даже близ Киева, на Альте, в XI уже веке не могли с точностью разобраться, что в местном предании относится к самому Борису и что — к брату его и канонизатору Ярославу,[2] то удивительно ли, что подобное же смешение могло иметь тогда место в захолустном, — „залесском“, — Суздале, удаленном не только от Киева или Новгорода, но даже и от Ростова. Но в Залесской земле для смешения Бориса и Ярослава был, кроме того, и особый повод. Как бы ни относиться к известию летописи (под 1015 г.) о распределении волостей между сыновьями Владимира — причастность Ярослава к Ростову, еще до окончательного вокняжения его в Киеве, несомненна.[3] Тоже и в 1024 г., идя в Суздальскую землю из Новгорода,[4] Ярослав Ростова миновать, конечно, не мог. В Суздальскую землю в 1024 г. князь-просветитель несомненно пришел из Ростова, т. е. оттуда же, откуда, согласно преданию о становище, только и мог притти князь Борис. Тем легче было одного ростовского князя, впервые прибывшего в Суздаль с просветительной целью, смешать с другим, — просветителем по преимуществу, согласно всеобщему признанию в ту эпоху, когда сложилось

---

[1] С ними связаны не только дальнейшие столкновения князей с волхвами, но и та литературная борьба против язычества, которая в XI и след. столетиях породила целый ряд обличительных произведний. Одно из старших, — „Слово о ведре и казнях божиих“, — самым распространением своим, если не возникновением, обязано суздальскому походу Ярослава 1024 г. См. А. А. Шахматов „Разыскания“, стр. 675—676; Е. В. Аничков. „Язычество и древняя Русь“, стр. 147—154.

[2] Разыскания, стр. 84.

[3] Ср. известия некоторых летописей под 6525 г. о заточении Ярославом в Ростове новгородского посадника Константина.

[4] Ср. „Ярославу сущю Новегороде... приде Суждалю“.

предание. Но стоит учесть и более мелкие топографические подробности.

Путь из Ростова в Суздальщину искони проложен был вниз по течению реки Нерли.[1] Суздаль не стоит, однако, на этой реке; он — на речке Каменке, в пяти верстах на запад от впадения Каменки в Нерль; а при самом впадении Каменки в Нерль — наша Кидекша. Подступая к Суздалю от Ростова, Кидекшу, следовательно, миновать было нельзя. Тут-то, в 1024 г., в пяти верстах от известного позже Суздаля, Ярослав и стал, очевидно, станом.

Итак, в той борьбе с волхвами, о которой говорит летопись, — в земле совсем еще не „уставленной" ни княжеской властью, ни церковью, Кидекша послужила первым оплотом прибывшему туда из Ростова князю.

Что она могла представлять из себя до того?

На крутом берегу Нерли, при впадении в нее другой речки, сооружение „городка" (т. е. того, что позже называли там „становищем") едва ли можно приписать самому Ярославу. Откуда бы взялось тогда название „Кидекша"? Оно несомненно старше какой-бы то ни было инициативы какого-бы то ни было русского князя.[2] А „стать станом" можно ведь было и в завоеванном городе, так же как на погосте, в „городке" или на городище.[3] Место, следовательно, было уже обжитым еще до занятия его Ярославом. Кем и как? Вспомним „домы" волхвов, которые застал в „той стране" и разорил Ярослав. Борьба с волхвами с Кидекши, видимо, и началась. Это допущение сразу же объяснит нам один из мотивов китежской легенды, в нем найдя себе, с другой стороны, подтверждение.

Еще первыми исследователями легенды включен был в цикл соответствующих мотивов один отрывок из сказки об Илье Муромце, записанной В. И. Далем: Илья „освободил Кинешму

---

[1] С. М. Соловьев. „История России", т. I, стр. 25—26. Ср. „торговый путь через Ростовский край" в статье А. Насонова „Князь и город в Ростовско-Суздальской земле", „Века" (историч. сборник), I, Пгр., 1924, стр. 10.

[2] В виду неясности и запутанности вопроса о топонимике „загадочной" по определению Спицина, ростовско-суздальской мери, от поисков научной этимологии слова „Кидекша" пока воздерживаемся.

[3] Местоположение Кидекши вполне соответствует обычному местоположению восточно-русского городища, — „при впадении маленьких рек в большие". См. Ю. Готье „Железный век в восточной Европе", Гос. изд. 1930, стр. 148.

от Литвы, за что князь кинешемский и все жители, кумирники, обратились в христианство“.[1] За счет китежской легенды тут можно, разумеется, относить только название города („Кинешма“) и мотив обращения язычников, в былинах не встречающийся; остальное же (имя богатыря и освобожденье города от Литвы) восходит к той же все былине о первой поездке Ильи Муромца. Но „Кинешма“, занимая место былинного Кидиша, естественно вела исследователей к заволжской легенде. Так, еще Бессонов, перечисляя былинные варианты названия „Китеж“, упомянул и эту Кинешму: „Илья в одну поездку из Мурома, спасает Кидиш или Кидаш от осевших врагов..., в других песнях здесь смешана Кинешма“.[2] Подразумевается приведенная запись Даля. Упомянул о ней в связи с Китежем и акад В. Ф. Миллер.[3] Но связь сказки с легендой как с точки зрения эпической топонимики, так и с точки зрения мотива (обращения язычников) до сих пор оставалась неясной. Теперь, когда и самое название легендарного города („Китеж“), и его исторический прототип возведены нами к суздальской Кидекше, а история этой последней — к борьбе Ярослава с волхвами в 1024 г., сказочный вариант былины с Кинешмой вместо Кидиша-Кидоша объясняется сам собой. Общеизвестная „Кинешма“ заменяет тут по созвучию „Кидекшу“ или „Кидешку“, от которой произошел, как мы знаем, былинный „Кидиш“. А мотив обращения „кумирников“ в христианство подсказан был суздальскими событиями 1024 г., которые, как видно отсюда, с Кидекшей связаны были весьма прочно. И не потому ли составитель житийной редакции „Летописца о убиении“ придумал князю Георгию языческого родоначальника, что знал тоже из устных преданий об исконном язычестве Китежа-Кидеша...

Решаемся признать таким образом Кидекшу суздальскую до 1024 г. каким-то средоточием язычества. С нее, а не с Суздаля, началось в 1024 г. „изыманье“ волхвов, т. е., согласно позднейшей сказке, обращение в христианство „кумирников“. В самом деле: „въсташа волъсви в Суждали“; но существовал ли до прибытия туда Ярослава исторически известный нам позже Суздаль? Едва ли. Долго склонны были историки предпосылать

[1] Песни, собранные В. П. Киреевским, вып. I. Прил., стр. XXXIII.

[2] Песни, собранные Киреевским, вып. 4. Прил., стр. CXVIII.

[3] Очерки русской народной словесности, т. III, 1924 г., стр. 113, примеч. 3.

и отчасти противополагать исторически известные нам древнерусские города организаторской деятельности варяга-князя и его дружины. Историко-правовые разыскания Преснякова иначе осветили вопрос, связав прочно возникновение исторических городов именно с княжеской инициативой.[1] Видимо, исключения не составляет и тот частный случай, которым мы сейчас заняты. Суздаль на страницах летописи вступает в права исторически сложившегося города лишь после того как в доисторический, нам почти неизвестный, уклад социальных и религиозно-бытовых отношений края вторгся дружинник-князь. Недаром же летописный рассказ 1024 г. о самом Суздале говорит вскользь и глухо, не столько о самом Суздале, сколько вообще о „той стране“ или „той земле“. Нам возразят: все же Суздаль здесь назван сразу; так; но рассказ летописца отстоит ведь от описываемых в нем событий на несколько, по крайней мере, десятилетий, в течение которых и мог стать известным новый княжеский город во вновь „уставленной“ князем „земле“. Весьма вероятно поэтому, что Суздаль, как княжеский город, начал существовать лишь после того как в 1024 г. Ярослав „устави ту землю“, предварительно расточив волхвов и разграбив их домы.[2] „Домы“ волхвов мы отыскали в Кидекше; но что представлял собою тогда (ранее 1024 г.) будущий Суздаль? Археологи доисторический Суздаль признают городищем,[3] возникновенье которого относят, однако, к сравнительно поздней

---

[1] Княжое право в древней Руси, 1909 г., стр. 190—206.

[2] Вывод этот подтверждается сопоставлением летописных известий о Ростовско-муромской земле, предшествующих 1024 г. и следующих за ним. В известии 1096 г. (Лавр. и др.), о распре Мономаховичей (Изяслава и Мстислава) с Олегом, Суздаль играет уже не последнюю роль: Олег, стремясь к своей Муромской вотчине присоединить вотчину Мономаховичей, — Ростов, — прежде всего „устремися на Суждаль“; так же поступает, обороняя свою Ростовскую вотчину, и Мстислав: выгнав Олега из Суздаля, дальше его не преследует, но „седя ту посылаше к Ольгови [в Муром] мира прося“; обладание Суздалем до конца решало, как видим, спорный вопрос; Суздаль в 1096 г. был уж узлом, который связывал Ростов с Муромом. Тот же путь из Ростова в Муром предусматривает и известие 1017 г. (в Соф. 1-й и Новг. 4-й): Ярослав посадника Константина „поточи Ростову; на третье лето повеле убити и Муроме на Оце рецѣ“; но о Суздале нет тут, как видим, еще и помину.

[3] Перечисляя „города, основанные на месте древнейшей насыпи“, Уваров между прочим указывает: „на реке Каменке древний кремль Суздаля, прежде, вероятно, городок“. См. „Меряне и их быт“, „Труды первого археол. съезда“, т. II, М., 1871 г., стр. 679.

эпохе: ему предшествовали доисторические поселения окрестностей — „Михайловой стороны“ и „Сельца“,[1] что подтверждается и преданиями:[2] но и тут раскопка могильников дала монеты и языческие погребенья X только века.[3] Суздальский „городок“, — будущий Суздальский кремль, с которым предание связало Кидекшу,[4] возник, следовательно, в результате постепенного передвижения древних насельников края от Нерли в сторону, вверх по течению впадающей в нее Каменки, т. е. по направлению от Кидекши, потому что Кидекша как-раз и стоит при слиянии Каменки и Нерли, той самой Нерли, которую считают путем древнейшего расселения от Переяславского озера к Клязьме. Двигаясь по ее течению вниз и постепенно покрывая ее берега своими „городками“, древнее население суздальщины Кидекшу освоить себе должно было прежде, чем попало на берега Каменки, в будущий Суздаль. „Городок“ в Кидекше (то „становище“, которое показывали там в XI—XII в.) древнее, следовательно, чем „городок“ на Каменке, в 1024 г. превращенный Ярославом в исторически известный нам Суздаль. Мало того: „городок“ в Кидекше — далеко не единственный на Нерли; там — целая их система.[5] В ближайшем соседстве с Кидекшей, — они тянутся по Нерли вплоть до впадения ее в Клязьму. Эти побережные „городки“ — городища [6] не только отнесены археологами к эпохе

---

[1] „Первоначальное мерянское поселение основалось на месте теперешнего подгородного села Сельцо... Отсюда, с течением времени, поселение распространилось ближе к речке Мжары на место Михайловой стороны (предместье Суздаля).“ Уваров, op. cit., стр. 671.

[2] Анания Федоров целый ряд окрестных селений признает остатками древнего Суздаля, приписывая последнему очень большие размеры.

[3] У упомянутого „Сельца“ в одном из девяти исследованных тут курганов, найдена „германская монета X века“. Уваров., op. cit., стр. 672.

[4] Ср. выше легенду, передаваемую Ананией Федоровым.

[5] Уваров, op. cit., стр. 669, 680. Ан. Федоров сообщает: „От Суздаля града к юго-востоку верст с пять есть два села именуемые Городища, одно большое, а другое малое нарицаемые, на берегу ж реки Нерли [т. е. рядом с Кидекшей]... Близ села малого Городища имеется осыпь земляная аки бы городовая (в которой ныне осыпи село стоит называемое Якимовское)“; сообщаемое далее предание опять связывает эти городища с пределами древнего Суздаля. См. „Временник“, 1855 г., кн. 25, стр. 95—96.

[6] „Если мы обратим внимание на многочисленные городища, рассеянные по Мерянской земле, то можем значительную часть их причислить к так называемым жертвенным местам“. См. С. К. Кузнецов „Русская историческая география“, вып. 1, М., 1910 г., стр. 76—77.

языческой, но и поставлены в прямую связь с языческим культом, признаки которого в соседних с „городками" могильниках датируются (как уж сказано) X столетием. Летописный рассказ о волхвах и их „домах" согласуется с этим как нельзя лучше, а предание о становище князя-христианина и позднейшая сказка об обращении в христианство „кумирников", приуроченная к тому же самому месту, что и предание, — указывают не менее убедительно, где следует искать центр или средоточие всех этих жертвенных городков X в. Княжескому Суздалю предшествовал главный языческий „городок" той земли — Кидекша, что подтверждается одной до сих пор неупоминавшейся записью местной о ней легенды, где она так прямо и названа „первым поселением" каких-то „первых" сюда „пришельцев", в противоположность позже возникшему Суздалю, предпочтенному якобы за сухость (откуда Суш-даль) более древней, но кинутой из-за сырости Кидекше.[1] Дело, разумеется, не в народных этимологиях, а в том, на что они тут рассчитаны: ими подкреплено, как видим, предание о старшинстве над Суздалем Кидекши, т. е. местное предание о том, что и само по себе ясно из предыдущего. Суздаль исключения не составлял: почти любой город древней Руси возник таким же путем — будучи передвинут или „перенесен" на заре своего исторического бытия на новое место, — оттуда, где стоял его более древний предшественник. Таковы: Городище на Волхове, а может быть и старая Русса — для Новгорода; Изборск — для Пскова; Кривическ — для Торопца; Гнездово — для Смоленска; Сарский Городец — для Ростова; далее, целый ряд одноименных с историческими городами и расположенных в ближайшем с ними соседстве „городков" или „городищ", в каждом отдельном случае носящих то же название, что и соседний город, лишь с прибавлением прозвища „старый": — Старая Ладога, Старый Муром, Старый городок Белоозеро, Старый Переяславль (Клещин), Старый Устюг, Старый или Верхний городок около Нижнего-Новгорода, Старая Кострома, Старая Рязань, Старая Коломна, Старая Кашира, Старая Руза (близ Москвы), старый Касимов, Старый Темников, Старый Калязин, Старый Быхов, Старое Арзамасово Городище и т. д.

---

[1] Нижегородские губернские ведомости, 1847 г., часть неофиц., № 65, стр. 271. Экземплярский, op., cit., т. II, стр. 378.

И, подобно Кидекше, они отмечены обычно легендой; мотивы типичны: в окрестностях Новгорода, указывая на „Городище“, рассказывали о „старом Словенске“ и его „запустении“, о волхве-оборотне, которому там поклонялись язычники и могила которого провалилась в ад;[1] легенда о старом Муроме, сохранившаяся в житии Константина Муромского, приписывала ему стены из мрамора („мраморяны“), — „того ради нарицашеся град Муром“, — и тоже говорила о его „запустении“;[2] Старый Устюг назывался Гледень и стоял на горе, в трех верстах от Устюга Нового; „гора оная того ради и нарицается „гледень“, что с поверхности ее на все окрестные страны смотреть (глядеть) удобно“;[3] тоже, как видим, légende d'origine подобно легенде о Муроме; — белозерская легенда, тоже подобно муромской, „запустенье“ старого Белозерска приписывала эпохе св. Владимира;[4] замену Изборска Псковым приписывали чудесному видению княгини Ольги и золоту, которое она прислала на постройку нового города.[5] Торопчане не так давно еще помнили о провалившейся на Кривическом городище церкви;[6] на Коломенском городище показывают и сейчас камень с рельефным изображением барса, называя его „печатью Батыя“, которому приписывается, очевидно, разоренье старого города;[7] в Рузе в кремле „существует болотце; к нему относит местная легенда мотив Китежа о провалившейся под воду церкви при нашествии неприятеля. Так объясняет поэтическое предание ту странность, что собор города находится не в кремле, а на базаре“;[8] но старая Руза, — с кремлевским, очевидно, собором, — расположена была в нынешнем пригородном селе.[9] К этому циклу местных легенд об исчезнувшем предшественнике исторически известного города близко примыкает, как видим, и легенда о Кидекше — Кидеше, тоже ведь устанавливающая, в связи с народной этимологией названия, преемственность от Кидекши суздальского кремля или самого даже Суз-

---

1 Карамзин, т. I, примеч. 70.
2 Памятники старинной русской литературы, т. I, стр. 229.
3 Карамзин, т. III, примеч. 186.
4 Ibid., т. I, примеч. 278.
5 Ibid., т. I, примеч. 278, 303.
6 ЧИОИДР, 1897 г., кн. I, стр. 28.
7 А. И. Некрасов. „Города Московской губернии“. М., 1928 г., стр. 165.
8 Ibid., стр. 223.
9 Ibid., стр. 222, примеч.

даля. И в самом деле, Кидекша стала кинутой (в первый раз), потому что ее роль перешла к Суздалю, только не в ту эпоху и не при тех обстоятельствах, о которых помнит легенда, а значительно раньше.

До-суздальская Кидекша X в., при смешанном тогда (полу-финском полу-славянском) населении края,[1] была, очевидно, одним из тех финских по происхождению „городков" (Дьякова типа), где совершались языческие „требы".[2] Разорение подобных мест приписывалось еще св. Владимиру, причем из слов „жития": „требища раскопа и посече", наглядно можно себе представить, каковы были тогда эти „требища": „раскопа" предполагает, конечно, „соп" или насыпь, т. е. собственно „городок"; а „посече", — священную вокруг него рощу. Дело, начатое Владимиром, продолжали его преемники. Ярослав, став в Кидекше станом, предварительно должен был ее разорить. Таким образом древнейшая версия мотива разорения и запустения „града Китежа" сложилась задолго до Батыя и, видимо, в той среде, где не угасли еще симпатии к язычеству, чем вероятно и объясняется, если можно так выразиться, подспудность и китежской легенды, и самого названия „Кидеш" в до-старообрядческий период их литературной истории: социальные верхи, боровшиеся из столетия в столетие с оставленными в удел простонародью пережитками язычества, все, что связано было с поэтизацией этих пережитков, сознательно, конечно, глушили. И лишь раскол, опиравшийся почти исключительно на социальные низы, вынес наружу, — но в своем уже разумеется осмыслении, — наряду с другими пережитками простонародного „двоеверья" также и древнее предание о Кидекше...

Событиями 1024 г. объясняется, наконец, и та связь Кидекши с Городцом (Большего Китежа с Малым), которая настойчиво заявляет о себе (косвенно или прямо) в позднейшей легенде (начиная со „Сказания" 1423—1428 гг.), нигде позже 1024 г. не находя, однако, себе фактических оснований.

Но эти события, приуроченные нами к Кидекше Суздальской, дают косвенное указание и на Городец Волжский, тоже называвшийся когда-то, как выяснилось, „Кидекшей" (см. выше).[3]

---

1 См. Готье, op. cit., стр. 219—222.

2 См. ibid., стр. 95—127, 148, 151, 209.

3 Повторяемость топонимических названий общеизвестна.

„Мятеж велик“ выразился, с одной стороны, в избиении волхвами „старой чади“, а с другой — в том, что голодающие прибегли к помощи волжских болгар, откуда привезли себе пшеницу и жито, — „и тако ожиша“. Но как шли в 1024 г. „в Болгары“? Позднейший традиционный маршрут туда из Суздальщины известен: в эпоху болгарских походов владимиро-суздальских князей XII—XIII вв. он лежал из Суздаля на Городец.[1]

Тот же самый путь предусматривается, без сомненья, и летописным известием 1024 г. „Идоша по Вълзе вьси людие в Българы“; в начале XI в. выход на Волгу из Суздальской земли был, конечно, у того же все Городца, что и в эпоху позднейшую: торговые пути скоро не создаются и не меняются. Только после 1024 г. с Городцом в этом смысле связан был Суздаль; до 1024 г. (т. е. до возникновения Суздаля) такая же, но более исконная связь с Городцом Волжским могла существовать у предшественницы Суздаля — Кидекши. О Суздале городецкая легенда не знает вовсе; напротив, Кидекшу (Кидеш) Городец раз навсегда запомнил (хотя бы только по имени), как свой „больший“ город. Городец и возник, должно быть, в качестве одноименного пригорода Кидекши, когда-то ранее 1024 г. Древность же поселений в Городце и его окрестностях засвидетельствована раскопками языческих там погребений, напоминающих собою как-раз языческие погребения близ Суздаля, т. е. близ Кидекши.[2] Суздальский центр волхвов был разорен Ярославом. Волхвы, оставшиеся в живых, были „расточены“, т. е. изгнаны. Куда? Или, верней, где удалось им на время укрыться? „Наши памятники (обличительной литературы против язычества) представляют нам волхвов живущими в дебрях“, говорит один из исследователей вопроса.[3] Но отход

---

[1] Долго существовала в окрестностях Суздаля особая „Городецкая дорога“. См. „Вкладные Спасо-Евфимиева монастыря“, XVII в., в статье Л. М. Савелова „Князья Ковровы“, „Сборник статей в честь М. К. Любавского“, Пгр., 1917 г., стр. 294—296.

[2] См. „Нижегор. Губ. Ведом.“, 1886 г. №№ 32, 33, 35, 36, 38 („Записки П. Д. Дружкина о произведенных им курганных раскопках“ А. С. Гацисного); „Древности. Труды им. Моск. археол. общ., изд. под ред. Д. Н. Анучина“, т. X, М., 1885 г., отд. III, Протоколы, стр. 34—40: „О раскопке курганов крестьянином П. Д. Дружкиным“.

[3] Е. В. Аничков. „Язычество и Древняя Русь“, стр. 260. См. еще о волхвах в книге Н. М. Гальковского. „Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси“, 1916 г., т. I, стр. 131—142.

их в „дебри“ или, как читаем в одном из упомянутых памятников, на „оукраины“, совершался, разумеется, постепенно, в результате повторных столкновений с князем и его дружиной. „Мы имеем собственно три различных эпизода, вероятно, одного и того же долгого восстания волхвов, не сразу, а в несколько приемов подавляемого князьями“, говорит тот же исследователь, „сначала самим Ярославом, после Глебом Святославичем и наконец бояриной и даньщиком Глебова отца Святослава, Янем, сыном Вышатиным“.[1] Вот, третий „эпизод“ и связан с первым (1024 г.) не только преемственно, но и территориально. В смежной с суздальщиной „Ростовсей области“, несколько десятилетий спустя после разгона волхвов Ярославом, с ними опять сталкивается Ян Вашатич, — в Белозерске; как-раз, как видим, на „украине“ тогдашней Руси; но и тут теперь они — всего только пришельцы. Летописец указывает, откуда они там появились: „от Ярославля“; следовательно, „домы их“ теперь, — во второй половине XI в. — где-то уже на Волге;[2] но, конечно, не в самом Ярославле: в новом княжеском городе они едва ли могли обосноваться; а ниже Ярославля в XI и начале XII вв. (когда составлялась „Повесть временных лет“) ни одного княжеского города еще не стояло: Городец, следующий вниз по Волге за Ярославлем княжеский город, становится таковым лишь в 1164 г. Неопределенное указание летописи: „от Ярославля“ не подразумевает ли как-раз волжский пригород доисторической Кидекши, куда, после ее разоренья в 1024 г. Ярославом, мог передвинуться центр волхвов ... Это, конечно, всего только предположение пока. Но за подтверждением ему обратимся к местным древностям самого Городца.

Что собственно называет местное там предание Китежем (Кидешем) Малым?.

Это название присвоено только остаткам земляной крепости, „спу“, как их там называют; „соп“ этот увенчивает собой

[1] Аничков, op. cit., стр. 140.

[2] Такое же направление отхода волхвов в „дебри“ — по Волге и за Волгу — предусматривается как-будто и местным ростовским преданием, сохранившимся в рукописи XVII в.: „ушлецы языка словенского земли Ростовския, ушедше бо от св. крещения во идолопоклонение, и тамо кочевное житие татарское, веры бесерменския изволиша“. См. Д. Корсаков „Меря и Ростовское княжество“, Ученые Записки имп. Казанск. универс., 1871 г. (Приложения), т. VII, стр. 30—31.

вершину главного из городецких бугров; это-то и есть центр, к которому „тянули“ в свое время, сливаясь с ним и друг с другом, окрестные слободы.[1] Центр этот — типичное городище, как его впрочем и называли уже в XVII в.[2] Но, как мы знаем, „городище“ это ранее XVII в. не раз было и „городом“, становясь „городищем“ только после вражеского разгрома, сперва при Батые, позже при Эдигее. Сооружение же „спа“ предание приписывает, как мы знаем, легендарному князю-строителю. Но что „ссыпан“ был этот „соп“ тем или иным князем не на пустом месте — доказывается восстановленным нами городецким летописным отрывком: князь, прибывший туда еще в 1164 г., застал уже там „город“ по имени „Малый Китеж“. Что же он мог представлять из себя ранее 1164 г.? О языческих погребениях в окрестностях этого Китежа Малого мы упомянули уже. Но вот что известно из местных источников о самом „спе“.

„Внутри вала... виднеется довольно значительных размеров не то болото, не то пруд. Это болото-пруд носит название „Свято“ или „Светлоозеро“.[3] Очень древнее предание говорит, что оно образовалось на месте ушедшего под землю монастыря. Достопримечательностями современного вала являются так наз. „крестовые сосны“, т. е. сосны, у которых расположение главных ветвей по отношению к стволу напоминает крест... Историческая крестовая сосна, у подножия которой происходило крещение язычников, в виду чуть ли не обоготворения ее, по распоряжению начальства, лет 100 тому назад была сру-

---

[1] „Городцом собственно называют совокупность четырех слобод и шести селений. Слободы эти суть: Коренной Городец, Верхняя слобода, Нижняя Слобода и Скоморохово, а селенья: Кирилова, Каратайка, Верхняя Поляна, Воздвиженское, Оксеново, Подгорная Слобода“. См. П. С. Усов, „Среди скитниц“, Истор. Вестн., 1887 г., т. XXVII, стр. 588. См. еще: И. Ф. Тюменев, „От Ярославля до Нижнего“, Истор. Вестн., 1906 г., т. CVI, кн. 10, стр. 276; Л. И. Денисов, „Правосл. монастыри“, 1908 г. (о Городце — под № 526). Из городецких слобод примечательна слобода „Скоморохово“: название ее свидетельствует о наличности в древнем Городце той среды, где местная легенда могла подвергнуться и песенной переработке.

[2] В „дозорной книге“ 1617 года: „В Городце на пустом городище погост, на церковной земле храм деревянный во имя архистратига Михаила“. См. В. Т. Илларионов, „Обзор археологических открытий в Нижегородской губернии с предисловием проф. А. Я. Садовского“, изд. Нижегор. археол.-этнолог. ком., 1922 г., стр. 31—32.

[3] Т. е. то же название, что Светлояр.

блена.[1] Историческое название „крестовой“ исчезло, а почет, которым она пользовалась, в настоящее время перешел на те сосны, которые растут ввиде креста... Одна из них растет на той стороне вала, где он под углом поворачивает к Волге. Пользоваться почетом эта сосна стала сравнительно не так давно. Гораздо большим и давним почетом пользуется другая сосна, растущая на противоположной стороне вала... Она растет недалеко от того места, где росла историческая крестовая сосна, срубленная около ста лет тому назад по распоряжению свыше. Ствол этой сосны в окружности около полуторы сажен, расположение ее ветвей напоминает осьмиконечный крест. На значительную высоту она украшена то там, то здесь по стволу множеством небольших медных иконок, крестиков, складней. Кора местами закапана воском и носит следы откалывания. На высоте почти человеческого роста в сосне большое, глубокое дупло. К ней совершают паломничества даже из окрестностей Городца на десятки верст; прилепляются к стволу зажженные свечи; в дупло опускают всякого рода приношения: деньги, ладан, свечи, хлеб и т. п. Берут кору — она „пользительна для зубов“; берут от ее корней землю — носят ее в ладунках на кресте, настаивают на ней воду и пьют от всяких болезней. К сосне приносят больных детей, суют в дупло; глазами, если болят глаза, ушами, если ребенок не слышит, если у него течет из ушей; лицом — если он долго не говорит“.[2]

В другой записи (1885 г.) тех же городецких поверий встречаемся, кроме того, с знакомым нам мотивом „провалища“.[3] О чем он может свидетельствовать — уж известно; в самых же поверьях нельзя не признать пережитков культа воды и деревьев, прочно связанных с городищем, возникновение которого восходит, как выяснено, к глубокой старине;[4] туда же восходит,

---

[1] Т. е. в начале XIX в.

[2] См. статью „Древний вал и крестовые сосны в с. Городце“ в „Действиях Нижегород. губ. учен. архивн. ком.“, Сборн., т. XVII, вып. IV, 1914 г., стр. 1—5.

[3] Нижегород. епарх. ведом., 1886 г., № 3; „Летопись села Городца“ Аполлония Соколовского, стр. 2—3.

[4] „Обрядовые места, видимо, идут у нас с глубокой старины, — говорит Спицин, — может быть из медного века, переходя в старые городища типа костеносных, в пермские костища, в Дьяковы городища и позднейшие мольбища“. См. статью „Археология в темах начальной русской истории“, в „Сбор-

видимо, и возникновение самого культа.[1] Возникновение последнего нельзя, разумеется, объяснять так, как объясняют авторы цитированных сообщений: „Во времена отдаленной древности в озере совершали крещение язычников... Выходя из воды, новокрещенные подходили к стоявшей на берегу сосне. Здесь они надевали одежду и получали в знак крещенья крест, при чем кресты для них были развешаны на ветвях этой сосны. Отсюда ее названье «крестовая»“.[2]

Само по себе известие это, может быть, и правдоподобно. Спутана лишь преемственность сопоставленных фактов: не воспоминание о крещении язычников породило, разумеется, культ сосен и озера, а наоборот — этот последний обусловил собой в свое время тот особый способ обращения язычников в христианство, о котором запомнило это предание; в самом деле, тот князь, который крестил в Городце язычников, почему-то как-раз в этом озере на городище (а не в протекающей рядом Волге), и почему-то развешивая для них кресты по ветвям прибережных сосен, руководился же чем-то, поступая именно так. Руководился, конечно, тем же, чем руководился и предшественник его, креститель киевлян кн. Владимир, ставивший первые христианские храмы именно на тех самых „холмах“, где раньше стояли кумиры и где до того „князь и людие“ творили языческие требы, как отмечено это в летописи (под 988 г.): христианизировать надо было самые „капища“ язычников, больше того, самые объекты языческого почитания. Таковыми и были, конечно, городецкие сосны и озеро внутри городища. „Малый Кидеш“ в до-княжеский период своей истории весьма был сходен, как видим, по своему назначению с Кидекшей суздальской. Водяной культ и культ сосен как-раз и составляют основу „народного язычества“ волхвов X—XI вв.[3] Изгнанные с берегов Нерли Ярославом волхвы, ко времени Яна Вышатича, передвинулись на берега Волги и надолго (по крайней мере до 1164 г.) прочно обосновались, видимо, в Городце, в том самом пригороде древней Кидекши, которым язычники должны

нике статей по русской истории, посв. С. Ф. Платонову“, Пгр., 1922 г., стр. 3.

[1] О древности культа сосны у приволжских народов см. Н. Я. Марр „По этапам развития яфетической теории“, стр. 369.

[2] См. „Древний вал“ и т. д.

[3] Е. В. Аничков. „Язычество и древняя Русь“, стр. 259.

были пользоваться для сношений с болгарами еще в 1024 г. Отсюда объясняется в городецком летописном отрывке под 1164 г. ускользавшая до сих пор связь между открытием мощей Леонтия Ростовского и поездкой князя Андрея через Ярославль в Малый Китеж. Есть, как известно, основания предполагать, что Леонтий Ростовский убит был язычниками во время того самого восстания волхвов „от Ярославля“,[1] базой которому мог служить Городец (Малый Китеж). Столетием позже открытие мощей Леонтия, несомненно сразу же использованное Андреем для борьбы с язычеством и всем связанным с ним социально-экономическим укладом древней Ростовщины, в первую очередь и должно было помочь эту борьбу довести до конца там, где у языческой реакции был надежный оплот с самого еще 1071 г. В связь с этим можно также поставить самый рассказ о Китеже Малом: невозможность внести в него привезенную Андреем богородичную икону могла находить себе объяснение опять-таки в царившем тогда там язычестве, победу над которым и ознаменовало построение вблизи городка (но не в нем) монастыря.

„В период до-христианский, — говорит Корсаков о мерянской земле, — города и городки могли возникать в значении священных мест поклонения богам и жертвоприношений; затем, около этих городов и городков, как в христианскую эпоху около монастырей, сгруппировывались поселения. Эти поселения, в память их, также стали называться городами и городками. Затем... и эти города... должны были окапываться рвом..., *огораживаться* для защиты, и таким образом произошли общественные укрепления — *города*“.[2] Кидекша и Городец Волжский возникли, очевидно, именно так.

Но связанные друг с другом, прежде возникновения Суздаля, единством культа и общностью архаических форм экономики, они претерпевают затем ряд однородных культурных переживаний в эпоху позднейшую. События 1024 г., — в Кидекше, — в 1164 г. повторяются, как указано, в Городце, откуда и берет, следовательно, начало легендарный мотив о двух Китежах, — „большем“ и „малом“, — мотив, только ведь в XV в. переместивший свое приурочение с Кидекши на Светлояр, куда много раньше, впрочем, укрылось из Городца язычество, найдя себе

[1] „Ключевский. „Древне-русские жития святых как исторический источник“, стр. 20—21.

[2] „Меря и Ростовское княжество“, op. cit., стр. 59.

там надолго, в полу-русской полу-марийской среде, — в „дебрях“, — надежный приют.

Добытые выше выводы сводятся таким образом к следующим 12 тезисам.

1. Кидекша-Кидеш (близ Суздаля) старше самого Суздаля, который в качестве княжеского города возник лишь после того, как в 1024 г., при подавлении восстания волхвов, Кидекшу, — главное языческое „требище“ той земли — разорил Ярослав, откуда — народная этимология: „Кидекша — кинутое“ (былинный Покидош) и мотив разорения (в сказке об Илье Муромце и в китежской легенде).

2. Пригородом или „городцом“ до-суздальской Кидекши был одноименный с ней городок на Волге — Кидеш Малый, нынешний Городец. Третье из известных по летописям восстание волхвов, при котором убит был св. Леонтий Ростовский, исходным пунктом имело этот именно Городец — Кидеш Малый.

3. В XII в. к остаткам земляного городка в Кидекше приурочивается, под влиянием воспоминаний о действительно связанных с ним событиях 1024 г., легендарное предание о становище св. Бориса, в ознаменование которого Юрий Долгорукий в 1152 г. строит в Кидекше Борисоглебскую церковь, при которой позже возникает княжеский город.

4. В 1164 г., в связи с открытием мощей Леонтия Ростовского, Андрей Боголюбский осваивает и языческий Кидеш Малый (Городец), строя и там, рядом с „требищем“, монастырь.

5. В 1237 г. город Кидекшу и Городец Волжский разоряют татары, после чего, при уцелевшей Кидекоцкой церкви, возникает лишь монастырь, а предание о становище осложняется со временем новым преданием о бывшем тут городе, построение которого, как и построение Городца, в XIV—XV вв. приписывают патрону суздальско-нижегородского княжества той эпохи, Георгию Всеволодовичу.

6. К концу XV в., по мере утраты суздальско-нижегородским княжеством самостоятельности, утрачиваются и забываются древние связи Городца с Кидекшей, от которых остается только название (Кидеш). Взамен, под влиянием местных городецких событий из эпохи борьбы Городца и Вятки с Москвой, возникает светлоярская легенда об убиении Юрия Кирдяпина и о разорении его ветлужского „городка“, с которым мало-помалу отожествляется „Кидеш больший“ предания.

7. В XVI в., в городецкой Иониной пустыни (на месте разоренного Батыем первого городецкого монастыря), сохранившийся там летописный отрывок под 1164 г. (о построении названного монастыря Андреем Боголюбским) подвергается первой переработке в духе агиографической легенды о Георгии Всеволодовиче (с заменой им Андрея).

8. В 1609—1613 гг., под влиянием местных городецких симпатий к Василию Шуйскому, создается более пространная редакция „Летописца“, путем присоединения светлоярской легенды, с приурочением ее к мнимому родоначальнику Шуйских, Георгию Всеволодовичу.

9. После 1646 г., под влиянием канонизации Георгия Всеволодовича, „Летописец о убиении“ подвергается еще одной — житийной — переработке и в этом виде попадает в Уваровский сборник, составленный в 1839 г. при старообрядческой Городецкой часовне.

10. Независимо от Городца вторая (краткая) версия светлоярской легенды, отражающая татарский набег на Заузолье 1408 г., подвергается литературной обработке, под влиянием апокрифов о „земном рае“, в Заузольском Спасо-раевском монастыре между 1702—1713 гг., когда возникают „Послание к отцу от сына“ и „Повесть о сокровенном монастыре“.

11. В 80—90-х гг. XVIII столетия Заузольская „Повесть“ и городецкий „Летописец о убиении“ ложатся в основу „Книги глаголемой летописец“, свода, составленного сопелковскими „бегунами“ с превнесением сюда мотива о „сокровенном граде“.

12. Еще одна, особая версия устной легенды (о „Девке-Турке“) выдает языческую основу светлоярской обрядности и мотива „провалища“, только в этой версии и представленного.

Приложение

ТЕКСТЫ

I. КНИГА ГЛАГОЛЕМАЯ ЛЕТОПИСЕЦ
II. ЛЕТОПИСЕЦ О УБИЕНИИ

Графика подлинников сохранена лишь в пределах, допускаемых современной орфографией. Пунктуация сохранена без всяких перестановок и дополнений, но только в тех случаях, когда, действительно, отмечает фразеологические разделы; иначе опускается. Слова, написанные слитно, печатаются раздельно. Буквенные обозначения чисел заменены цифрами. Недописанные части слов заключены в угловые скобки: < >. Оговорки еще заслуживают следующие опускаемые особенности второго из публикуемых текстов („Летописца о убиении" в Уваровском сборнике): весьма тщательная и правильная расстановка знаков ударения; паерки не только в конце слов и в предлогах, но и в середине слов, на месте исчезнувшего глухого („в>да", „п>сковичи" и т. д.) или в качестве знака мягкости („бол>ший"); две черточки (вместо точки) над i. Основной текст первого памятника („Книги глаголемой летописец") — из сборника Публ. библ. Q. 1. 1385, in 4°, полууставом конца XVIII в., лл. 79—100, а варианты к нему — из списков: 1) Востряковского сборника — В; 2) Титовского сборника — Т; 3) Бодянского — Б; 4) Меледина (изд. Бессоновым) — М; 5) Гациского — Г; 6) приобретенного в г. Семенове — С; 7) Музейного (из собр. Вострякова) — Муз.; 8) б. Нижегородской уч. архив. комиссии — К.

Л. 79 # КНИГА ГЛАГОЛЕМАЯ ЛЕТОПИСЕЦ. ПИСАН[1] В ЛЕТО 6646[2] СЕНТЯБРЯ[3] В 5 ДЕНЬ.[4]

Бе сей святый[5] благоверный и великий князь Георгий Все-
Л. 79 об. володович | сын святому благоверному и великому[6] князю все-
володу, а[7] во святом крещении наречен бысть Гавриил псков-
ский чудотворец. Сей святый благоверный и великий князь
всеволод сын бе великому князю Мстиславу, внук же святому
и равно апостолом[8] великому князю владимиру киевскому само-
держьцу российския[9] земли. Святый же благоверный и великий
князь георгий всеволодович, правнук же[10] святому благовер-
ному и великому князю владимиру. Святый же благоверный[11]
Л. 80 князь всеволод первие княжи[12] | в великом нове граде. Егда же
бысть время[13], возропташа новгородцы нань[14] и реша сами
собою[15] промежь себе. Яко князь наш[16] не крещен сый владеет
нами крещеными. Совет же[17] сотвориша и приидоша к нему
и изгнаша вон.[18] Он же прииде в Киев к дяде своему ярополку
и сказа ему все,[19] за что изгнан бысть новогородцы.[20] Он же
слышав[21] от него, и вда[22] ему выш град и[23] ту молим быст от

---

[1] писан нет в Б, М, С; писана Муз. [2] 6666 Б; 6676 М, С. [3] месяца сентября Б, М, С, Муз. [4] доб. князя Георгия Всеволодовича Б, С; Георгия Всеволодовича М. [5] Святый нет в Б, Муз. [6] и великому нет в Б, М; великому благоверному С; и благоверному великому Муз. [7] а нет в Муз. [8] равноапостольному М. [9] руския Б, М, С. [10] же нет в Б, М, С, Муз. [11] доб. и великий Т, Б, М, С, Муз. [12] княжение Т; име княжение Муз. [13] время нет в Б, С; во время М. [14] нань нет в Б. [15] с собою М, С, Муз. [16] наш нет в Б, С. [17] же нет в Муз. [18] его вон Б, М, С; его из нова града вон Муз. [19] доб. по ряду Б, М, С. [20] новгородцам С, Муз. [21] слыша М. [22] вдаша С. [23] и нет в С.

псковичь[24] княжити у них и прииде к ним во град псков,[25] | и по Л. 80 об.
времени восприя[26] благодать святаго крещения, и наречен бысть
во святом крещении гавриил, и пребысть в великом пощении
и воздержании, и пребысть лето едино в вечный покой отиде,[27]
в лета 6671-го,[28] месяца февраля в 11 день. И погребен бысть
сыном[29] его благоверным и великим князем георгием, и быша[30]
чудеса многа от святых мощей его,[31] в славу и хвалу христу
богу нашему и всем святым Аминь.[32]

Сей святый благоверный[33] князь Георгий Всеволодович по
преставлении | отца своего[34] благоверного князя всеволода, Л. 81
нареченного во святом крещении гавриила[35] пребысть на месте
его по умолении псковичь,[36] бысть же сие в лета 6671, изволи
святый благоверный и великий князь георгий всеволодовичь
ехать к благоверному[37] князю михаилу черниговскому. Егда же
прииде к благоверному[38] князю михаилу и[39] благоверный
и великий[40] князь[41] георгий и[42] поклонися благоверному князю
михаилу[43] и рече ему,[44] здрав буди благоверный и великий
княже[45] михайле на многая[46] лета | сияя[47] благочестием и верою Л. 81 об.
христовою, но[48] всем уподобися прадедом нашим и прабабе
нашей благоверной[49] великой княгине христолюбивой Олге,
иже обрете себе[50] избранного и честного бисера Христа, и веру
его святых[51] пророк же[52] и апостол и святых[53] отец. и благо-
верному христолюбивому[54] царю и равноапостольному[55] пра-
деду нашему царю[56] константину. и рече ему благоверный[57]
князь михаил, здрав же[58] буди и ты благоверный[59] и великий[60]
княже георгий всеволодовичь[61] прииде[62] ко мне з[63] благим | сове- Л. 82

---

[24] псковичи Б, М; псковичами Муз.; молиша его псковичи С. [25] псков нет в Б, М, С. [26] восприят С, Муз. [27] преставися, его же возлюби Б, М, С; по крещении поживе едино лето, преставися в вечный покой его же возлюби Муз. [28] в лето 6646-го Б, М, С. [29] с сыном М. [30] бысть Б, С. [31] его мощей Муз. [31—32] проп. М, С. [33] доб. и великий Б, М, С, Муз. [34—35] проп. Б. [36] его псковичи Б; псковичи М; псковичей С; псковских людей Муз. [37] доб. и великому Т, Б, М, С, Муз. [38] доб. и великому Муз. [39] тогда Б, М, С. [40] и великий нет в Б, М, С. [41] князь нет в М. [39—42] проп. Муз. [42] и нет в Б, М, С. [43] поклонися ему Муз. [44] ему нет в Муз. [45] князю Б, С; князь М. [46] многа Б, М, С. [47] сияй М. [48] во М, С. [49] доб. и М, С, Муз. [50] доб. сама Б, М, С, Муз. [51] святых же Муз. [52] же нет в С, Муз. [51—53] проп. М. [54—55] проп. М, С. [56] царю нет в Муз. [57] доб. и великий Б, М, С. [58] же нет в Муз. [59] буди святый благоверный Муз. [57—60] проп. М. [60—61] князю георгию С. [62] что прииде Б, М, С. [63] с Б, М, С.

том и независтным[64] оком что бо приобрете от зависти дед[65] наших святополк иже восхоте[66] владети[67] и уби братей своих благоверных и великих князей, бориса[68] повеле копием пробости,[69] глеба же[70] ножем заклати, в лета княжения их обольсти бо их[71] лестию и советом сатаниным,[72] яко мати при смерти есть наша, они же яко незлобивые агньцы, уподобишася благому пастырю своему христу, не сопротив сташа[73] врагу своему
Л. 82 об. брату.[74] Господь же[75] прослави | святыя угодники своя[76] благоверных[77] князей и великих[78] чудотворец[79] бориса и глеба. и даша целование промеж себе сами,[80] и[81] праздноваше духовно и веселившеся. и рече благоверный и великий князь георгий благоверному[82] князю михайлу, дажд ми грамоту в русии нашей по градом церкви божия строити и грады.[83] и рече ему благоверный и великий князь михаил, якоже[84] хощеши тако и сотвори[85] церкви[86] божия в славу и хвалу пресвятому имени[87] божию за
Л. 83 сие[88] доброе твое изволение | мзду приимещи в день пришествия христова. и пироваше много дний, и егда изволи благоверный князь георгий ехати во свое место, тогда благоверный[89] князь михаил повеле грамоту написати и свою руку приложи[90] к грамоте. И егда благоверный князь георгий поеха во свое отечество и град[91] тогда благоверный князь михаил с великою честию отпущяше[92] его и провожаше.[93] И егда бысть[94] оба князи на пути, и поклонистася* друг другу[95] на пути[96] и вда ему[97] благо-
Л. 83 об. верный князь михаил | грамоту. благоверный же князь георгий взя грамоту у благовернаго[98] князя михаила, и поклонися ему, тогда[99] и той противу[100] ему.[101] и[102] поеха[103] по гра-

---

[64] не с завистным М. [65] дел Муз. [66] иже святополк восхоте Муз. [67] д о б. градами М, С, Муз. [68] д о б. и глеба из них князя Бориса Б, М, С. [69] прободити Б. [70] а Глеба Муз. [71] их н е т в С. [72] советом и тайным Б; советом сатанинским Муз. [73] стаста Муз. [74] брату своему врагу Муз. [75] же н е т в Муз. [76] своя святыя угодники Б; святыя свои угодники М; своя угодники С. [77] д о б. великих Муз. [78] великих н е т в Муз. [79] чюдотворцев Т, Б, С, Муз. [80] сами н е т в Муз. [81] и н е т в Б. [82] к благоверному Б, М, С. [83] такожде и грады Б, М, С. [84] яко Муз. [85] сотвориши Б, М, С. [86] создати церкви Т; еже создати церкви Б, М, Муз.; еже созидати церкви С. [87] д о б. его Б, М, С. [88] и за сие Б, М, С. [89] д о б. же Муз. [90] приложити М. [91] из града Б. [92] отпустиша Т; отпусти Муз. [93] проводиша Муз. [94] быша Б, Муз. [95] д о б. и целоваше друг друга Б, М, С. [95—96] п р о п. Муз. [97] ему н е т в Муз. [98] благовернаго н е т в Б, М, С. [99] тогда н е т в Муз; и тогда Б, С. [100] д о б. поклонися С. [101] д о б. поклонися Муз. [102] д о б. егда Б. [103] еха М, С.

* Отсюда начинается список В.

дом,[104] и егда[105] приеха в нов град, повеле строити церковь во
имя успения пресвятыя владычицы нашей богородицы и присно
девы марии в лето 6672[106] из нова града поехав во псков град
свой, идеже преставися отец его благоверный[107] князь всеволод,
а во святом крещении гавриил новогородский и псковский чудо-
творец. и поеха[108] изо пскова града к Москве,[109] и по | веле[110] Л. 84
строити церковь во имя успения пресвятыя владычицы нашея
богородицы и присно девы марии, в лета 6672[111] и[112] поеха
с москвы[113] в переславль залеской, а с переславля[114] града
в ростов град. в то же время бысть в ростове граде[115] великий
князь андрей боголюбский. и повеле благоверный[116] князь
георгий во граде том ростове церковь строити, во имя успения[117]
пресвятыя владычицы нашея богородицы и присно девы марии
в лета 6672,[118] месяца маия, в 23 день. во дни великого князя
георгия[119] начаша рвы копати на | основание церкви, обретоша Л. 84 об.
же[120] мощи[121] лежаще святителя христова леонтия епископа
ростовского чюдотворца. иже обрати в ростове граде люди[122]
в веру христову и крестити их[123] от мала и до велика, и воз-
радовашася[124] радостию великою благоверный князь георгий
и[125] прослави бога давшаго ему[126] таковое многоценное сокро-
вище, и отпе[127] молебен,[128] и[129] повеле ехати андрею князю[130]
боголюбскому во град муром, и[131] строити[132] во граде муроме[133]
церковь[134] во имя успения[135] пресвятыя[136] владычицы нашея[137]
богородицы[138] и присно девы марии[139]. сам же благоверный
и | великий[140] князь[141] поеха из града ростова, и приеха во град Л. 85
ярославль что на брегу волги реки[142] стоит. и[143] седе в струг

[104] в путь свой по градом Б, М, С; ко граду Муз. [105] егда н е т в Б. [106] д о б. года Муз.; в лета 6682 Б. [107] великий благоверный Б; благоверный и великий М, С, Муз. [108] и поеха н е т в Б. [109] в Москву С. [110] и по сем в Москве повеле Б, М, С. [111] в лето 6682 Б. [112] и н е т в М, С. [113] из Москвы В. [114] из переславля Б, М, С. [115] граде н е т в Б, С. [116] благоверный н е т в М, С. [117] успения н е т в Б, М, С. [118] в лето 6682 Б. [119] андрея боголюбскаго и повелением же и советом благоверного князя георгия Б, М, С. [120] же н е т в М, С. [121] тогда мощи Муз. [122] люди н е т в Б. [123] и приведе их Муз. [124] возрадовася Б, М, С; возрадовался Муз. [125] и н е т в Муз. [126] им Б. [127] отпев Муз. [128] д о б. святителю христову леонтию Б, М, С. [129] и н е т в В. [130] князю н е т в Б, С; князю Андрею Муз. [131] и н е т в Муз. [132—133] п р о п. Муз. [134] церкви Т, Муз. [135] успения н е т в М. [136—137] п р о п. С, Муз. [138—139] п р о п. Муз.; д о б. славнаго ея успения М. [140] и великий н е т в Б, М, С. [141] д о б. Георгий Муз. [142] реки н е т в С, Муз. [143] и н е т в С.

и поеха [144]* на низ по волге.[145] и приста [146] к брегу [147] в [148] малый китежь [149] что на брегу волги [150] стоит, и [151] построй его. и начаша его молити вси людие [152] града того,[153] благовернаго [154] князя георгия,[155] чтобы [156] образ чудотворный [157] иконы пресвятыя богородицы Феодоровския внес [158] во град к ним. Он же по прошению [159] исполни начат [160] пети молебен пресвятей богородице.
Л. 85 об. Егда [161] скончa восхоте [162] образ той нести во град, | образ же [163] не пойде [164] с места того нимало не поступи.[165] видев же благоверный князь георгий изволение пресвятыя [166] богородицы где сама изволила [167] место себе, повеле построити на том месте [168] монастырь, во имя пресвятыя богородицы Феодоровския. Сам же благоверный князь георгий поеха, [169] с места того [170] сухим путем а не по воде, и перееха реку узолу,[171] и вторую реку [172] перееха [173] именем санду, и третию реку перееха [174] именем [175] саногту [176] и четвертую [177] перееха [178] именем [179] керженец, и приеха
Л. 86 к езеру именем [180] светлояру. И [181] | виде место то велми прекрасно и многолюдно,[182] и по умолению их повеле благоверный [183] князь георгий всеволодович [184] строити на брегу езера того [185] светлояра град именем [186] болший китеж,[187] бе бо место то велми прекрасно, и [188] на другом же [189] брезе езера того роща дубовая.[190] Советом же [191] и велением [192] благоверного и [193] великого князя георгия всеволодовича начаша рвы копати на утвер-

---

[144] поплы В. [145] волгой Муз. [146] и приеха и приста Б, М, С. [147] доб. волги С. [148] где С. [149] в малый кидеж Г. [149—150] проп. С. [151] и нет в Муз. [152] вси людие молити С. [154] благовернаго нет в С. [155] георгия нет в М. [153—156] проп. Муз. [157] чюдотворныя В, М, С. [158] доб. бы Б, М, С, Муз. [159] доб. их Б, М, С. [160] начал М. [161] и егда Б, М, С. [162] и хоте Б. [163] доб. той Б, М, С, Муз. [164] не подвижеся Муз. [165] не поступи нет в Муз.; не попусти С. [166] пречистыя Б, С. [167] изволи Б, М, С. [168] и на том месте повеле строити Б; на том месте повеле построити М, С; построити повеле на том месте Муз. [169] еха Муз. [170] того нет в Муз. [171] так Г; именем узолу Б, М, С. [172] реку нет в М. [173] перееха нет в Б, М, С. [174] перееха нет в Б; преекха М, С, Муз. [175] именем нет в Муз. [176] Санакту Б; Санахту М, С; Саногду Муз. [177] доб. реку Б, М, С, Муз. [178] прееха Б, М, С, Муз. [179] именем нет в С. [180] именем нет в С. [181] И нет в М; доб. ту В. [182] многчюдно М. [183] благоверный нет в С. [184] всеволодович нет в С. [185] того нет в С. [186] именем нет в С. [187] Китеш Т; кидежь Г. [188] и нет в Б, М, С, Муз. [189] же нет в С, Муз. [190] дубровая Муз. [191] же нет в В, С, Муз. [192] доб. и благословением Муз.; повелением же и благословением Б, М, С. [192—193] проп. С.

* Отсюда начинаются отрывки списка Г.

жение места,[194] и[195] начаша класти[196] церковь во имя воздвижения честнаго[197] креста господня. вторую же[198] церковь во имя успения | пресвятыя владычицы нашея богородицы и присно девы марии,[199] и[200] третию[201] церковь во имя благовещения пресвятыя владычицы нашея богородицы и присно девы марии. в тех же церквах[202] повеле пределы делати иных[203] праздником господьским и богородичным. Тако же[204] и образы всем святым[205] написати повеле и град той[206] большний китежь на[207] сто сажен в длину и в[208] ширину и бысть первая мера мало место.[209] Повеле же[210] благоверный[211] князь георгий еще на другое[212] сто сажен прибавити в длину,[213] и бысть[214] мера[215] граду тому, в длину[216] | два ста[217] сажен,[218] а в ширину на[219] сто сажен,[220] и[221] начаша же град той каменный строити[222] в лето 6673.[223] месяца маия в 1 день, на память святаго пророка иеремия и иже с ним. И[224] стройтца[225] град той[226] три лета, и[227] постройша его в лето 6676[228] месяца[229] сентября в 30[230] день на памят святаго священномученика григория великия армении[231] и иже[232] поехаша[233] в малый китежь[234] что на брегу волги[235] стоит, благоверный князь георгий всеволодович, и по строении[236] градов тех малаго[237] и большаго[238] повеле перемеряти поприща[239] | коль много межь собою расстояния[240] имеют[241] и[242] повелением благовернаго князя георгия[243] намеряша сто

Л. 86 об.

Л. 87

Л. 87 об.

---

[194] и утвердиша место Б, М. С. [195] и нет в М. [196] здати Муз. [197] доб. и животворящаго Т, Б, М, С, Муз. [198] же нет в Муз. [199] во имя пресвятыя богородицы успения Б, М, С. [200] и нет в Б, М, С, Муз. [201] доб. же Б, М, С. [202] триех церквах Б, М, С, Муз. [203] так В; иным Т, Б, М, Муз.; и иным С. [204] такодже С. [205] всех святых Муз. [206] той нет в С. [207] на нет в Б; премерять на Муз. [208] в нет в Б, С. [209] места М, С. [210] и повеле С; повеле Муз. [211] благоверный нет в С. [212] На другое нет в С; на вторoе Б. [213] в длину нет в Муз. [214] доб. 200 сажен Б. [215] мера нет в Б, С. [216] доб. на В, Муз. [217] двести М, С; 150 Муз. [218] два ста сажен нет в Б. [219] на нет в Б, М. [220] сажен нет в С; 150 сажен Б, М. [218—220] проп. Муз. [221] и нет в М, С. [222] и начаша здати град то каменныи Муз. [223] 6683е Б. [224] и нет в М, С. [225] так В; строиша Т, Б, М, С; здаша Муз. [226] той нет в С; той град Муз. [227] и нет в Муз. [228] 6686 Б. [229] месяца нет в Муз. [230] 1 С. [231] армении нет в С. [232] так В, Муз.; доб. с ним Т, Б, М, С. [233] и поеха Т, М, С; и поехаша Муз. [234] китеш Т. [235] доб. реки М, С. [236] по построении М, С. [237] доб. китежа М. [238] и по строении... большаго нет в Муз. [239] поприща нет в Муз. [240] расстоянием М; расстояния меж собою Муз. [241] доб. поприщ М; поприщь грады больший и малый китеж Муз. [242—243] проп. М.

поприщь.[244] благоверный же[245] князь[246] георгий всеволодовичь[247] слышав[248] сия[249] воздаде славу богу[250] и пресвятей[251] богородице. повеле же и летописец книгу написати,[252] сам же благоверный и[253] великий[254] князь георгий[255] всеволодовичь повеле всю службу отслужити и молебен пропев[256] пресвятей богородице Феодоровской, и по совершении службы тоя, поеха всед[257]
Л. 88 в струг свой,[258] и отплы в путь свой, в[259] прежде реченный | свой[260] псков град,[261] людие[262] проводиша его с великою честию, и целоваша[263] его отпустиша. благоверный[264] же князь георгий всеволодовичь егда приеха во град свой, прежереченный Псков[265] и[266] многи дни пребыст в молитве в посте же[267] и во[268] бдении, и много[269] милостыни раздая нищим[270] и вдовицам и сиротам.[271] По построении[272] же градов тех[273] поживе лет 75,[274] быст[275] в лето 6747.[276] попущением божиим грех ради наших прииде на русь воевати нечестивый и безбожный царь батый, и[277] разо-
Л. 88 об. ряше грады, и огнем пожигаше |[278] церкви божия[279] такоже розоряше и огнем пожигаше же,[280] людей[281] же мечу предаваше, а[282] младых детей[283] ножем закалаше, младых[284] дев блудом оскверняше,[285] и бысть плач велий,[286] благоверный же князь георгий всеволодовичь сия слышав плакаше горько,[287] и помолився ко господу и пресвятей божией матери,[288] собра вой своя.[289] поиде противу нечестиваго царя батыя с вои своими.[290] и егда сразишася вои обои вкупе, бысть сеча велия и крово-

---

[244] верст Б, М, С. [245] благоверный же н е т в С. [246] князь же С. [244—247] п р о п. Муз. [248] и слышав Муз. [249] от них сия Б; сия от них М, С. [250] богови М, С. [251] пречистей Муз. [252] повелением же благовернаго князя написаша книгу летописец Б, М, С; д о б. повеле и град той больший Китеж премерять на сто сажен в длину и в ширину Муз. [253] и н е т в В. [254] и великий н е т в Б. [255] георгий н е т в В. [256] пропев н е т в С; пропет Муз. [257] вседе М, С. [258—259] п р о п. Б, М, С. [260] свой н е т в Муз. [261] град Псков М, С, Муз.; и приеха в свой град псков Б. [262] д о б. же Б, М, С, Муз. [263] целовавша М; целоваста Муз. [264] святый благоверный Муз. [265] приеха во град Псков Муз. [266] и н е т в М. [267] и в пощении Б, М, С. [268] во н е т в М, С. [269] многи Б, М, С, Муз. [270] нищим раздавая Б. [271] сирым Б, М, С. [272] по построении М, С, Муз. [273] тех градов Муз. [274] 85 лет Б; 75 лет С. [275] доб. же Б, М, С, Муз. [276] 6751-е Б, М, С. [277] и н е т в С. [278—280] п р о п. В, Б, М, С. [279—280] п р о п. Муз. [281] людие Б, М. [282] а н е т в Б, С. [283] мученицы Б; младенцев М; младенцы С. [284] д о б. же М, С. [285] скверняше Б, М, С. [286] вельми Б. [287] горким плачем Б, М, С. [288] богоматере М. [289] собра воинство Муз. [290] своими н е т в Муз.

пролитие. тогда[291] у благовернаго князя георгия и[292] бысть мало вой побеже[293] благо|верный князь[294] георгий от нечестиваго царя батыя, вниз по волге в малый[295] китеж. И много брася[296] благоверный князь георгий с нечестивым царем батыем,[297] непущая[298] его во град свой.[299] егда же быст нощь, тогда благоверный[300] князь георгий изыде тайно, из града того в больший[301] град китеж. На утрие же воста той нечестивый[302] царь, на град той[303] с вои своими,[304] приступом приступи,[305] и взя его и всех[306] поби и[307] прируби[308] людей во граде том, и не обрете благовернаго князя[309] во граде том,[310]|нача[311] мучити человека[312] и[313] немогий мук терпети,[314] поведа[315] ему путь. той же[316] нечестивый гнаше вслед его.[317] И[318] егда[319] прииде ко граду тому, нападе на град той[320] со множеством своих,[321] и взя той[322] град больший китеж что на брегу езера светлояра.[323] и уби благовернаго князя[324] георгия, месяца февраля в 4 день, и поеха из града того нечестивый той[325] царь Батый. И после его[326] взяша мощи[327] благовернаго[328] князя георгия всеволодовича. и после раззорения того запустеша грады те[329] малый китежь,[330] что на брегу волги|стоит. больший же[331] что на брегу[332] езера Светлояра,[333] и не видим будет болший[334] китежь даже и[335] до пришествия христова, яко же и[336] в прежняя времена бысть сия, яко же[337] свидетельствуют жития святых отец, патерик[338] монасийский,[339] и патерик скитский и патерик азбучный, и патерик иеросалим-

Л. 89

Л. 89 об.

Л. 90

---

[291] и тогда Б, С. [292] и нет в В, М, С, Муз. [293] и побеже Б, М, С, Муз. [294] князь нет в Муз. [295] доб. свой Б, М, С, Муз. [296] брався М, С, Муз. [297] батыем нет в Муз. [298] не пущаша Г. [299] свой нет в Муз. [300] доб. и великий Муз. [301] доб. свой Б, М, С, Муз. [302] нечестивый той Б. [303—304] проп. Муз. [305] приступи приступом Б, М, С; приступи своим приступом Муз. [306—307] проп. Б, М, С, Муз. [308] поруби Б. [309] доб. георгия М, С. [309—310] проп. Муз. [310] и не обрете ... том нет в В. [311] и нача Б, М, С. [312] доб. во граде Б, М, С; человека мучити В. [313] доб. той человек Б, М, С; человек же той Муз. [314] терпети мук Муз. [315] и поведа Б, М. [316] и той же Б, М. [317] его нет в Б, М, С. [318] и нет в С. [319] егда нет в Г. [320] той нет в С. [321] так В; вой своих Б, М, Г, Муз.; вой С. [322] той нет в С. [323] Светлоярь Г. [324] князя нет в Г. [325] той нет в Б, М, С, Муз. [326] того нечестиваго царя батыя Б, М, С [327] доб. его Б. [328] доб. и великаго Муз. [329] грады те нет в С; доб. малый и болший китежь Б, М, С, Муз. [330] китежь нет в Т, Муз. [331] же нет в Муз. [332] брезе Муз. [333] светлояра езера стоит Б; езера Светлоярскаго М, Муз.; светлоярскаго езера С. [334] доб. и малый Муз. [335] и нет в Б, М, С. [336] и нет в Б, М, С. [337] же нет в Б, С. [338] патерик нет в Б, М, С. [339] мановасийский Б, М, С.

ский, и патерик святыя горы, яко[340] сия святые книги согласны
в них[341] писаны жития святых отец, и сокровенныя обители не
едина, но много монастырей,[342] и в тех[343] монастырех много
Л. 90 об. множество[344] | бысть святых отец яко звезд небесных[345] просияв[346]
житием своим,[347] яко[348] песка морскаго невозможно[349] исчести,
тако и сих невозможно[350] писанию предати и вся списати.[351] *
О них же провидя духом святым, блаженный и[352] пророк давид
царь[353] удивляяся, вопиет духом святым[354] в богодухновенной
книге своей[355] псалтыри глаголет, праведник яко финик процве-
тет и яко кедр иже в Ливане умножится, насаждени в дому[356]
во дворех[357] бога нашего процветут. и еще той же пророк[358]
Л. 91 царь давид,[359] мне же[360] | зело честнии быша друзи твои боже
зело утвердишася[361] владычествия их изочту их и паче песка
умножатся.[362] о сих[363] провидя духом святым, блаженный[364] апо-
стол[365] павел в послании книги своея глаголет,[366] провидя сие
слово к нам глаголет.[367] проидохом[368] во овчинах[369] и козиях[370]
кожах лишени скорбящеи озлоблени, им же не бе достоин мир[371]
тоже[372] слово и[373] святый иоанн[374] златоуст рече[375] в поучении
своем[376] глаголет. в неделю 3-ю[377] поста. тоже[378] слово провидя
Л. 91 об. к нам[379] святый анастасий | горы Синайския глаголет, сие же
слово апостольское[380] провидя нам глаголет,[381] и преподобный
отец наш иларион великий о святых пишет и[382] такоже[383] убо
в последнее время[384] будет[385] сие,[386] грады и монастыри сокро-

340 аможе Б; яко же М, С. 341 и в них Б, М, С. 342 многи монастыри Б; М, Г, С; многия монастыри Муз. 343 всих Муз. 344 множество много Муз. 345 звезды небесныя Б. 346 просиявших Т, Б, М, С, Муз.; просиял Г. 347 своим нет в Б. 348 и яко Б, М, С. 349—350 проп. Б, М, С. 351 исписати Б, С. 352 и нет в Т, Б, М, С. 353 и царь Давид Т; давид и царь Б; царь давид М, С; пророк давыд Муз. 354 духом святым нет в Б. 355 книге своей нет в Б, М, С. 356 доб. господни Б, М, С, Муз. 357 и во дворех Б. 358 доб. и Б. 359 царь давид нет в С; доб. вопиет Б, М, С; глаголет Муз. 360 же нет в Б. 361—362 проп. Муз. 363 доб. же М; о них же Б, Муз. 364 о сих ... блаженный нет в С. 365 святый апостол Муз. 366—367 проп. М, С. 368 проидоша С. 369 овчих Б; овчиях Муз. 370 и в козиях В; в козиих Б; в козлиях М, Муз. 371 весь мир Т, Б, М, С, Муз. 372 сего же Б, М; се же С. 373 и нет в Б, М, С, Муз. 373—374 проп. Б. 375 рече нет в Б, М, С. 376 своем нет в Б. 377 7ю Б, М, С. 378 того же Б. 379 к ним Б, М; нам С. 380 апостольское слово Б, С. 381 сие ... глаголет нет в М. 382 и нет в М, С, Муз. 383 яко же Б, С; такожде М; тако Муз. 384 в последния дни и времена Б, М, С; в последняя времена Муз. 385 будут Муз. 386 доб. что Б, М, С; сие нет в Муз.

* Здесь оканчиваются отрывки списка Г.

венные будут.[387] яко же антихрист царствовати начнет в мире, тогда побегнут в горы и в вертепы, и[388] в[389] пропасти земныя, человеколюбивый же бог не оставит тогда[390] хотящаго спастися, от усердия и умиления и слез, все человеку бог строит. самого спасителя божественная[391] уста глаголаше, в | пресвятом[392] еван- Л. 92
гелии рече[393] яко вся имущему[394] и хотящему спастися, дастся.[395] И по убиению[396] святаго и благовернаго и великаго князя георгия всеволодовича, и по погребению честных мощей его. в лето 6-е[397] прииде той царь батый воевати[398] в русское царство. пойде[399] же противу батыя царя[400] благоверный князь михаил черниговский з бояриноm своим феодором. и егда сразишася вои обои в купе, и бысть кровопролитие велие, и уби той нечестивый царь батый благовернаго и великаго[401] князя | ми- Л. 92 об.
хаила черниговскаго з боляриноm[402] феодором, в лето 6750[403] месяца сентября в 20 день. и после убиения благовернаго князя михаила черниговскаго[404] во 2-е лето уби[405] благовернаго князя меркурия смоленского, той нечестивый царь[406] батый в лета 6755, месяца ноября в 24 день. и бысть запустение московскаго царства, и прочих[407] монастырей и[408] того града[409] большаго китежа, в лето 6756.[410]

[Повесть* и взыскание о граде сокровенном китеже].[411]

Аще ли же[412] который человек обещается истинно[413] итти в него,[414] а не ложно, и[415] от усердия своего по | ститися начнет,[416] и многи слезы пролиет.[417] и пойдет[418] в него,[419] и обещается Л. 93

---

[387] будут нет в Муз. [388] в вертепы и нет в Б, М, С. [389] в нет в Б. [390] тогда нет в М. [391] божественная нет в Б, М, С, Муз. [392] во святом Муз. [393] доб. же М, С. [394] ищуще Муз. [395] дается В. [396] доб. же Б. [397] в лето 6752-е Б, М, С. [398] воевати нет в М. [399] и пойде М. [400] царя батыя М. [401] и великаго нет в Б. [402] и з бояриноm его Б, М, С. [403] лета 6752-е Б; в лето 6753 М, С, Муз. [404] черниговскаго нет в Б, М, С. [405] и уби Б, М, С. [406] царь нет в Муз. [407] доб. градов и Б, М, С. [408] и нет в С. [409] града нет в Б, М. [410] 6755-е, месяца ноября в 24 день Муз. [411] доб. К; Повесть и взыскание града сокрытого китежа Муз. [412] Аще ли В, Муз.; аще же Б, С. [413] истинно нет в М, С; истинно обещается Муз., К. [414] в него нет в Муз.; доб. истинно С. [415] и нет в Б, М, С, К. [416—417] проп. М. [417] излиет Б, С, К, Муз. [418] доб. искати Муз. [419] в него нет в Муз.

* Отсюда начинается список К.

тако аще и гладом умрети, а[420] из него не изыти,[421] аще ины[422] многи скорби[423] претерпети,[424] еще и смертию умрети, веждь[425] яко спасет[426] бог таковаго,[427] яко[428] стопы[429] его вся изочтены и записаны будут аггелом, яко,[430] на путь спасения поиде, яко же[431] свидетельствують о сем книги патерик скитский, бысть некоторый[432] отец, обрати некую блудницу[433] от блуда.[434]
Л. 93 об. блудница же[435] поиде с ним в монастырь, и прииде | пред враты монастыря того и умре, и бысть спасена. и вторая[436] такоже изыде в пустыню со отцем и умре, и прияша аггели душу ея[437] и возведоша[438] по лестнице[439] на небо.[440] тако и той человек аще случится и умрети[441] по божественному писанию рассудится, бежа[442] бо той подобен[443] сему духовно[444] бежа от блудницы[445] вавилонския темныя[446] и скверныя мира сего. яко же святый иоанн богослов во откровении книги своея написа о последнем
Л. 94 времени глаголет, яко жена седя на звери седмиглавном | нага и безстудна. в руках же[447] своих держит чашу полну всякия скверны. и смрада[448] исполнена,[449] и подает в мире сущим[450] любящим[451] сея.[452] первие[453] патриархом царем и князем и воеводам, и всяким властем богатым,[454] и всяким[455] людем в мире сем суетнем любящим власти сея.[456] а[457] иже[458] хотящаго и желающаго[459] спастися подобает бежати мира и сласти[460] его[461] еже рече той иоанн провиде духом святым яко жена побе-
Л. 94 об. жит в пустыню, и змий гоняше в след | ея иже и[462] совращает[463] с праваго пути[464] хотящаго жити смиренным и духовным путем.

---

[420] а нет в Б, Муз. [421] не изыти из него М. [422] и ины Муз. [423] смерти Б, М, С, К; страсти Муз. [424] терпети Муз., К. [425] виждь М, Муз., К.; весть С. [426] спасает Б, М, С. [427] доб. человека Б, М, С.; бог душу его Муз. [428] доб. и Б, М, С; яко нет в К. [429] доб. ног С. [430] яко нет в Б, М, С, Муз. [431] же нет в Б. [432] доб. человек С. [433—434] обратися Б; от братии М. [435] же нет в Б, Муз. [436] другая Муз. [437] душю ее аггели Муз. [438] вознесоша С. [438—439] проп. М. [440] ошиб. ибо Муз. [441] умрет Муз., К. [442] беже Б; бежи М, С. [443] подобно Б, М, С. [444] духовному писанию Б, М, С. [445] бежат блудницы Б. [446] тайныя Б; проп. С. [447] же нет в Б, М, С, Муз., К. [448] блуда С. [449] наполнену Б, М, С; исполнену Муз., К. [450] живущим М. [451] любящим нет в Муз., К; доб. всем Б, М, С, Муз. [452] сея нет в Муз.; ея В, Б, М, С. [453] первое Б. [454] так В, Т; властем и богатым М, С, Муз., К. [455] властем ... всяким нет в Б. [456] сласти ея Б, М, С. [457] а нет в Муз., К. [458] ежели Б, М, С. [459] хотящим и желающим Б, М, С. [460] сластей Б, М, С. [461] в Б, М, С отсюда пропуск до слов: вся убо господь приемлет. [462] и нет в В; доб. вслед Муз.; вседи К. [463] доб. и В. [464] с праваго пути совращает Муз.

той же проклятый змий учит широким и пространным путем ходити, и[465] стезею злобы и запинает и возбраняет с праваго пути и[466] совращает, и велит жити[467] растленным житием,[468] и возбраняет по правому пути ходящим. А иже хощет и ищет и желает спасения[469] того человека и[470] наипаче вразумляет[471] и помогает ему благодать божия, и учит и ведет его на совершенное духовное смиренное[472] | житие.[473] никто же бо никогда Л. 95
нигде оставлен бысть от господа. призвах когда[474] услышан бысть от него, или когда просит и не приемлет ли, и ищет и[475] не обрящет ли от него. вся[476] убо господь[477] приемлет к нему приходящие[478] с радостию и[479] призывает, но яко же[480] убо силы на небесех[481] не видят лице божие. А егда[482] грешник на земли покается, тогда ясно зрят лице христово силы вся небесных,[483] и открывается[484] слава божества[485] его,[486] и видят лице его,[487] единыя убо души грешныя | кающияся радость бывает на небе- Л. 95 об.
сех[488] всем силам небесным, и всем святым его, а силы убо аггелы и[489] архаггелы херувимы и серафимы начала и[490] власти[491] и[492] господьствия[493] и святыя убо[494] сия[495] суть[496] пророки, и апостолы, и[497] святители,[498] и[499] преподобныя, и праведныя, мученики и мученицы, и вси святии единого грешнаго[500] ради покаяния,[501] бывает[502] радость[503] всем силам небесным, и[504] всем святым его.[505] а не хотящаго ни тщащаго[506] ни желающаго получения[507] спасения себе,[508] не нудит господь нуждею и неволею, но по усердию и по про | изволению[509] сердца все строит Л. 96

---

[465] и нет в Муз., К. [466] и нет в Муз., К. [467] жити нет в К. [468] житием растленным Муз., К. [469] доб. бог Муз. [470] и нет в Муз. [471] доб. и укрепляет Муз., К. [472] смирение Муз., К. [473] и житие Муз. [474] доб. и Муз. [475] и нет в К. [476] отсюда возобновляются списки Б, М, С. [477] господь нет в Муз., К. [478] приходящия к нему Б. [479] и нет в Б, Муз., К. [480] же нет в Б, М, С. [481] небеси Муз., К. [482] И егда Б, М, С. [483] так В, Т, Муз., К; вся силы небесныя Б, М, С. [484] открыется Б, М, С, Муз., К. [485] божия Б, М, С. [486] его нет в В. [486—487] проп. Муз., К. [487] его нет в Б. [488] небеси Муз., К. [489] и нет в Муз., К. [490] и нет в В, М, Муз., К. [491] доб. престоли Б. [492] и нет в Муз., К. [493] доб. и силы Б. [494] убо нет в Б, М, С. [495] сия убо Т. [496] суть сия Б, С. [497] и нет в Муз. [498] святыя святители Б, М, С. [499] и нет в Муз. [500—501] проп. М, С, Муз. К; кающагося Б. [502] бысть К. [503] радость бывает Муз. [503—504] проп. Б, С. [504—505] проп. Муз. [506] и ни тщащагося Б, М; доб. и не ищущаго Б, М, С. [507] получити Т, Б, М, С, Муз., К. [508] себе нет в Б, М, С; доб. того Б, М, С. [509] доб. бог Б.

господь[510] человеку, егда кто нераздвойным[511] умом,[512] и верою несуменною обещается, и помышляти[513] ничто же суетно в[514] себе, или[515] возвратится[516] вспять, не поведа[517] ни отцу ни матери и[518] сестрам и[519] братиям[520] и таковому господь открыет и управит его[521] в таковое благоутишное пристанище,[522] молитвами преподобных отец наших онех иже трудятся день и нощь непрестанно[523] от уст их молитва[524] яко кадило благо-
Л. 96 об. уханно, молят же[525] ся и[526] о хотящих спастися истинным | сердцем, а неложным обещанием,[527] и хотящим[528] спастися и молитися.[529] который[530] человек обратится[531] к ним,[532] и[533] аще кто откуду[534] обратился.[535] таковаго приемлет[536] с радостию яко от бога[537] наставляема, и[538] хотящаго[539] итти в таковое место святое, никакова[540] помысла[541] не имети[542] лукава и развращенна и[543] мятущего ум, и отводящаго[544] в[545] места оного мысли[546] человека того хотящаго итти.[547] но[548] убо велми блюдися[549] опасно мыслей злых хотящих разлучити от места того,
Л. 97 и[550] не | помышляти семо и овамо. таковаго[551] управит человека господь[552] на путь спасения. или извещение приидет ему из града того иже[553] или[554] и[555] монастыря того[556] иже[557] сокровени бяху оба град же и монастырь. есть бо[558] и[559] летописец книга о монастыре том. на[560] первое слово возвращуся,[561] аще ли[562] же[563] пойдет и мыслити начнет,[564] славити[565] везде,

---

510 господь нет в Б. 511 нераздвоенным Т, Б, М, С; неразумным К; равумным Муз. 512 путем и умом Б, С. 513 доб. начнет М, С. 514 в нет в К. 515 ниже Б, М, С. 516 возвратитися М, С, Муз., К. 517 ни поведати Б, М, С, Муз. 518 ни Б, М, С. 519 ни Б, М, С. 520 ни братьям ни сестрам Муз., К. 521 господь Б, М, С. 522 благоутишие и пристанище С. 523—524 проп.; доб. о них молятся Б. 525 же нет в Б, М, С. 526 и нет в Б, М, С. 527—528 проп. Муз. 528 о которых хотящих Б, М. 528—529 проп. Муз. 529 молятся Б, М. 530 дабы который Б, М, С. 531 обратился Б, М, С. 532 нищим Муз., К. 533 и нет в Муз., К. 534 оттуду Б. 535 обратится Б, М, С, Муз., К. 536 так В, Т, Муз., К; приемлют Б, М, С. 537 так В, Т, Муз., К; яко богом Б, М, С. 538 и нет в Муз. 539 хотящему Б. 540 чтоб никакова Б, М, С; и никакова Муз., К. 541—542 проп. Б. 543 и нет в Б. 544 водящаго Муз., К. 545 от Б, М, С, Муз., К. 546 мысли нет в Б, М, С. 546—547 проп. Муз. 548 ни Муз., К. 549 доб. того К. 550 и нет в Муз., К. 551 и таковаго Б, М, С. 552 господь человека М, Муз. 553 иже нет в В, М. 554 или нет в Муз., К. 555 из М, Муз. К. 553—556 проп. Б, С; того нет в Муз., К. 557 тии же Муз. 558 бо нет в С. 559 и нет в Б, М, С, Муз., К. 560 но на Муз., К. 561 возвратимся М; возвращаемся Муз.; возращахуся К. 562 ли нет в С. 563 же нет в М. 564 доб. семо и овамо, и пойдет и начнет Б, М, С, К. 565 и славити Муз.

и[566] таковому закрыет[567] господь, и покажется[568] ему лесом и пустым местом,[569] и ничто же[570] таковый получит себе но[571] токмо труд его[572] всуе бысть,[573] и[574] соблазн| и укор Л. 97 об. и понос[575] ему будет за сие[576] от бога[577] казнь приимет[578] зде и будущий век[579] осуждение и[580] тьму кромешную иже таковому[581] святому месту[582] поругася[583] иже[584] на конец века[585] сего[586] чудо явися[587] невидим град[588] бысть,[589] якоже и[590] в прежняя времена бысть много монастырей не видимы быша[591] иже писаны[592] в житиях святых отец[593] пространнее узриши, и сей[594] град[595] болший[596] китежь невидим[597] бысть и[598] покровен[599] рукою божиею, иже[600] на конец века сего многомятежна[601] и слез достойнаго,[602] покры| господь той[603] град[604] Л. 98 дланию своею[605] и[606] невидим бысть по их молению[607] и прошению, иже достойне[608] и праведне тому[609] припадающих, иже не узрит[610] скорби и печали от зверя[611] антихриста, токмо о нас[612] печалуют день и нощь. о[613] отступлении нашем всего[614] государьства[615] московского яко антихрист[616] царьствует в нем[617] и вся заповеди его скверная и нечистыя,[618] запустение[619] града того[620] поведают[621] отцы слышавши[622] от прежде бывших их[623] отец, по разорении градском, и[624] по[625] сте летех

---

[566] и нет в Б, С. [567] закрывает Б, М, С, Муз. [568] но покажет М. [569] доб. не живущим М; и ничтоже живущим Б, С. [569—570] проп. С. [571] но нет в С. [572] его нет в С. [573] будет; М. [574] доб. бысть Б. [575] понос и укор Б, М, С, Муз., К. [575—576] проп. С. [576] и за сие Б, М, К. [577] и от бога С. [578] приимет нет в С. [579] в будущем веце Б, С; в будущем веке М; в будущий век Муз., К. [579—580] проп. С. [581] таковому нет в С. [582] месту святому Муз., К. [583] поругается С. [584] иже нет в Муз; и С. [585] века нет в М. [586] сего нет в С. [587] явися нет в С; яви Б, М. [588] доб. яве Б. [589] бысть град С. [590] и нет в Т, Муз., К. [591] бысть Муз., К; якоже... быша нет в С. [592] написаны Б. [593] отец нет в С. [594] тако и сей Б, М. [595] град нет в С, Муз. [596] болший нет в Б, Муз. [597] доб. болший и Б. [598] бысть и нет в С. [599] доб. бысть М, К. [600] иже нет в С. [601] многомятежного Муз. [602] слезам достойнаго М; слезнаго С. [603] той нет в С, Муз. [604] град нет в Муз., К. [605] дланию своею той град Б; своею нет в С. [606] и нет в Муз. [607] умолению Б, С. [608—609] проп. С. [610] узрят С; и не узрят Муз. [611] зверя нет в С. [612] о нас нет в С. [613] и о Б. [614] и всего Б, Муз. [615] царства Муз., К. [616] антихрист нет в К. [617] яко царствует в нем антихрист Муз. [618] нечестивыя Муз., К; яко... нечистыя нет в М, С. [619] запустения В, Муз., К; и о запустении Б, С; запустение же М. [620] сего Муз., К. [621] поведает Б, С. [621—622] проп. Т. [622] отец слышавших Б. [623] их нет в М, С. [624] и нет в М, С. [625] по нет в Муз., К; во Б.

Л. 98 об. после [626] | нечестиваго и безбожнаго [627] царя батыя [628] разори бо всю ту [629] заузольскую и села и деревни огнем [630] пожже и лесом поросте [631] вся та страна заузольская, [632] и с [633] того времени не видим бысть град той [634] и монастырь. сию убо мы [635] книгу [636] летописец [637] написали [638] в лета 6759 [639] и уложили [640] собором [641] и предали [642] святей божией [643] церкви [644] на утвержение [645] всем православным [646] христианом,* хотящим [647] прочитати или слушати [648] и [649] не поругатися сему божественному писанию. [650]
Л. 99 аще ли [651] же который человек поругается или по | смеется нами [652] преданному сему писанию, да весть таковый, той [653] не нам поругается, но богу и пречистей его матери, [654] владычице нашей богородице и присно деве марии. в нем же славится и величается и именуется великое [655] имя ея матери божии. тем же и она соблюдает и хранит. [656] и покрывает [657] дланию своею, [658] и молитву [659] за них к сыну своему глаголющи, не презри моего сыне любезный [660] прошения [661] иже кровь свою излия на [662] весь мир. тем же и сих помилуй и сохрани и соблюди
Л. 99 об. призывающих имя мое [663] с верою | несумненною, и чистым сердцем. тем же господь [664] покры их своею рукою, [665] иже мы написали [666] и уложили [667] и предали, и [668] к сему нашему уложению ни прибавити [669] ни убавити, [670] ниже всяко пременити ** ни едину точку или запятую. аще ли [671] кто прибавит, [672] или всяко пременит [673] *** да будет по святых отец преданию [674] про-

---

[626—627] пропуск С. [628] батыя царя С. [629] ту нет в Муз.; ту всю Б; доб. страну Б, М, С, Муз., К. [630] огнем нет в С. [631—632] пропуск С; заузольская нет в Муз. [633] с нет в Т. [634] той нет в С; той град Б. [635] убо мы нет в С. [636] книжицу К. [637] летописец нет в С; сей летописец Муз. [638] писали С. [639] так Муз., К; в лето 6659-е Б, М, С. [640] уложиша Б, С. [641] доб. святых отец Муз. [642—643] пропуск С. [644] святей церкви Б. [645] уверение М. [646] православным нет в С. [647] и хотящим Б. [648] или слушати нет в С; или послушати М. [649] и нет в К; а М. [650] писанию божественному С. [651] ли нет в С. [652] доб. и Б, С. [653] что Б; то М, С. [654] пресвятей его богоматери Б, М, К; его пречистой богоматери С. [655] великое нет в М. [656—657] пропуск Б, С. [657—658] пропуск С. [659] и молится Б, М, С, К. [660] презри сыне мой любезный С. [660—661] пропуск Б; моления моего М. [662] за Б, М, С, К. [663] твое М. [664] господь нет в С; и господь М. [665] рукою своею Б, С. [666—667] пропуск С. [668] и нет в Б, М, С. [669—670] пропуск М. [671] ли нет в М. [672] доб. или убавит Т, Б, М. [673] пременит нет в Б, С. [674] преданию святых отец С.

* Здесь оканчивается список Муз.

** Здесь оканчивается список В.

*** Здесь оканчивается список К.

клят,[675] иже предавших сия[676] и утвердивших. аще ли[677] кому неверно мнится, то прочти прежде бывших святых[678] жития, и увесть[679] яко бысть[680] много в прежняя времена сего,[681] | слава Л. 100
иже в троицы славимому богу и пречистей его богоматере, соблюдающей[682] и хранящей[683] место оно, и[684] всем[685] святым, аминь.

---

675 под запрещением М. 676 сия нет в М. 677 ли нет в М, С. 678 доб. отец С. 679 веждь Б, С. 680 бысть нет в М. 681 было сего М. 682—683 проп. Б, С. 684 и нет в М. 685 со всем Т.

II

ЛЕТОПИСЕЦ О УБИЕНИИ

(Московского Историч. Музея, собрания гр. А. С. Уварова, № 523 (860), лл. 34 об. — 46).

Л. 34 об. Летописец о убиении благоверного князя георгия всеволо-
ди<ча> писано. В лет<о> 6646-го сентяб<ря> 5 день.[1] Бе сей
святыи благоверныи князь георгий всеволодович. сын святому
великому князю всеволоду, а во святом крещении гавриилу а
великий княз всеволод сын бе князю мстиславу внук же равно-
Л. 35 апостольному владимиру киевскому и самодержцу русския | земли
благоверныи же князь георгии всеволодич правнук же и свя-
тому и великому княз<ю> владимиру. святыи же князь всеволод
первие княжи в великом новграде. И тогда возропташа новго-
родцы нань, и реша. яко князь наш не крещен сыи владеет
Л. 35 об. нами крещенными и изгнаша его вон. он же | прииде в киев
к дяде своему ярополку, и сказа ему все за что изгнан быст
новгородцы. Он же слышав от него и вда ему вышград. и ту
молим быст псковичи княжити у них, и прииде к ним во град
псков, и по времени восприя святое крещение и наречен быст
Л. 36 гавриил. и пребыст в ве | ликом пощении и воздержании, и пре-
быст лето едино в вечныи покой отиде в лет<о> 6671, февраля
в 11 день. и погребен быст сыном своим князем георгием,
и быша чюдеса многа от святых мощей его. благоверныи же
княз георгии всеволодович по преставлении отца своего благо-
Л. 36 об. вернаго князя гавриила. пре | быст на месте его по умолению
псковичь. и изволи святыи князь георгии всеволодович ехать

---

[1] „В лет<о> . . . день“ записано на полях (как и заглавие — киноварью).

к великому князю михаилу черниговскому, и святыи князь георгии поклонися благоверному михаилу и рече ему здрав буди благоверныи и великии княже михаиле на многая лета. сияя благочестием и верою хри|стовою и уподобися прадедом Л. 37
нашим и прабабе нашей благоверной и великой княгине олге. иже обрете себе избраннаго и честнаго бисера христа и веру его святых пророк же и апостол и святых отец. и христолюбивому царю и равноапостольному прадеду нашему царю константину. и рече ему благове|рныи князь михаил здрав же буди и Л. 37 об.
ты благоверныи и великии княже георгие прииде ко мне с благим советом и независтным оком. что бо приобрете от зависти дед наш святополк иже восхоте владети градами. и уби братии наших благоверных князей бориса и глеб‹а›. оболсти бо их лестию и советом са|таниным, яко мати при смерти ест наша. Л. 38
они же яко незлобивыя агньцы уподобишася благому пастырю своему христу. господь же прослави святыя своя угодники, мы же на предлежащее возвратимся. рече же благоверныи князь георгии, благоверному князю михаилу. даждь ми гра|моту Л. 38 об.
в русии нашей по градом церкви божия строити и грады и рече ему благоверныи князь михаил яко же хощеши тако и сотвори. еже создати церкви божия в славу и хвалу пресвятому имени божию. за сие доброе твое изволение мзду приимеши в день пришествия христова. и пиршествовавше духовно|многи дни Л. 39
и егда хотяше ехати в путь великии князь георгии. Тогда благоверныи великии князь михаил повеле грамоту нописат‹и› и свою руку приложи к грамоте. и отпусти его с честию и егда приеха великии князь георгии в новград. повеле строити церков во имя пресвятыя богородицы в лето 6672.|из нова же града Л. 39 об.
поехав в град псков свой, иде же представися отец его благоверныи князь гавриил. псковскии чюдотворец. и оттуду поехав к москве и повеле строити церков во имя же успения пресвятыя богородицы. и поеха с москвы в переславль залеской и в град ростов. в то же время быст|в ростове граде. великии князь Л. 40
андрей боголюбский. И повеле князь георгии во граде ростове церков строити во имя же успения пресвятыя богородицы. месяца маия в 23 день. и начаша рвы копати на основание церкви. и обретоша мощи лежаще святителя христова леонтия епископа ростовскаго чюдотворца|иже он обрати люди Л. 40 об.
в веру христову. и крести их от мала и до велика. и возрадовася радостнию великою благоверныи княз георгии и

прослави бога давшаго ему таковое многоценное сокро-
вище и отпе молебен и повеле ехати князю андрею бого-
л. 41 любскому во град муром. и строити церкви | сам же великии
князь георгии поеха во град ярославль что на брегу волги
реки стоит и седе в струг и поплыве наниз по волзе. и приста
к брегу в малыи китежь что на брегу волги стоит. и построй
его и начаша вси людие молити князя георгия. чтобы образ
л. 41 об. пресвятыя богородицы | чюдотворныя иконы Федоровския внес
во град. Он же по прошению их повеле пети молебная и егда
хоте образ той нести во град он же не пойде с места нимало
ни поступи. видевше же вси изволение владычицы где сама
избра место себе. повеле на том месте устроит<и> монастыр.
л. 42 Сам же поеха оттуду сухим | путем. и переехa реку узолу, и
вторую реку именем санду. и 3-ю саногту и 4-ю керженец
и приехав к езеру светлояру, и виде место то вельми красно
и повеле на брегу езера строити град болшии китежь и на
другом брезе езера роща дубовая. и начаша рвы копати и цер-
л. 42 об. ковь класти во имя воз | движения честнаго и животворящаго
креста господня 2-ю церков класти во имя успения пресвятыя
Богородицы. и 3-ю во имя благовещения пресвятыя Богоро-
дицы и пределы делати иным праздником. тако же и образы
написати. и град той болшии китежь в длину 200 сажен
а в ширину на 100 сажен и град той каменныи строити в лет<о>
л. 43 6673 месяц<а> маия | в 1 день. на памят святаго пророка иере-
мия и строиша град той 3 лет<а>. и по строении градов тех
малаго и большаго китежа. и повеле премерити колико поприщь
межу собою разстояния имеют и намеряша 100 поприщ. и бла-
говерныи княз георги<й> воздаде славу богу и пресвятей бого-
л. 43 об. родице. и повеле службу и мо | лебен пропети, пресвятей бого-
родице Феодоровской и по совершении службы тоя поехав
в путь в прежереченныи свой град псков. людие же целовавше
его с великою честию проводивше его отпустиша и достиг
града[1] и пребыст многи дни в молитве в посте же и во бдении,
л. 44 и мног<о> милостыни раздая ни | щим и вдовицам и сиротам. и
поживе лет 70 и 5. и быст в лет<о> 6747. попущением же
божиим грех ради наших приид<е> на русь воевати нечестивыи
и безбожныи царь батыи. и раззоряше грады и огнем пожигаше
церкви божия. людей мечю предаваше а младых детей ножем

[1] „И достиг града“ — приписка на полях.

закалаше. младых же дев | блудом оскверняше, и быст плач Л. 44 об.
велии благоверныи же княз георгий всеволодовичь сия слышав
плакав же горко и помолися господу и пресвятей богородице.
и собра вои своя пойде против нечестиваго царя батыя и егда
сразишася вои обои вкупе быст сеча велия и кровопролитие
тогда у благовернаго князя ге | оргия мало быст вой. и побеже Л. 45
от нечестиваго царя батыя вниз по волге в малыи свэй китежь и
много брася с нечестивым батыем непущая его во град свой. егда
же быст нощь. тогда благоверныи князь георгии изыде тайно из
града в большии свой град китежь на утрия же воста нечести-
выи батыи на | град приступи, и взя его и всех преруби людей, Л. 45 об.
и не обрете благовернаго князя георгия во граде. и нача мучити
человека. он же не многии мук терпети поведа ему путь нече-
стивыи же гнав вслед его и егда притече ко граду нападе со
множеством вой своих и взя болшии китеж | что на брегу езера Л. 46
светлояра, и уби благовернаго князя георгия месяца февраля
в 4 день и выеха вон из град<а> нечестивыи царь батыи. и после
его взяша мощи благовернаго князя георгия всеволодович<а>
и погребоша честно.[1]

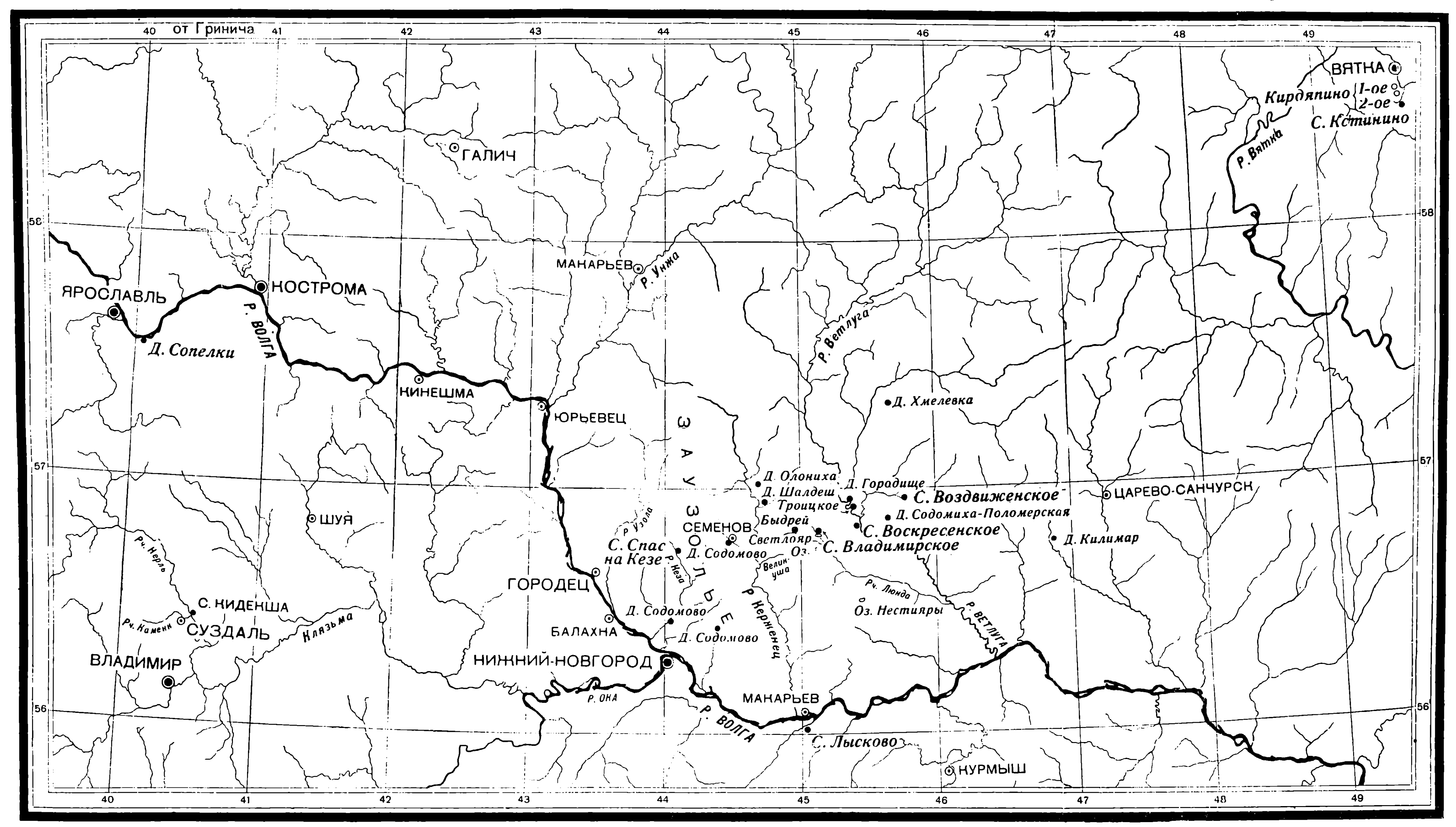
---

[1] На л. 46 об. — запись гражданским почерком, переходящая на переплет: „Сия книга московской губерни города Коломны Мещани Ивана Парфеньева Мерзляко".

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

от Гринича
ВЯТКА
Кирдяпино
1-ое
2-ое
С. Кстинино
Р. Вятка
ГАЛИЧ
МАКАРЬЕВ
Р. Унжа
ЯРОСЛАВЛЬ
КОСТРОМА
Р. ВОЛГА
Д. Сопелки
Р. Ветлуга
КИНЕШМА
ЮРЬЕВЕЦ
Д. Хмелевка
ЗАУЗОЛЬЕ
Д. Олониха
Д. Шалдеш
Д. Городище
С. Воздвиженское
Троицкое
Д. Содомиха-Поломерская
ЦАРЕВО-САНЧУРСК
ШУЯ
Р. Узола
СЕМЕНОВ
Быдрей
С. Воскресенское
Светлояр
Оз.
С. Владимирское
Д. Килимар
С. Спас на Кезе
Д. Содомово
Р. Кеза
Велин-уша
Рч. Нерль
ГОРОДЕЦ
Р. Керженец
Рч. Люнда
Оз. Нестиярь
С. КИДЕНША
Рч. Камени
СУЗДАЛЬ
Клязьма
Д. Содомово
БАЛАХНА
Д. Содомово
Р. ВЕТЛУГА
ВЛАДИМИР
НИЖНИЙ-НОВГОРОД
Р. ОКА
Р. ВОЛГА
МАКАРЬЕВ
С. Лысково
НУРМЫШ
Масштаб 1:2000000